

© Петербургская библиотечная школа
№ 1/2 (14/15) 2000

Литературный редактор
Л.Д. Грибакина

Оформление обложки
Д. Новиков

УЧРЕДИТЕЛЬ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЕ
БИБЛИОТЕЧНОЕ ОБЩЕСТВО
191025 С.-Петербург,
наб. р. Фонтанки, 46
тел. (812) 311 27 53
факс (812) 311 22 47
nmo@pl.spb.ru

Регистрационный № П 1360 ФГУ
"Северо-Западное окружное Межрегиональное
ТУ МПТР России" от 03 марта
1995 г.

При перепечатке материалов ссылка на
журнал "Петербургская библиотечная
школа" обязательна

Отпечатано в типографии ГП ИПК "Вести"
Тираж 500 экз.
Зак. № 572.
Номер подписан в печать 23.02.2001.

К читателю

Библиотечная наука:
взгляд из Петербурга 3

*Горизонты профессионального миро-
воззрения*

Чалова З.В. Партнерство
и формирование современного
имиджа публичных библиотек 5

**Философские аспекты подготовки
исследователей и практиков
библиотечного дела (Материалы
"круглого стола")** 9

Гусева Л.Н. Онтология
библиотечного сообщества 11

Ловкова Т.Б. Лик библиотеки
в художественном тексте
как образ мира 16

Володин Б.Ф. Представления
ученого о библиотеке и профессио-
нальный библиотечный дискурс
проблема взаимовлияния
(на примере Германии) 21

Маркова Т.Б. Библиотека
в системе культуры Э. Кассирера
и М. Фуко (гносеологический
аспект) 27

Марков Б.В. Этика дискурса 30

Опыт наших коллег

Збаровская Н.В. Проблемы
информационной грамотности
(Обзор профессиональной
печати США) 38

Новикова Т.И. Библиотекари
и архитекторы: первые шаги
к пониманию друг друга 42

Переводы

Володин Б.Ф. Ведущий историк
библиотек XX века —
Памела Спенс Ричардс 45

**Редакционная коллегия
библиотечная школа**

З.В. Чалова,
С.А. Басов,
В.Ю. Григорьев,
А.С. Зонин,
Н.М. Комиссарчик,
Е.В. Конюхова,
Л.Г. Косачёва,
Н.Н. Мазняк,
В.А. Минкина,
Т.Ю. Монакова,
Н.Н. Никитина,
Т.И. Новикова,
Т.В. Петрусенко,
З.А. Рудая,
Н.П. Тряпкина,
Е.В. Шеповалова

Редакционный совет

Б.Ф. Володин
(Главный редактор),
М.Ф. Ежова
("Публичные библиотеки"),
З.А. Рудая
("Уникумы"),
И.Л. Клим
("Переводы")

Ричардс П.С. Международное
сотрудничество и развитие
научных библиотек в XX веке 50
Информация о Фонде памяти
Памелы Спенс Ричардс 55

История библиотек

Тихонова Е.В. Книговедение
на высших библиотечных курсах 56
Шомракова И.А. Петербургская
школа книговедения 60

**Лидеры петербургской библиотечной
школы**

Ступин Д.И. Весомый вклад в отече-
ственное библиотечное дело. Прак-
тик. Теоретик. Личность (К 75-летию
профессора А.Н. Ванеева) 63
Бородина В.А. Библиотечный лидер.
(К 70-летию профессора
В.С.Крейденко) 67
Борисова Е.И. Библиотековед,
признанный классиком.
К 100-летию со дня рождения
Б.В. Банка 69
Высоцкая Е.К. О Борисе Владимиро-
виче Банке 71
Банк Б.В. Беседа о библиотечной
профессии 73

Наши интервью

Романков Л.П. Нам дорого
признание единомышленников 77
Петрицкий В.А. Наша общая
миссия — помогать библиотеке ... 80

Библиотека как культурный центр

Смолина Е.В. Пессимист,
опирающийся на оптимизм.
(Наброски к портрету
петербургского дирижера Василия
Зварийчука) 83

Хроника

Англичанинова Н.И. Ради общего
блага 89

**БИБЛИОТЕЧНАЯ НАУКА:
ВЗГЛЯД ИЗ ПЕТЕРБУРГА**

Этот выпуск журнала «Петербургская библиотечная школа» выходит с большим опозданием. В 2000 году мы были вынуждены сократить и число запланированных выпусков — вместо привычных уже четырех номеров в год подготовлены только два. Но мы продолжаем жить и продолжаем наш рассказ о жизни Петербургского библиотечного общества, об уникальных библиотеках Петербурга и его уникальных библиотечных работниках.

В этом номере представлены разные аспекты петербургской библиотечной жизни, но основной акцент сделан на осмысление особенностей современной библиотечной науки, как с точки зрения нашего противоречивого, все еще переходного общества, так и с точки зрения города, который изначально формировался и развивался в диалоге с другими странами, языками, культурами.

На страницах этого выпуска вы познакомитесь с материалами третьего философского круглого стола по проблемам библиотечного дела.

В этом номере мы даем не один, а несколько портретов лидеров петербургской библиотечной школы — тех ученых-библиотековедов, которые определяют лицо именно петербургской школы библиотечного дела и для которых 2000-й год стал юбилейным. В этом году мы праздновали столетний юбилей Бориса Владимировича Банка — одного из патриархов библиотечного дела Петербурга. В этом же году исполнилось

75 лет профессору Анатолию Николаевичу Ванееву и 70 лет профессору Владимиру Семеновичу Крейденко, имена которых хорошо известны как в нашей стране, так и за ее пределами. Редакционная коллегия журнала стремилась особо отметить значимость их деятельности для Петербурга. Лично я считаю себя учеником А.Н.Ванеева, и я всегда поражаюсь и продолжаю восхищаться его особой работоспособностью — умением работать без суеты, не приспосабливаясь к обстоятельствам, не изменяя своим научным интересам и пристрастиям: его оценки не имеют ничего общего с научной конъюнктурой, следуя которой так легко превратить плюс в минус и наоборот. С его оценками и выводами можно не соглашаться, но и

в этом случае его работы интересны, потому что за ними стояли и стоят его личные убеждения.

На страницах этого номера мы продолжаем знакомить наших читателей и с переводами работ ведущих зарубежных ученых-библиотековедов. Мы публикуем статью нашей американской коллеги — Памелы Спенс Ричардс. Она жила и работала в Нью-Йорке, но ее петербургские коллеги всегда считали ее представительницей петербургской библиотечной школы, нацеленной на диалог коллег из разных стран, на сотрудничество. Здесь ее, как мне кажется, особенно хорошо понимали и очень любили.

Петербург притягивает к себе людей из разных городов и разных стран, в том числе и в свои библиотеки. Приехав сюда, многие остаются здесь навсегда и именно здесь продолжают реализовывать себя. В этом выпуске мы публикуем портрет одного из наших коллег, приехавшего когда-то в наш город с Западной Украины, одного из самых интересных и самых творческих сотрудников Российской Национальной библиотеки — Василия Степановича Зварийчука, который хорошо известен в Петербурге и любим как дирижер.

Борис Володин,
главный редактор журнала

ПАРТНЕРСТВО И ФОРМИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННОГО ИМИДЖА ПУБЛИЧНЫХ БИБЛИОТЕК

Зоя Васильевна Чалова — Президент ПБО

Перемены, произошедшие в нашей стране, не могли не сказаться на работе библиотек. Отказ от старых идеологических догм и отсутствие общей национальной идеологии объективно привели к невостребованности культуры как таковой. Именно поэтому широкое распространение получил призыв к выживанию культуры в период экономических реформ. Работники библиотек оказались в сложном положении: государство было не в состоянии оказывать им реальную и систематическую помощь.

Объективно об этом свидетельствует и Федеральный закон о библиотечном деле. Суть закона сводится к достаточно простому предложению — выживайте за счет самостоятельного ведения хозяйственной деятельности, т. е. зарабатывайте деньги сами. Но процесс зарабатывания денег оказался не таким простым, как казалось. В результате библиотеки в подавляющем большинстве занимались так называемой “примитивной коммерцией”: сдачей части своих помещений в аренду и предоставлением недорогих платных услуг своим читателям, которые и сами относятся к малообеспеченным слоям общества. Запутанность налогового законодательства также не способствовала идее самостоятельного зарабатывания денег.

Не будет ошибкой утверждать, что культура (библиотеки) и коммерция — понятия слабо совместимые. Библиотеки не могут быть абсолютно независимы. Они зависимы и будут зависимы от государства.

В этих условиях перед библиотеками стоят две основные задачи — работать над современным имиджем и изыскивать внебюджетное финансирование через поиски партнеров.

Что есть партнерство сегодня? Часто российские библиотеки рассматривают партнерство как работу только с внешними организациями (коммерческими структурами, информационными и культурными центрами).

Это правильно. Но нельзя забывать и о партнерстве в своей профессиональной среде. Я постараюсь рассказать об этих двух направлениях и о том, как они проявляются в Петербурге.

Для того чтобы найти партнеров, завоевать их доверие, библиотека должна быть видимой для общества, открытой, нужной. Плохой библиотеке трудно найти партнеров.

Давайте на примере нашей библиотеки рассмотрим проблему поиска партнеров и работу с ними. Может быть, опыт библиотеки им. В. В. Маяковского может показаться мало при-

менимым для других библиотек, но сами принципы и методы партнерских отношений могут быть адаптированы любой библиотекой исходя из ситуации.

Библиотека им. В. В. Маяковского, являясь одной из крупнейших публичных библиотек Петербурга, выполняет информационную, образовательную и культурную функции. Мы понимаем, что только своими силами библиотека не сможет обеспечить жителям города всю полноту и свободный доступ к информации. Как решить эту проблему? Особенно остро встал этот вопрос при получении нового здания, где открылся отдел иностранной литературы. Не хватало новых фондов, новых технологий. Ресурсы не соответствовали требованиям века информатизации.

Так родилась идея приглашения в "наш дом" Британского Совета, потом Немецкого Культурного Центра им. Гете, Мемориальной библиотеки князя Г. Голицына. Не следует думать, что все это было просто. Это были долгие поиски, большая кропотливая работа. Например, за Центром им. Гете мы "ухаживали" целый год. Были исписаны целые тома писем в Америку, прежде чем в библиотеке открылся информационный центр "АСПРЯЛ" (Американский совет преподавателей русского языка и литературы), который занимается образованием в Америке.

Не надо забывать, что это был 1989 год. Нужна была определенная смелость, чтобы дружить с этими организациями, предвидеть эффективность этого партнерства, выстроить такие рабочие отношения, которые дополнили бы деятельность друг друга.

Что приобрела библиотека в результате этого союза?

Первое. Расширилось информационное пространство. Посетители библио-

теки имеют возможность воспользоваться ресурсным центром Британского Совета, получать свежие информационные материалы для изучения английского языка, изучать язык в языковом центре Британского Совета, получать информацию об образовании в Америке в центре АСПРЯЛ, пользоваться литературой на немецком языке в библиотеке Немецкого Культурного центра им. Гете.

Уникальная мемориальная библиотека князя Георгия Голицына, главной темой которой стала "Россика" XX века, дает возможность пользователям библиотеки познакомиться с книгами о России, изданными за рубежом на английском и русском языках.

Второе. Нам оказывают помощь в комплектовании фондов.

Кроме того, что наши партнеры обслуживают читателей своими фондами, они постоянно пополняют фонд иностранного отдела нашей библиотеки, помогают привлекать средства для приобретения книг. Это позволяет нам экономить деньги.

В связи с этим не могу не рассказать о благотворительной акции, организованной "АСПРЯЛ", — "Мировые бестселлеры — петербуржцам". Видя, что в библиотеке скудно финансируется комплектование, АСПРЯЛ провел благотворительный вечер, куда привлек Авиакомпанию "Британские авиалинии", "SAS", компанию "Кока-Кола".

Третье. Внедряются новые информационные технологии. Опыт этих центров представляет для нас идеальный пример.

Четвертое. Совместно проводятся акции и мероприятия.

Кольцевая книжная выставка "Литературный Берлин", подготовленная библиотекой Культурного Центра им. Гете, более полугода перемещалась по

публичным библиотекам Петербурга. Каждая библиотека сопровождала выставку различными мероприятиями: литературно-музыкальными вечерами, театральными постановками, библиографическими обзорами.

Нашими партнерами стали не только те, кто находится в "нашем доме", это и Институт "Открытое Общество", практически все консульства Санкт-Петербурга, информационные, культурные и образовательные центры нашего города, зарубежные книжные издательства и книгоиздательские организации.

Примером нашего сотрудничества является ежегодная Международная выставка образовательных и культурных программ "Все флаги в гости..." В выставке принимают участие Британский Совет, Немецкий культурный центр им. Гете, Американский центр USIS, Американский информационный образовательный центр АСПРЯЛ, Голландский институт, Французский институт, Совет министров северных стран, Австрийская библиотека, Институт Финляндии, Союз англоговорящих, Генеральные консульства Норвегии, Японии, Швеции, Финляндии, Институт "Открытое Общество", Информационно-правовой консорциум "Кодекс". Все участники представляют информационные ресурсы зарубежных центров в нашем городе, различные программы культурных и образовательных обменов, мероприятия, которые будут проводиться в Петербурге. Выставка проходит в праздничной, торжественной обстановке. В течение дня демонстрируются видеофильмы, проводятся презентации.

В рамках выставки работает книжный салон "Зарубежная книга по образованию и культуре", в котором приняли участие как зарубежные, так и российские книжные издательства, и книготорговые организации: Европейская

книжная компания, "Релод — Санкт-Петербург", магазин "Англия — Британские книги", агентство по подписке и книжной продаже "Мартинус Найхофф" (Нидерланды), Книготорговая фирма "Ланге унд Шпрингер" (Германия), Издательство Нормана Росса (США), Издательство "Лонгман" (Великобритания), Издательство "Фрегат", Русско-балтийский издательский центр "Блиц", Международная книжная компания, книжный магазин "Немецкие книги", Магазин "Ирисс", издательство "Дмитрий Буланин", издательство "Культ-Информ-Пресс".

Все перечисленные организации распространяют уникальный информационный материал, который не всегда доступен жителям Санкт-Петербурга. За день выставку посещают до 3 тысяч человек. Это успех. Библиотека получает большое количество даров и приобретает новых партнеров.

Информационную поддержку библиотеке оказывают радио "Модерн" и издатели телефонного справочника "Желтые страницы".

Ежегодно с 1994 года в октябре публичные библиотеки города участвуют в Празднике чтения, который проводит Французский институт в Санкт-Петербурге.

За две недели Праздника библиотеки организуют и проводят около ста разнообразных культурных мероприятий: это и презентации книжно-иллюстративных выставок, обзоры литературы, обсуждение книг, литературно-музыкальные вечера, конкурсы, видеосеансы, инсценировки, познавательные игры, костюмированные спектакли на французском и русском языках театральных коллективов при библиотеках. Второй год Праздник чтения завершается Фестивалем театраль-

ных коллективов, в 1999 году этот Фестиваль проходил во Дворце творчества юных (Аничков дворец). Ежегодно жюри подводит итоги Праздника чтения, и нелегко бывает жюри определить самых лучших и достойных. Участники Праздника чтения получают призы — книги на французском и русском языках.

При организации и проведении мероприятий Праздника чтения библиотеки сотрудничают со многими учреждениями: общеобразовательными, музыкальными и художественными школами, клубами, театрами. Праздник традиционно широко освещается районными средствами массовой информации.

Своим хорошим партнером мы считаем Институт "Открытое Общество" (Фонд Сороса). Благодаря нашим добрым отношениям библиотека имеет лингафонный класс, интернет-класс, медиатеку и центр правовой информации.

В заключение мне хочется поделиться основными принципами нашей работы: чтобы у тебя было много партнеров, необходимо достойно выглядеть в обществе. Тебя должны знать, ты должен быть полезным, видимым. Нужно не бояться рисковать, привлекать новых партнеров, уметь не только брать от партнеров, но и давать им.

ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ПОДГОТОВКИ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ И ПРАКТИКОВ БИБЛИОТЕЧНОГО ДЕЛА (Материалы "круглого стола")

Журнал "Петербургская библиотечная школа" знакомил своих читателей в 1997 (N 1-2) и в 1998 (N 2) гг. с материалами философских "круглых столов", которые были проведены в Российской Национальной библиотеке (РНБ). В октябре 1999 г. здесь был проведен третий философский "круглый стол". Он был посвящен теме "Философские аспекты подготовки исследователей и практиков". В его работе приняли участие как библиотечные работники — сотрудники РНБ и других библиотек Санкт-Петербурга, профессора и преподаватели Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств (СПбГУКИ), так и философы — профессора и аспиранты Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ). В этом номере мы начинаем знакомить наших читателей с материалами очередного философского "круглого стола". Его организаторы и ведущие — сотрудники научно-исследовательского отдела библиотековедения (НИОБ) РНБ Л.Н. Гусева и Е.В. Смолина.

Л.Н. Гусева (РНБ, научный сотрудник НИОБ, канд. пед. наук): Каждый раз, анализируя результаты философской дискуссии, мы пытаемся обосновать необходимость проведения нового "круглого стола". На прошлом "круглом столе" развернулась дискуссия, которую начал Михаил Александрович Тарасов. Речь шла о том, что тема библиотечной философии — ложная тема, необходимо сосредоточиться на методологии научно-исследовательской работы. Михаил Александрович далее предложил использовать метод "мозгового штурма".

Я считаю, что тема библиотечной философии всегда будет для нас открыта, но философские "круглые столы" не совместимы с "мозговым штурмом", на основе которого можно прийти к единому мнению, как это и делается при принятии управленческих решений.

За каждой философской идеей стоит какая-то конкретная личность, и для нас это интересно. Мне бы хотелось, чтобы мы сохранили ту атмосферу, которая была на первом "круглом столе", когда каждый высказывал свою точку зрения относительно проблемы и все достаточно терпимо, с уважением к этому относились.

Мы все понимаем значение методологии для науки, но как наука соотносится с опытом практиков? Это особенно важно понять сейчас, когда мы пытаемся освоить зарубежный опыт, в том числе и в области библиотечной науки.

В современных зарубежных странах сформировались две концепции науки, имеющие различные философские основы. Они существенным образом влияют на систему образования. Согласно первой концепции, библиотечная и информационная науки — прикладные дис-

циплины, согласно второй, библиотекведение и информационные науки — самостоятельные социальные науки.

Последние не только ориентированы на практику, но и вносят определенный вклад в развитие академической науки, но для этого необходимо каким-то образом изменить общенаучную и философскую подготовку библиотечных специалистов. Наши вузы получили статус университетов, что также требует переосмысления знаний, которые в них преподают.

Мы, как всегда, пригласили на “круглый стол” философов, которые проявили к нему интереси дали согласие на участие в его работе, что отражено в программе, но сегодня обстоятельства сложились для нас неудачно: подойдет только Б. В. Марков, и то к 12 часам. Не смогли приехать также и москвичи, и гости из других городов, поэтому будем работать в своем кругу. Еще раз подчеркиваю, что я связываю нашу тему с проблемами будущего образования библиотечной-практиков и исследователей. А теперь я передаю слово ведущему первой части “круглого стола” Борису Федоровичу Володину.

Б.Ф. Володин (РНБ, ведущий науч. сотр. НИОБ, канд. пед. наук): Прежде чем мы начнем работать, я хотел бы сказать несколько слов, потребность в которых неизбежно возникает. Первые два “круглых стола” проходили в этом же зале, но они были другими по исходным позициям. То, о чем здесь говорил в прошлый раз Руджеро Сергеевич Гиляревский, свершилось: московские коллеги уже не смогли приехать. И то, что произошло с нашими коллегами-философами, которые по разным причинам не смогли прийти сегодня, тоже отражает ту реальную ситуацию, в которой мы все оказались. Может быть, даже в этом есть свой смысл.

Я хочу напомнить, что материалы первых двух “круглых столов” мы опубликовали в журнале “Петербургская библиотечная школа”. Надеюсь, что идеи, высказанные на этом “круглом столе”, также будут вынесены в мир.

Очень жаль, что сегодня с нами нет одного из самых активных участников прошлого “круглого стола”, нашей американской коллеги Памелы Ричардс. Она скончалась в прошлом месяце — и это очень большая потеря для нашего профессионального сообщества. Она была, действительно, уникальной личностью. Я думаю, что того эмоционального настроения, который был в тот раз, удалось достичь именно благодаря Памеле, а также нашим московским коллегам — Руджеро Сергеевичу и другим. Большинство из присутствующих здесь помнят тот “круглый стол”.

Я хочу заострить ваше внимание только на одной проблеме — проблеме образования, которое находится в очень сложной ситуации: весь мир отказывается от названия той науки, с которой большинство из присутствующих связано, — от библиотекведения, переименовываются кафедры вузов и сами библиотечные школы. За эти два последних месяца в западных странах произошло очень много изменений.

Выделить эту проблему необходимо потому, что исходная позиция, которой придерживаются в системе образования за рубежом, совершенно иная. Мы не прошли периода, для которого характерны те отношения, которые есть там. Тем важнее осознать наше сегодняшнее состояние и определить перспективные отношения, контакты, в которых мы все заинтересованы. А сейчас с удовольствием представляю слово первому докладчику Людмиле Николаевне Гусевой.

Л.Н. Гусева

Онтология библиотечного сообщества

Я выступаю первой, потому что в моем докладе рассматриваются особенности практического мышления. Речь идет об онтологии, а не о теории познания.

В своем очень кратком выступлении я постараюсь рассмотреть такие аспекты онтологии библиотечного сообщества как бытие и реальность, определенные на основе исследования деятельности членов библиотечного сообщества.

К библиотечному сообществу я отношу не только профессиональных библиотечных работников, но и членов других социальных групп, которые принимали участие в организации библиотечного обслуживания в процессе исторического развития библиотечного дела. Они оказали влияние на конструирование идеологических схем, организующих знание о мире и направление деятельности первых профессиональных библиотечных работников. К ним можно отнести представителей духовенства, ученых, общественных и государственных деятелей, которые понимали ценность книги и осознавали необходимость организации библиотек для общественной пользы. Для обоснования своих идей они использовали концептуальный аппарат, приобретенный ими в процессе религиозной, философской, литературной и научной деятельности.

Таким образом, как показывает история идей, непосредственные участники исторических событий создавали концепции библиотек. Интеллектуальная элита, сформированная в разных социальных группах, описывая в текстах, какими концептуальными схемами руководствуются люди, работая с книгой, компьютерами, постигали смысл бытия

не в результате осмысления добытых фактов (рационального), а через экзистенцию, в которой субъект и объект не разделяются.

Но далеко не все социальные действия были осмыслены в образах и понятиях — принципах деятельности — писателями и обладающими философскими способностями интеллектуалами, часть из них конструировались прагматическими схемами обыкновенных людей-практиков, ставивших перед собой конкретные цели. Объективированные в суждениях практические схемы также служат средствами для производства дискурсов — общепринятого представления о деятельности или институте, исходящего из общего видения мира. Французский философ М. Фуко, например, противопоставляет дискурсивный анализ истории идей.

Символы, образы библиотек, методы работы, описанные в разных источниках, в том числе и в художественной литературе, сокровищнице смыслов творчества, — показывают нам сложную организацию разных представлений о библиотечной реальности, которую можно рассматривать как составляющую некой культурной системы взаимосвязанных символов.

Понимание смысла используемых современными библиотечными специалистами символов, методов работы приводит к выводу, что они также являются результатами метафорического смыслообразования, созданного в какой-то конкретной социальной группе, опыт которой передается через язык и нормы деятельности. Таким образом, практик, являясь культурным феноменом, привносит в настоящее достижения и недостатки прошлой деятельности библиотек.

В то же время для современных библиотечных специалистов, как и для пер-

вых профессиональных библиотекарей, организационная структура, методы работы становятся реальными, если они уже были кем-то созданы. Таким образом, они не являются достижением их собственного опыта или научной деятельности. Существующие в других сферах образцы привносятся в библиотечное дело.

Действие обретает для практиков реальность, когда оно повторяет уже существующий образец. Организация библиотечного обслуживания по образцовой модели наделяет библиотеки реальностью и значительностью. Этим и объясняется интерес современных отечественных специалистов-практиков не к науке, не к истории, а к зарубежному опыту, который в настоящее время рассматривается как эталон работы библиотеки в новых социально-экономических условиях. Для того чтобы стать похожими на зарубежные, отечественные библиотеки совсем не обязаны проходить тот путь, который прошли те, кого они копируют.

Для более ясного понимания предложенной онтологической концепции библиотечного сообщества приведу несколько примеров.

Зависимость первых библиотекарей от национальной культуры, языка и норм когнитивной деятельности той сферы творческой работы, которую они продолжали выполнять, придя в библиотеку, хорошо видна на примере Императорской Публичной библиотеки. Сотрудники библиотеки являлись представителями разных культур мыслительной деятельности: западной (немецкой) и российской.

Первые (в основном, ученые-гуманитарии) видели смысл библиотеки в научной деятельности. Вторые (в основном, деятели искусства и литературы,

общественные деятели) — в просветительской работе.

На идеологическое становление сознания профессиональных библиотекарей также оказывали влияние и властные структуры, которые использовали метафорические системы, созданные в искусстве и литературе, научные термины для обоснования своих принципов.

Взаимодействие власти и знания, исследованием которого занимались такие мыслители современности, как М. Фуко, Ю. Хабермас, Ш. Ф. Лиотар и др., в настоящее время находится в центре внимания зарубежных библиотековедов, подвергших сомнению претензии информатики на научную объективность в решении библиотечных проблем.

Свой “образ мира” (принципы, понятия, законы, представления) информационные работники пытаются распространить на всю библиотечную сферу. На самом деле, считает библиотековед из США У. А. Вигенд, происходит экстраполяция опыта представителей справочно-информационного обслуживания. Они уже в конце 50-х гг. стали использовать компьютеры и получили крупные денежные вложения в проектирование более совершенных информационных систем, представляющих интерес для сферы бизнеса и правительственных кругов. В то время как для других культурных групп требуется не единая электронная модель библиотеки будущего, а совершенно другие методы работы и технологии, соответствующие их способам взаимодействия с текстом и информационным потребностям.

Итак, постепенно в области библиотечного дела сложная организация разных представлений о библиотечной реальности стала сужаться до “образа мира” специалистов справочно-информационной службы, инженеров и про-

граммистов, чей опыт работы с текстом и информацией с использованием компьютера стал реализовываться в концепциях библиотек будущего.

В приведенных примерах я попыталась показать, что социальные действия, не имеющие образца для подражания, лишены для практиков смысла, т. е. не являются реальностью. Это парадигматический тип поведения, почти как у представителей доисторического, архаичного общества. И если современные зарубежные библиотечные специалисты с помощью исследователей пытаются вернуться к человеку, к читателю, активно разрабатывают различные концепции библиотек, концепции обслуживания разных социальных групп, то в нашей стране сложилась ситуация, для характеристики которой я приведу цитату, описывающую современные новые государства из статьи Клиффорда Гирца: “Эпоха эта — эпоха хаоса; неразбериха мнений; свалка партий; язык новых идей еще не создан; нет сейчас ничего труднее, чем дать определение своей позиции — религиозной, философской, политической. Ради своего дела чувствуешь, думаешь, живешь, если понадобится — умираешь, но назвать его не можешь. Классификация людей и вещей — вот проблема нашего времени... Каталог мира спутан” [К. Гирц. Идология как культурная система // НЛО. 1998. № 29. С. 26].

Я вижу преодоление изоляции библиотек от общества, замыкание профессионалов на общении друг с другом и с людьми, имеющими власть и деньги, как в создании новой концепции библиотечной науки, так и в признании большого значения философских знаний, развития культуры мышления библиотечных специалистов в процессе профессиональной подготовки.

Библиотекарь с высшим образованием должен не просто копировать западные образцы библиотечной деятельности или сферы бизнеса, а создавать новые идеи, собственные концепции обслуживания и реализовывать их в библиотечной политике.

А.Н. Ванев (СПбГУКИ, профессор кафедры библиотековедения, доктор пед. наук): Как я понял из Вашего выступления, понятие, которое появилось у нас недавно, библиотечно-информационная наука, не имеет никакого смысла. Никакой библиотечно-информационной науки не может быть.

Л.Н. Гусева: Я считаю, что “да”. Или это должна быть какая-то новая наука, объединенная общим предметом, или это разные науки. В самом названии “библиотечно-информационная наука” уже проявляется какое-то противоречие.

За рубежом идет процесс поглощения библиотековедения информационной наукой, поэтому закрываются кафедры, переименовываются институты. Это реальный процесс, в котором есть вина и библиотековедов. Информационные работники более активны, мобильны, многое дают практикам, например, в связи с использованием новых технологий. Тем не менее, зарубежные специалисты большое внимание уделяют изучению опыта, особенно последствий внедрения новых технологий. Выясняется, что новая информационная технология не может быть для всех. Есть какие-то социальные группы, отдельные люди, которым необходимы традиционные способы работы в библиотеке. Например, если речь идет о художественной литературе, то разве большое значение для этой цели имеет компьютер? Наверное, здесь нужны какие-то другие способы работы с текстом. Изучение процесса чтения остается важным, актуальным, как и раньше.

О.М. Зусьман (СПбГУКИ, доцент кафедры научно-технической информации, канд. пед. наук): Поглощение информатикой библиотековедения, как вы говорите, характерно для двух наших направлений или это вообще тенденция, когда одна наука, более современная, поглощает другую науку. Может быть, стремление наук к объединению — это тенденция развития наук? А уж как они выражены, в какой форме — соединения или поглощения, наследуется ли наименование одной науки или другой? Это уже второе.

Л.Н. Гусева: Я считаю, что идет вполне нормальный процесс, с которым мы не можем не считаться. Другое дело, насколько мы осознаем его последствия. Может быть, нужно вмешаться и повлиять на этот процесс. Мы недооцениваем способность человека влиять на реальные процессы.

Н.В. Могилевер (РНБ, ст. науч. сотрудник НИОБ, канд. пед. наук): Я не понимаю, что такое более современная наука. Но у меня другой вопрос к Людмиле Николаевне. Вы говорили о бытии и реальности. Вы это как-то противопоставляете, или это одно и то же?

Л.Н. Гусева: Что такое бытие? В данном случае имеется в виду существование библиотечного дела в мире, т. е. оно объективно. Каждый, кто участвует в библиотечном обслуживании, повторяет уже существующие, созданные кем-то образцы деятельности, изменяя их, исходя из своего понимания окружающей реальности, например, как я уже говорила, информационные работники, основываясь на своем “образе мира”, создают собственную модель идеальной библиотеки.

Н.В. Могилевер: Людмила Николаевна, значит, реальность субъективна, а бытие объективно?

Л.Н. Гусева: Я разделяю эти понятия. “Бытие” — общее понятие, “реальность” — более конкретное. Бытие — это существование вообще чего-либо в мире, а реальность — окружающий человека мир.

В.С. Крейденко (СПбГУКИ, зав. кафедрой социологии и психологии чтения, профессор, доктор пед. наук): Тогда как вписывается сюда такой термин, как “образ мира” конкретного человека? Он не является отражением бытия?

Л.Н. Гусева: Когда мы говорим об отражении бытия, то сразу возникает вечный вопрос — что было первично: слово или дело или курица или яйцо. Дело в том, что далеко не все знания о мире мы получаем из непосредственного опыта. Окружающий человека мир вещей и явлений уже до него наделен смыслом и значениями. Осваивая реальность, т. е. пытаясь ее понять, человек использует свой концептуальный аппарат. Целостный “образ мира” формируется у него в процессе приобщения к культуре этнической группы через воспитание, образование, профессиональную деятельность. На отражение бытия претендует позитивная наука, пытаясь познать объективную реальность с помощью специально создаваемых методов. Когда я говорю об образе мира библиотечного общества, то речь идет не об отражении бытия, а о понимании практиками окружающей реальности и о необходимости учитывать разнообразие этих мирков. Библиотекари понимают их так, как позволяют им их знания и информация.

Е.В. Смолина (РНБ, ст. науч. сотрудник НИОБ, канд. пед. наук): Мне хотелось бы сказать, что утверждение о том, что библиотечное дело поглощается информатикой, — это спорный вопрос. Об этом говорят, в том числе и на Западе, такие факты. В конце 70-х гг. в Лондоне

состоялась конференция, на которой обсуждались вопросы внедрения новых технологий в библиотечное дело. Там выступали, в основном, практики, которые занимались сплошной автоматизацией библиотек. Они поняли, что автоматизацию трудно внедрять, если нет хорошо разработанной концепции развития библиотеки, нет единого взгляда. Тогда все перешло к обсуждению, что такое информатика, т. е. к проблемам науки. Было решено, что эти вопросы настолько неясны, что необходимо создать постоянно действующую международную конференцию, которая бы назвалась “Концепция библиотечной и информационной науки”. После этого прошли две конференции, которые собрали большое количество ученых со всего мира. Эти доклады все изданы. Книжки по 500 страниц. Конференции проходили в 1991 и 1996 г. На них не присутствовали отечественные ученые. Следующая конференция будет в 2000 г. На этих конференциях, особенно на второй, которая называлась “Информационная наука, интеграция в перспективе”, было представлено несколько десятков определений информационной науки. На обеих конференциях речь шла о том, что если информатика будет интегрироваться с социальными науками, она просто исчезнет, потому что она не способна решать какие-то практические проблемы. Именно практики, сталкиваясь с автоматизацией, понимают, что здесь задействовано множество факторов. Для того чтобы познать, надо проводить междисциплинарные исследования. Таким образом, факты говорят о том, что есть и другие тенденции. Выступающие на конференции говорили, что информатика теряет свой предмет и исчезает как наука.

О.М. Зусьман: Как любая метанаука, она испаряется.

Е.В. Смолина: Я думаю, что это вообще квазинаука.

И.И. Тихомирова (СПбГУКИ, доцент кафедры детской литературы и библиотечной работы с детьми, канд. пед. наук): Людмила Николаевна, вы затронули одну важную проблему, говоря о том, что субъект и объект не расчленяется. Для исследователя это чрезвычайно важно. Не могли бы это объяснить как-то более конкретно.

Л.Н. Гусева: Субъект и объект не расчленяются в том случае, когда носителем знания об объекте является человек. Когда мы говорим о художественной литературе или философии, то и здесь авторы пытаются осмыслить свой опыт и описать объект в словах, текстах. Моя критика позитивизма не означает, что я отрицаю позитивизм. Вся наша наука построена на позитивизме. Исследователь не включен непосредственно в деятельность, не является носителем знания об исследуемом объекте. Он его изучает, встает в субъект-объектную позицию, используя для этого какие-то методы. Здесь объектом являются люди, социальные структуры, функции и явления, которые общепризнанны, узаконены, очевидны.

Если мы исследуем субъективные смыслы деятельности, социальные нормы, символы, которые складываются в жизненных ситуациях, то исследователь также пытается понять их, как это делают обычные люди, но при этом использует специальные способы, научные методы. Объект конструируется в процессе исследования.

Это очень важно при изучении практического опыта, который необходимо выразить в словах. Проблема концептуализации представления об объекте является одной из самых сложных для практиков. Мы со Светланой Николаевной Шеляпиной проводили опрос на-

ших руководителей структурных подразделений. Просили их рассказать о концепции отдела и библиотеки. Сразу возникла паника: “Какая там концепция, какие-то слова придумываете новые”. Тогда я говорю: “Хорошо, расскажите, своими словами, как вы видите будущее своего отдела”. Начинают очень интересно рассказывать. Но для того чтобы новые идеи стали достоянием других, они должны быть определенным образом описаны. Любой специалист высшей квалификации должен уметь писать, переводить свои представления в информацию. Умение владеть словом становится важным для практиков.

Слово предоставляется Т.Б. Ловковой (СПбГУК, доцент кафедры детской литературы и библиотечной работы с детьми, канд. пед. наук).

Т.Б. Ловкова

Лик библиотеки в художественном тексте как образ мира

Художественная литература творит образ мира согласно своим законам, создавая другую условную реальность. Вместе с тем, художественную литературу следует привлекать при проведении культурологических исследований, наряду с наукой, как один из способов познания мироздания.

Мы стоим на пороге нового тысячелетия и, оглядываясь в прошлое, видим, что каждый век провозглашал свою систему ценностей. Опираясь на маленький уголок Европы, можно заметить: античность утверждала триаду “Истина — Добро — Красота”, слитые воедино, что в греческом языке было выражено в одном понятии; средневековье — веру как атрибут человеческой жизни; эпоха Возрождения — культ светского человека, гуманизм; XVIII век — торже-

ство разума; эпоха Просвещения — идеи свободы, равенства и братства, культ знания; XIX век — труд как человеческую ценность (от Адама Смита до К. Маркса). Только XX век подверг сомнению все человеческие ценности, открыв “зияющие высоты” (по выражению А. Зиновьева), познав “темноту” и “тишину” (по мысли А. Гениса). В нашем веке резко выявляется негативное отношение к книжной культуре, к процессу чтения. В художественной литературе XX века, как у отечественных, так и у зарубежных писателей, высветливается новый лик библиотеки.

Мы разделяем мнение исследователей о том, что в наши дни литератор в России перестает быть учителем, проповедником, витисей и наставником; литература, в целом, утрачивает литературно-центристские позиции, уступая свое первенство телевидению, видеокультуре и другим формам проведения досуга. (Ярким свидетельством тому стала творческая судьба А. И. Солженицына).

Однако данный процесс утраты книжной культурой своей священной сакральной доминанты, связанной с олицетворением человеческого знания, преодолевающего пространство и время, начинается еще в начале XX века. В русской литературе “серебряного века” мы неоднократно встречаем противопоставление “живой жизни” и “мертвой книжной культуры”. Мы наблюдаем столкновение двух начал: аполлоновского — светлого, разумного, солнечного, символизирующего Жизнь и Свет, и дионисийского — темного, иррационального, лунного, символизирующего Смерть и Тьму. Что является отражением двух импульсов человеческой природы: Любви к Жизни, инстинкта самосохранения и Любви к Смерти, инстинкта самоуничтожения. В стихотворении Н. С. Гуми-

лева “У меня не живут цветы...” (1910) противопоставлены мир природы (“У меня не живут цветы...” “да и птицы здесь не живут...”) и мир книг (“только книги в восемь рядов...”). Эмоционально окрашенное сравнение (“книги... словно зубы в восемь рядов...”) содержит мотив угрозы, тающей опасности, связывается с ужасом и страхом. Книжки, домашняя библиотека стоят в одном ассоциативном ряду со смертью, бренностью жизни, тленом, прахом, пылью веков:

*Мне продавший их букинист,
Помяну, был и горбатым, и пищим...
...Торговал за проклятым кладбищем,
Мне продавший их букинист.*

[Гумилев Н. С. Стихотворения и поэмы. Сов. писатель, 1988. С. 145]

Ассоциативные связи подтекста “библиотека” — “кладбище” могут быть возвращены в метафору библиотеки как некрополя, собрания книг уже покойных авторов.

В другом стихотворении Н. С. Гумилева “Читатель книг...” (1910) поиски “тихого рая” героем в царстве книг также безуспешны:

*Но вечером...
О, как она страшна,
Ночная тень за шкафом, за кимоном,
И маятник, недвижимый, как луна,
Что светит над мерцающим болотом!*

[Гумилев Н. С. Стихотворения и поэмы. Сов. писатель, 1988. С. 144]

Негативный образ читателя — “библиофага” скрыт в художественном подтексте стихотворения М. И. Цветаевой “Читатели газет” (1933):

*Что для таких господ —
Закат или рассвет?*

*Глотатели пустот,
Читатели газет!*

[Цветаева М. И. Читатели газет // Избранное. М., 1992. С. 188]

Характер притчи носит новелла Г. Гессе “Книжный человек” (1918). В центре сюжета — человек книжной культуры, который околдован, очарован, заморожен книгой. В “круге” чтения литературного героя — античные авторы, В. Шекспир, К. Гамсун, Ф. Достоевский, Л. Толстой, О. Уайльд и многие другие писатели. Но проходит жизнь, и уже на ее закате герой понимает, что в чем-то обманут — проживал чужие жизни и судьбы, но не свою собственную жизнь: “Он обманут — обманут по всем статьям! Читая, переворачивая страницу за страницей, он жил бумажной жизнью, а за нею, за этой гнусной книжной стеной, бушевала настоящая жизнь...” [Гессе Г. Книжный человек // Магия книги: Эссе, очерки, фельетоны, рассказы и письма о чтении, книгах, писательском труде, библиофильстве, книгоиздании и книготорговле. М., 1990. С. 73]. И герой уходит из мира книг — в мир живой жизни. “Представь, — говорит он своей случайной подруге, — что всю свою жизнь я был заживо похоронен в бумаге: Ты знаешь, что это такое? Нет? Тем лучше... Солнце уже взошло? Я впервые увижу солнце”. [Гессе Г. Книжный человек // Магия книги: Эссе, очерки, фельетоны, рассказы и письма о чтении, книгах, писательском труде, библиофильстве, книгоиздании и книготорговле. М., 1990. С. 75].

Удивительно созвучны роман итальянского писателя Умберто Эко “Имя розы” и творчество аргентинского писателя Хорхе Луиса Борхеса.

В центре романа У. Эко монастырская библиотека ордена бенедиктинцев

XV века. “Библиотека защищается сама, она непроницаема, как истина, которую хранит в себе, коварна, как ложь, в ней заключенная... лабиринт духовный — это и вещественный лабиринт. Войдя, вы можете не выйти из библиотеки...”, — предупреждает аббат монастыря героев [Эко У. Имя розы: Роман. М.: Кн. палата, 1989. С. 34]. Библиотека, по замыслу У. Эко, — запутанный лабиринт, полный зеркал-ловушек, библиотека — мираж, в которой хранятся и отравленные книги. Все это — приметы Смерти. Согласно античному мифу, Минотавр — чудовище-человекобык был помещен в подземный лабиринт, построенный Дедалом. Ежегодно Минотавру приносили в жертву семь юношей и семь девушек. В монастырскую библиотеку имеют доступ лишь двое библиотекарей — молодой и старый. Очень колоритны их портретные зарисовки. Портрет молодого библиотекаря дан глазами главного героя: “...я поневоле вздрогнул от его зловещего вида. Ростом он был высок, и при редкостной худобе конечности имел тяжелые и неуклюжие. Когда он шагал, окутанный черным орденским платьем, в его фигуре что-то жуткое... Облик его дышал скорбью и суровостью...” [Эко У. Имя розы: Роман. М.: Кн. палата, 1989. С. 63]. В данной портретной зарисовке следует отметить библейский мотив отношения к знанию: “Познание умножает скорбь”.

Другой библиотекарь, по имени Хорхе, — слепой старец, по сюжету впоследствии окажется убийцей, который для сокрытия от монахов книги о смехе, будет использовать отравленные страницы книг, кроме того, явится виновником пожара и уничтожения монастырской библиотеки. Итак, перед нами — закрытая, непроницаемая библиотека-

лабиринт, которая обслуживается слепым библиотекарем-убийцей.

В стихотворении Х. Л. Борхеса “О дарах” мы встречаем знаковую метафору “слепая библиотека”:

*К плодам и водам (повествуют греки)
Тянулся понапрасну царь в Аиде.
Зачем тревожусь, выхода не видя,
Всю высь и глубь слепой библиотеки?*

[Борхес Х. Л. О дарах // Собр. соч. В 3-х тт. Т. 3. Стихотворения. Устные выступления. Интервью. М., 1997. С. 41]

Прослеживается мотив отчуждения мира людей и мира вещей — книг:

*Твердыня словарей, энциклопедий,
Метафор, космографий, космогоний,
Былых дидактий и чужих наследий
Вздымается, но я в ней постороний*

[Борхес Х. Л. О дарах // Собр. соч. В 3-х тт. Т. 3. Стихотворения. Устные выступления. Интервью. М., 1997. С. 42].

Более того, два мира противопоставлены друг другу — вечная библиотека и смертный человек. Невольно вспоминаются буниинские строки из стихотворения “Слово”:

*Молчат гробницы, мумии и кости, —
Лишь слову жизнь дана:
Из древней тьмы, на мировом погосте,
Звучат лишь Письмена.*

[Бунин И. А. Слово // Собр. соч. в 4-х тт. Т. 1. М., 1988. С. 127].

Для лирического героя Х. Л. Борхеса библиотека — это утраченный, потерянный Рай, который оборачивается Адом:

*В пустынной тьме дорогу проверяя,
Крадется призрак с палкой сужаватой —*

*Я, представлявший Рай себе когда-то
Библиотекой без конца и края...*

[Борхес Х. Л. О дарах // Собр. соч. В 3-х тт. Т. 3. Стихотворения. Устные выступления. Интервью. М., 1997. С. 42].

Заглавие стихотворения “О дарах” (а любое заглавие всегда является квинтэссенцией авторского замысла), заставляет вспомнить внимательного читателя о дарах греков — “Троянском коне”. “Бойтесь данайцев, дары приносящих”). Библиотека, по мысли Х. Л. Борхеса, — это Вселенная, в которой подчас стирается грань между явью и сном. Более четко поэтический текст у Х. Л. Борхеса трансформируется в прозаическую новеллу “Вавилонская библиотека”. Повторяется знакомая модель — “Библиотека-Вселенная”: “Вселенная — некоторые называют ее Библиотекой... Я утверждаю, что библиотека беспредельна... Человеческий род — единственный — близок к угасанию, необитаемая, бесконечная, абсолютно неподвижная, наполненная драгоценными томами, бесполезная, нетленная, таинственная... Библиотека безгранична и периодична...” [Борхес Х. Л. Вавилонская библиотека // Собр. соч. В 3 т. Т. 1. Эссе. Новеллы. М., 1997. С. 349]. И перед этой книжной бездной мы видим беспомощного читателя, не понимающего языка книг. “Ты, читающий эти строчки, уверен ли Ты, что понимаешь мой язык?” — спрашивает автор. И снова удивительная литературная переключка с произведением У. Эко: “Содержат ли строки книги — тайный смысл, или несколько, или множество, или никакого?”, “Где ныне слава Вавилона?” (12, с. 425). Образ пыльной, заброшенной библиотеки, с редко востребованными читателями книгами, мы встречаем в рассказе В. Набокова “Круг”.

В наше время фантастика становится элементом познания и действительности. Отдельной темой для изучения мог бы стать анализ художественных текстов писателей-фантастов. Ограничимся лишь романом Р. Брэдли “451° по Фаренгейту” (температура горения бумаги). Если у Н. С. Гумилева, М. Цветаевой, Г. Гессе, У. Эко, Х. Л. Борхеса мир людей и мир книг противопоставлены, то у Р. Брэдли горят, уничтожаются библиотеки (и в этом костре отсвет гибели Александрийской библиотеки), но остаются люди — живые носители текстов. Главный герой повести, пожарник по имени Монтэг, который должен уничтожать, сжигать опасные для государства книги — возвращает первоначальный смысл своей профессии. С риском для собственной жизни герой начинает спасать книги.

Таким образом, в художественной литературе нашего столетия высвечивается многоликий образ библиотеки. Библиотека-некрополь; библиотека-лабиринт; библиотека-Вселенная; библиотека-потерянный Рай; “слепая” библиотека; “вавилонская” библиотека; “пыльная” библиотека... Мы видим, как “Бесконечные пыль и сон обступают библиотеку”, “недоступные и близкие книги, сокровенные и ясные как звезды” [Борхес Х. Л. О дарах // Собр. соч. В 3 т. Т. 3. Стихотворения. Устные выступления. Интервью. М., 1997. С. 140].

Библиотека в наши дни лишается своего ореола святости, обожествления, поклонения, а книга перестает быть источником культа и ритуала. И если раньше одни книги с благоговением изображали на иконах в руках святых и отцов церкви, а другие книги-апокрифы сжигали как публично на площади, так и тайком в кочегарках по спискам Горлита, то теперь — книги просто не чита-

ют. Согласно социологическим исследованиям, количество нечитателей из года в год растет.

Наш век стал временем открытий многих теорий: теории множества, теории относительности пространства и времени; диалектической логики; ноосферы... Мы открываем для себя новый образ библиотеки, освобождаясь от человеческих иллюзий и мифов, но пребывая в антиномиях Вечности.

Т.Б. Маркова (аспирант Санкт-Петербургского государственного университета): Очень хорошо и любопытно описаны все образы, модели в литературе и поэзии, и у меня сложилось впечатление, что у вас сложился образ, не просто негативный, но какой-то таинственный: организм, вселенная как пустыня и т. д. Из всех Ваших концепций какой образ библиотеки Вам ближе?

А.Н. Ванеев: Почему Вы исключили наших отечественных писателей? У них, по-моему, какой-то более светлый образ библиотеки, чем тот, который Вы приводили?

Т.Б. Ловкова: Я просто хотела показать сложность проблемы. У меня двойственное отношение. Теорию множеств изучают три года, мы, гуманитарии, теорию множеств не знаем. В моем представлении нельзя абсолютизировать какие-то отдельные концепции. Чем больше связей какого-то явления с миром мы определим, тем, наверное, богаче будет это явление. Поэтому я показала те модели, которые были, которые высветлились, которые были порой неожиданными для меня самой. Это было новое, неожиданное знание. И те связи, которые открылись — это вечный поиск. Я не люблю оценивать.

Б.Ф. Володин: Ну, а как Вы смотрите на библиотеку? Что Вам ближе?

Т.Б. Ловкова: И то, и другое, и третье, и десятое. Полифонизм по Бахтину.

М.Ю. Матвеев (РНБ, науч. сотрудник НИОБ, канд. пед. наук): Здесь было высказано мнение, что в этом докладе не были учтены в достаточной степени позиции отечественных авторов. Я бы хотел упомянуть, пожалуй, самое известное, популярное произведение отечественной литературы XX века “Мастера и Маргариту” Булгакова, как там понимается образ книги и библиотекаря. Пожалуй, надо согласиться с предыдущим докладчиком, что образ библиотеки получается довольно мрачный. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что сатана Воланд при отбытии из Москвы находится на крыше самой большой библиотеки имени В. И. Ленина. И даже более того, в ранних редакциях “Мастера и Маргариты” нечистая сила сжигает почти что всю Москву, но в то же время проходит по читальным залам библиотеки, и там ничего не происходит. Возникают два смысла: первое — как бы библиотечный смысл — “знание умножает мировую скорбь”, и дьяволу это выгодно, а второй смысл — Гетевская концепция, которая сильна и в Маргарите: истина находится скорее в живом человеческом духе, в диалоге, а заблуждения хранятся в библиотеках. Но, так или иначе, Воланд утверждает в библиотеке и даже изгоняет с крыши библиотеки Левия Матвея — представителя противоположного ведомства. В результате картинка получается достаточно мрачная. Если исходить из литературной критики, как понимают это произведение исследователи, то, действительно, существует много книг, много преклонения перед гуманизмом и величием знаменитых писателей. Но между тем вражда человека к человеку возрастает. И это один из основных источни-

ков человеческих бед и всяческих падений — это то, что создает некий иллюзорный мир, особенно под воздействием кино и литературы, и человек не видит опасности, которая стоит перед ним. Он увлекается этим миром и начинает творить свой собственный мир. Сам становится как бы Богом и творит этот мир в своих грезах, не задумываясь при этом о моральных и нравственных ограничениях. Да, конечно, Мастер создал гениальный роман, а что вышло в результате... Пожалуй, это нельзя назвать Евангелием от сатаны, но все же это не абсолютная истина. А в то же время он, как человек, вообразил, что обладает монополией на абсолютную истину. В этом была его ошибка. Вот поэтому и получается, что Булгаков приходит к мысли, что образ библиотеки достаточно мрачен, что вообще человеческая жизнь — это как бы дьявольский лабиринт познания. Библиотека как лабиринт, одна из его частей.

И.И. Тихомирова: Если истина глаголет устами ребенка, то я должна рассказать об исследованиях, которые были проведены о том, как ребенок представляет себе библиотеку, как он их рисует. Я должна сказать, что у него создается светлый образ. Для него библиотека — это помещение, в котором творится радость, но никак не мрак. Может быть мнение детей здесь тоже можно учесть?

Н.В. Могилевер: Я немного вернусь в практическую область. Сведения, которые мы здесь получили, вот этот образ библиотеки-кладбища, с практической точки зрения, не так плох. Кладбище нельзя уничтожать. И если мы в нашем философском направлении библиотековедения будем развивать вот эту мистическую сторону значения библиотек и библиотечного дела, то, я думаю, что

их этого можно извлечь пользу. Даже чисто экономическую.

Б.Ф. Володин: Осторожнее со словом “кладбище”, потому что XX век в России показал нам, что в наших библиотеках, действительно, образовались кладбища книг, которые лежали на протяжении десятилетий неразобранными и превратились со временем в пыль.

Н.В. Могилевер: Здесь несколько другая мысль. Во всех религиях кладбище — это святое место. Даже если к библиотеке подходить как к мистическому месту, с которым нельзя плохо обращаться, иначе это будет чревато последствиями.

Д.К. Равинский (РНБ, старший науч. сотрудник НИОБ, канд. пед. наук): Смешаны два разных подхода. Первый, когда интеллигенты “серебряного века” — люди книжные. Они страшно хотели эволюции духа и ругали библиотеки. Что было вполне естественно и понятно. Но у Х. Л. Борхеса и у У. Эко — совсем другое. Там — это аномалия библиотеки и символ, здесь — понятие лабиринт. Лабиринт — это совсем не плохо. Можно затеряться, найти то, о чем за секунду до этого не подозревал. Это та антипозитивистская концепция библиотеки. Библиотека, как говорит У. Эко, — создание контекста для открытий. Здесь образ, скорее, оптимистический.

Б.Ф. Володин

Представления ученого о библиотеке и профессиональный библиотечный дискурс: проблема взаимовлияния (на примере Германии).

Сообщение, которое я, как ведущий “круглого стола”, предлагаю сейчас Вашему вниманию в соответствии с нашей программой, подготовлено по просьбе организаторов “круглого стола”.

То, что тема, связанная с ролью ученых в развитии нашей профессиональной деятельности, рассматривается на примере Германии, не случайно, потому что Германия является родиной университетов. Германия является той страной, где университеты появились потому, что востребована была модель образования и развития науки, в рамках которой могли высказываться разные точки зрения. Не было стремления к какой-то единой истине, что сохранилось и в дальнейшем.

Почему эта проблема имеет значение для нашей страны? В принципе, она актуальна для любой страны, ибо библиотечная политика ведется в каждой стране. Даже если ее не разрабатывают специально, она есть, и ее можно описать. В нашей стране такая политика, как правило, рассматривается как государственная. Если мы говорим “библиотечная политика”, то вкладываем в это понятие определенный смысл, и само понятие начинает казаться нам устойчивым и едва ли не единственно возможным по отношению к библиотечной политике — “государственная политика”. Так было и в советское время. Это положение сохранилось и сегодня.

В Германии и во многих других странах, которые мы называем демократическими, в понятие “библиотечная политика” входит много разных элементов, в том числе и востребованность библиотеки обществом, и то, как библиотеку воспринимают ее пользователи, в том числе и пользователи-ученые. И в этом отношении Германия является той страной, которая может дать нам не столько опыт (это ведь не цель — внедрить его в нашу работу), сколько помочь нам понять нас самих, а именно — обратить внимание на то, чего у нас нет.

На протяжении нескольких веков в Германии складывались отношения биб-

лиотеки, библиотекарей, а потом библиотекведов с учеными, которые влияли на развитие библиотечного дела.

Хорошо известно, что в Германии до конца XVIII века библиотекаря как такового (профессионала) не было и в библиотеках работали ученые. Понятие “библиотекарь” означало не профессию, а должность, которая предполагала высокую зарплату, особенно, если говорить о придворной библиотеке. На работу библиотекарь мог ходить далеко не каждый день. Кого и как обслуживать, мог нередко определять сам библиотекарь. Можно было обслуживать, можно было не обслуживать. Можно было активно заниматься пополнением фондов библиотек, а можно было считать себя хранителем сокровищ.

В принципе, очень многих немецких ученых можно рассматривать и как библиотекарей. Среди них было немало прекрасных библиотекарей, например, Иоганн Иоахим Винкельман (памятник ему стоит в нише здания Нового Эрмитажа у Зимней канавки) — ученый, изучавший античность, которого в Петербурге очень ценили, в том числе и А.Н.Оленин — первый директор Императорской Публичной библиотеки. Но некоторые из работавших в библиотеках ученых не только раскрылись как прекрасные библиотечные профессионалы, но и обогатили библиотечную теорию. Едва ли не самой яркой личностью в этом плане был Готфрид Вильгельм Лейбниц, который был весьма известен в ученом мире и на протяжении многих лет был президентом Академии наук в Пруссии, в Берлине. В качестве же библиотекаря он работал в Ганноверском Королевстве, которое было связано особенно тесными отношениями с Великобританией, поскольку английский монарх был королем Ганноверского государства. Осо-

бенно хорошо известен его опыт систематической расстановки книжного фонда. Он одним из первых поставил вопрос о создании в Германии центральной научной библиотеки универсального профиля, которая могла бы стать самой большой библиотекой в стране, и этот вопрос он уже рассматривал в контексте библиотечной политики, а библиотечную политику — как составную часть образовательной и научной политики.

Но особенно значимую роль сыграл в обогащении библиотечной теории и практики другой ученый — Иоганн Вольфганг фон Гете. Именно с его именем, на мой взгляд, связаны основные вехи развития библиотечного дела Германии. И именно во времена Гете должность библиотекарей постепенно начали занимать ученые, которые и способствовали превращению библиотек в подлинно научные. Можно было бы назвать немало примеров того, к каким последствиям приводили ситуации, когда должность директора университетской библиотеки занимал профессор университета, который не проявлял никакого интереса к библиотечной работе, но зарплату получал не как университетский профессор, а как библиотекарь. Гете это противоречие устранил — в Йенском университете библиотекарь Георг Готтлиб Гюльденапфель стал первым профессиональным библиотекарем, который перестал заниматься преподаванием, но стал заниматься только выполнением обязанностей директора библиотеки.

Как министр Герцогства Саксен-Веймарского, Гете стал влиять на библиотечную политику этого государства. Правда, на современную библиотечную политику эта политика была похожа мало. Там не было никаких законов, указаний, документов, на которые мы при-

выкли ориентироваться и считаем, что именно они являются единственной папачеей, которая нас может спасти. Акцент в библиотечной политике в его понимании был сделан совершенно на другое — на разработку образовательной, научной и культурной политики, где главным звеном была библиотека. Эта модель позднее повлияла на Пруссию, где она получила развитие благодаря деятельности другого всемирно известного ученого — Вильгельма фон Гумбольдта.

В начале XIX в. в Германии прежняя модель библиотеки, как музея редкостей, ушла. Библиотека начала работать в постоянные часы, в них были созданы систематические и алфавитные каталоги, а формирование фонда начали вести на научной основе — осознанно, осмысленно. Все это стало следствием того, что в профессиональный библиотечный дискурс было привнесено то, что было развито за пределами профессионального сообщества. Следствием этого стало, прежде всего, то, что фонды библиотеки отныне стали были сориентированы на интересы читателя и стали для него по-настоящему доступными.

Идеалы, которые сформировались в Германии, оказались в значительной степени востребованы здесь, в Петербурге, потому что, начиная с Дмитрия Бутурлина и при Модесте Корфе, многие немецкие ученые, не имевшие никакого опыта работы в библиотеке, были приглашены сюда. В их сознании уже было представление об идеальной библиотеке, какой стала в XVIII в. библиотека Геттингенского университета.

На определенном этапе развития библиотечного дела в России немецкий опыт особенно обогатил профессиональное библиотечное сообщество. Произошло соединение интересов библиотеки и интересов науки. Это проявилось, в част-

ности, в том, что комплектование, ведение каталогов, обслуживание — все стало осуществляться в интересах определенных наук — гуманитарных, естественных и т.д. В этом столетии огромное внимание уделяли гуманитарным наукам, но не случайно в понимании Гете университет стал и естественнонаучной высшей школой, что отчетливо проявилось в Йенском университете. Все науки, весь научный космос — все это вошло в сознание библиотечарей и определяло отныне, например, политику комплектования. В Германии этой процесс пошел еще дальше: появился библиотечарь, отвечающий за представление в работе библиотеки интересов конкретных наук — отраслевой референт. Вся сегодняшняя система обслуживания и комплектования ведется на этой основе. При этом ни одна область знания не упущена. Вся мировая литература в немецких библиотеках представлена на 100%.

Если мы возьмем современное немецкое библиотечное дело, то увидим, что очень часто во главе библиотеки находится ученый, который становится потом уже библиотечарем (усваивает какие-то знания) или приходит в библиотеку, получив университетское образование и какие-то знания, умения, навыки уже в процессе библиотечной работы. Это оставалось нормой и для Восточной Германии во времена ГДР. Можно в этом контексте назвать имя Фридрихы Краузе — директора Немецкой государственной библиотеки в Берлине, которая известна и как ученый-славист и как библиотечарь.

Но особое внимание хотелось бы обратить на то, как обогатили библиотечную теорию и практику ученые, которые вообще не были связаны профессиональными отношениями с библиотекой

и в силу того не ставили перед собой задачу войти в библиотечное дело. В 70–80-е гг. нашего столетия в Германии происходит явление, которое в России также аналогов не имеет — выходит книга, которая может быть определена как библиотечная, хотя она написана не библиотечарем, а читателем — монография немецкого ученого Бернхарда Фабиана “Книга, библиотека и гуманитарное исследование”, которая в 1996 г. была издана и в России в переводе на русский язык. В данном случае мы имеем дело со специалистом в области английской филологии (кстати, тут тоже интересная параллель с Ганновером, поскольку профессор Фабиан является специалистом именно в области английской филологии).

Потребитель, пользователь или читатель оказался неудовлетворен тем, как обслуживается в современной библиотеке читатель. Он решил, усвоив профессиональный язык библиотечаря, написать книгу, которая абсолютно профессиональна с точки зрения библиотечного дела, которое, по его мнению, шло негативно именно потому, что интересы гуманитарных наук, ранее преобладавших, теперь оказались не учтенными.

Профессор Фабиан поставил проблему так: естественные науки — это науки, в основе которых лежит концепция или гипотеза. Гуманитарий ставит вопрос. Он отвечает на вопрос. Фабиан поставил перед собой задачу описать модель библиотеки, которая могла бы гуманитариям проводить их исследования, отвечать на вопросы. Он этого добился. Так вот, здесь мы имеем

дело с тем, что не профессионал, освоив профессиональный библиотечный язык, повлиял таким образом, что сегодня самые интересные инициативы в Германии связаны с его идеями.

Я назову только две. Первое — это “Справочник по немецким исторически ценным фондам” — проект, в котором участвовали абсолютно все библиотеки Германии, обладающие ценными коллекциями. Все статьи этого справочника написаны так, чтобы этим инструментом было удобно пользоваться именно ученому. В основе этой работы — методика ученого, а не библиотечаря. Но государство, если мы говорим о государственной библиотечной политике, не сыграло никакой роли в реализации этого проекта. Это делалось на частные средства — на средства фонда Фольксваген. И, наконец, вторая инициатива — это создание рабочего объединения крупнейших научных библиотек Германии, которые объединились в единую группу, для того, чтобы решить острую для Германии проблему отсутствия в стране национальной библиотеки, потому что там нет традиционной, складывавшейся в течение нескольких веков национальной библиотеки. Немецкая библиотека, возникшая в 1912 г. в Лейпциге, — это библиотека, которая собирает всю немецкую письменность только с названного года, а все остальное хранилось где-то в других местах. Инициатором создания такого объединения стал также не профессиональный библиотечарь, а пользователь библиотеки.

Я думаю, что та ситуация, в которой мы оказались, когда государство, как бы занимаясь библиотечной политикой, абсолютно не заинтересовано в развитии библиотек, связана еще во многом и с тем, что в самом российском научном сообществе нет встречного процесса.

Библиотека у нас не востребована в том смысле, что государственная, официальная политика не сориентирована на финансовую поддержку библиотек. Изменение этого положения зависит и от того, каким будет положение с отношением к библиотеке со стороны пользователей.

Когда немецкое общество стало информационным, оказалось, что центром и этого общества является библиотека. Поэтому, как бы мы ни спорили о том, как должна сегодня называться наша наука, библиотечно-информационная или просто информационная, это не представляется принципиальным, ибо важнее сам факт того, что в основе всех основных сфер современной общественной жизни стран, вступивших в эпоху информационного общества — библиотека.

Поскольку мы сегодня обсуждаем не узко профессиональные проблемы, а философские проблемы, то в связи с этим можно сказать, что профессор Фабиан — противник позитивизма, это человек, который пришел с определенной философской базой и внес в наше профессиональное сознание идеи, которые здесь бы никогда не родились. Он не случайно часто цитирует Карла Поппера, ибо он ему очень близок. Поэтому, когда он пишет о Геттингенской библиотеке, то утверждает, что все, что о ней написано раньше и написано с позиции позитивизма — это просто голые факты, которые вырваны из культурологического контекста. Что касается российского профессионального библиотечного сообщества, то чаще всего мы не учитываем именно культурологический контекст, особенности культуры того или иного времени, и почти не обращаемся к прошлому, чтобы понять день сегодняшний.

Л.И. Петрова (РНБ, старший науч. сотр. научно-исследовательского отдела библиотековедения): О каких библиотеках и каких финансах сегодня можно говорить, если у нас тысячи людей умирают, дети бездомные? Хотя библиотек сократилось у нас не так уж много. И библиотекари у нас не такие страшные, как изображают их наши писатели. Они тоже должны посмотреть на себя. Я как-то сказала Е.И. Кузьмину, что наше библиотечное дело держится на фанатизме, и он сказал, что это ужасно. Но у нас работают в хорошем плане фанатики, потому что получают всю жизнь мизерную зарплату. Мы читателей не предавали, мы работали и всегда любили их. Посмотрите, какие у нас областные библиотеки, публичные, и сколько таких!

Б.Ф. Володин: Правильно. У нас есть то, что можно сохранять, спасать, по крайней мере.

Л.И. Петрова: Если говорить о крепко справочно-библиографическом, информационном (а у меня собственный практический опыт в этой сфере), в библиотековедении большая беда состоит в том, что мы все плохо изучаем реальность, плохо ее знаем, исследуем и в принципе мы всегда плетемся в конце, а на переднем крае нас нет. Отсюда и невостребованность нашей науки.

Е.К. Высоцкая (РНБ, старший науч. сотр. научно-методического отдела, канд. пед. наук): Действительно, у нас сейчас нельзя говорить о востребованности библиотеки, потому что, простите меня, народ замерзает, шахты рушатся, шахтеры не получают зарплаты, стоят заводы. Я не знаю, как преодолеть эту ситуацию. Но ведь в библиотеку идут не потому, что она у нас по менталитету российскому центр общения. А мы знаем, что чем дальше в глубинку, тем больше значение библиотеки, которая сегодня

единственный очаг культуры, нет ни кинопередвижек, ни клубов, ни детских центров, ничего. Мы для справочника собирали сведения о домах и дворцах культуры, вы все знаете, сколько их у нас было, нам области отвечают, одна за другой, что библиотека ликвидирована, в лучшем случае ее взяла районная или городская библиотека. Я знаю город Каспийск, где было 7 профсоюзных клубов, осталось два, было семь профсоюзных библиотек, их взял город. Хотя там закрыты все шахты, но библиотеки сегодня действуют. Нам остается только доказывать правительству, что нужны библиотеки и институты, театры и больницы. Нам нужны концепции. Мы приходим в новый век, и у нас концепции библиотечного дела нет, у нас нет концепции библиотечного дела и на уровне областей. Когда практики приносят концепции на рецензию, то видишь, что это даже не перспективный план. Это наша беда. Здесь, видимо, слабость нашей научной, в частности философской, подготовки тех, кто занимается библиотеками, и на уровне теории в вузах. Это одна из наших задач.

Б.Ф. Володин: В идеале мы должны создавать эти концепции во взаимодействии с учеными, в том числе, и с философами, как это делают наши немецкие коллеги.

Е.М. Высоцкая: Я хочу в конце сказать о пользе этих семинаров. Интересно послушать философов, и жалко, что они придут во второй половине дня. После их выступлений мы сможем поинтереснее посмотреть на свои проблемы.

В.С. Крейденко: Вот Людмила Николаевна как раз говорила об этом. Библиотекари концепцию составить не могут, да им не составлять концепцию надо, а сначала их надо научить, что такое концепция, из чего она состоит,

как она делается — вот тогда и будет концепция. Для этого в вузах вводится специальная дисциплина “Основы научных исследований”. Не совсем хорошо, может быть, эти занятия ведутся, но это основа методологической культуры библиотеки. Ее надо развивать и обращать внимание на это. И тогда концепцию вам составят и все прочее. А вот то, что не востребованы библиотеки, я с этим не согласен. Государство ничего не делает для библиотеки, но библиотеки — сейчас единственное место, где люди сидят, туда не пробиться, как же они не востребованы. Они запрошены. Это единственное место, куда можно прийти и бесплатно что-то взять. Вот ночной абонемент придумали, я не знаю, чья это фантазия. Философов или кого? Причем, просят, чтобы дали Шахерезаду одновременно.

Т.В. Захарчук (РНБ, и.о. зав. научно-исследовательским отделом библиотековедения, канд. пед. наук): Я просто хочу сказать о том, идут или не идут на контакт с библиотечной наукой философы. Недавно я выступала в качестве оппонента на защите кандидатской диссертации Татьяны Борисовны Марковой на философском факультете. Ученый совет философского факультета обсуждал библиотечные проблемы вполне профессионально. Это было очень интересное обсуждение. Все заинтересовались этими проблемами и пришли к выводу, что библиотечные проблемы обсуждать надо. Высказываний о том, что эти проблемы для них важны, на том заседании совета было много. Так что мнение насчет того, что они не хотят идти на контакт с профессиональным библиотечным сообществом, неправильное.

Н.В. Могилевец: Борис Федорович, можно сказать в защиту государства? Государство уже больше пяти лет или

дольше — около десяти лет — работает с библиотеками по целевым программам и, если бы не эти целевые федеральные программы, не было бы процесса автоматизации, новой технологии. Может быть, это однобоко, но они хватаются за пожарные вещи и все-таки что-то делают. А вот то, что происходит в небольших библиотеках, то в этом, конечно, виновато местное самоуправление.

Б.Ф. Володин: А сейчас мне хотелось бы обратиться с вопросом к Татьяне Борисовне Марковой: какой Вы сами считаете свою работу — библиотековедческой или философской?

Т.Б. Маркова

**Библиотека в системе культуры
Э. Кассирера и М. Фуко
(гносеологический аспект)**

Я думаю, что я нахожусь посередине. Есть библиотековедческие и философские направления. Пытаюсь соединить два направления в своей области.

Я хотела в какой-то степени поставить проблему поиска книги в библиотеке и попыталась рассмотреть концепции Кассирера и Фуко в связи с библиотечной системой каталогов. На философской конференции мне задали вопрос: “К чему разбирать культурно-сберегающие мысли о библиотеке, если сегодня нельзя найти необходимую книгу?”. Возникает проблема соответствия библиотечной системы каталогов и представлений читателя о том, где может находиться данная книга.

Я могу привести Вам пример личного поиска книги. Я прихожу в библиотеку, и мне нужны книги по философии образования и социологии образования. Библиотекари на мой запрос отвечают, что таких рубрик нет, но литература может находиться в рубриках “Высшее

образование” или “Педагогика” и др., а также в рубриках “Социология” и “Политические институты”. То же самое происходит и в других областях науки и искусства. Немалую роль играет субъективный фактор принципа отбора в библиотеке. Читатель, в первую очередь, ориентируется на тему, на название. Он ищет литературу в систематическом каталоге по рубрике, идентичной его пониманию. Тут появляется спорный момент: куда ставить книгу, если по содержанию она относится и к той, и к другой сфере. Например, “Шопенгауэр о книге” может стоять в “Истории философии”, а может в рубрике “Книга. Книговедение”.

Каким образом в библиотеке происходит определение форм классификации, и что является определяющим фактором при распределении литературы в каталоге? Можно, конечно, добавить существующую классификацию “Новые рубрики и разделы”, дифференцировать старые, но это сделает ее еще более сложной и трудной для восприятия и использования. В библиотековедении ставится вопрос не о сущности знания, а о соотношении классификации и системы современного знания и построения ее как символической структуры. Тут и с точки зрения культурологического подхода организация информационного потока должна осуществляться на основе системного понимания культуры. В качестве примера такого рода классификации можно привести систему культуры философа Кассирера.

Он предлагает систематизировать знание и другие виды социологической деятельности на основе принципа многообразия культурных форм, среди которых выделял, прежде всего, миф, язык. Миф и искусство, язык и наука являются формами бытия: они есть не простые

образы заданной действительности, а представляют большие, правильные линии духовного движения, идейного процесса, в котором конституируют для нас действительное как единое и множественное, как разнообразие форм. Кассирер хочет показать, что в сознании людей мир символически изначально.

Люди воспринимают реальную действительность, преобразовывая ее в знаки, понятные для всех или только специалистам, например, для археологов такими знаками являются исторические памятники прошлого: утварь, одежда, жилища. Архитекторы, скульпторы, художники представляют или выражают свое отношение к реальности в своих художественных произведениях: домах, скульптурах, картинах. Книга, состоящая из букв, слов, предложений, в своей совокупности также отражает действительность прошлого, настоящего и будущего такой, какой ее хотят видеть люди. В любых исторических памятниках мы замечаем символы, в которых узнаем и воспроизводим определенные формы жизни. Они служат нам в качестве носителей информации, невербальной или вербальной, посредством которой мы пытаемся представить себе картину происходящих событий во времени и пространстве.

Заслуга Кассирера состоит в том, что он предложил содержательный типологический подход к строению культуры, в котором наряду с научным знанием самостоятельное значение приобрели миф, религия, искусство и другие формы мировоззрения. Речь идет не о разделении культуры на самостоятельные типы, а только об органичной связи между ними. В идеале библиотека должна представлять собой не просто набор книг по разным областям знаний, а отражать целостность культуры. Очевид-

но, ее каталог самым тесным образом связан не столько с познанием, если использовать термин-синоним — “точной информацией”, сколько с образованием, если понимать ее как культурность. Конечно, непосредственно сама типология символических форм Кассирера не может служить основой библиотечного каталога, однако, принцип единства многообразного, положенный в ее основу, имеет непреходящее значение.

При анализе принципов представления информационного потока о библиотеке можно использовать известный тезис французского философа Фуко: “Знания являются властью”. Ораторское искусство, письменная культура, массовые коммуникации и средства информации так или иначе представляют форму власти культуры. Библиотека является местом, где сосредоточено знание, где оно подчинено построению, порядку, группировке. Говоря о возникновении идеи библиотек, можно предположить, что они возникли с целью упорядочить все накопленные знания. Тогда проблема состоит в следующем: каким образом власть подчиняет себе знание и заставляет служить собственным целям и как библиотека контролирует власть над знаниями. Знание само по себе уже формализовано, архивизировано, классифицировано. Библиотека осуществляет дополнительную селекцию, устанавливая при этом узкие для удовлетворения познавательных и эстетических потребностей людей.

В библиотеке есть и универсальные черты, независимые от нее культурно-исторического типа. Система контроля за информацией и система регистрации читателей являются порой открытыми для всеобщего обозрения. Они влияют на библиотечную политику и изменяют роли библиотекаря и читателя в исто-

рии. В каждой библиотеке существовали определенные цели, задачи, нормы, правила, обязанности. Обычно идеологические, ценностные ориентации библиотеки оказываются встроенными в ее технологию. И это все более пристально заставляет задуматься и проанализировать как разного рода внешние инструкции государственных институтов, так и внутренние правила порядка.

Библиотека, кроме того что она является книгохранилищем, культурным центром, сосредоточием духовного наследия, выступает и как сцепка политических, экономических и культурных преобразований общества. Государство диктует ей условия существования, дает право на приобретение и выдачу книг, которые нужны в целях образования и просвещения. Библиотеки хранили книги, официально запрещенные, это развитие тоже является стратегией власти. Система регистрации читателей представляет собой характеристику культурного человека своего времени. Читательские формуляры и записи и библиотечные карточки — это не просто запись книг, сколько выдано и сколько прочитано читателем. С их помощью библиотека организует комплектование, систематизацию, каталогизацию книг, учитывая спрос на отечественные и зарубежные издания.

Если раньше регистрировали, сколько книг выдано и сколько прочитано и кто что читает, то сегодня при регистрации читателя рассматриваются такие критерии, как численность читательской группы, статус читателя, выбора именно этой библиотеки. Библиотека определяет как работающего с книгами так и само знание, которое хранится в ней. В библиотеке хранятся книги, которые нужно читать, хранится то, что

можно читать и хранится то, что даже нельзя читать.

Система открытого доступа, абонемента, специального книгохранения и описания показывают, как меняется структура потребностей общества и ценности. В советское время на открытом доступе лежали произведения классиков марксизма-ленинизма. В эпоху застоя — партийных и государственных деятелей. Неопределенность идеологической ценностной системы государства отражается на неопределенности ранжирования книжного потока в библиотеке.

Библиотека как культурный и информационный центр города в наибольшей степени выполняют свою культуросоздающую миссию обеспечения читателей литературой, необходимой для учебных, образовательных целей. В отношении всего книжного потока она в большей степени оказывается простым книгохранилищем, чем в предыдущие десятилетия. Таким образом, идеи Кассирера и Фуко встречаются в библиотеке. Классификация книг должна отвечать принципам целостности символических культурных форм, а деятельность в библиотеке — отражать ценностные ориентации власти современного общества.

Б.Ф. Володин: Продолжаем нашу дискуссию. С большим удовольствием предоставляю слово Борису Васильевичу Маркову (зав. кафедрой философской антропологии СПбГУ, профессор, доктор философ. наук).

Б.В. Марков
Этика дискурса

Тема моего сообщения связана с тем, что с возрастом у меня стали появляться моральные проблемы. Есть какая-то последовательность познаний, сначала — эстетическая стадия существования, потом познавательная и вот,

наконец, этическая, вследствие возраста. В нашем обществе сейчас большие надежды возлагаются на моральный дискурс, в особенности в силу распада, развала, нестыковки различных ветвей власти. Здесь, кажется, мораль может примирить различные группировки, слои людей по уровню жизни, по интересам, и в этом смысле какие-то надежды есть, и они оправданны. И такие надежды были всегда.

Настоящим, радикальным моралистом философии является Кант, и я хотел бы от него “танцевать”. Его часто упрекают, что он формален, но на самом деле он отказывается, допустим, от любви, дружественности, участия, от доброй воли людей как основы проявления его категорического императива. Он требует, чтобы каждый воспринимал другого как себя, чтобы максимум его воли, действий был определен всеобщим законодательством. Вместе с тем, он, полагая, что мы должны так поступать, ничего не говорит о тех чувствах, которые мы можем испытывать к другому. Он считает, что эти чувства сбивают человека.

В этом смысле формальный принцип Канта имеет основание. Действительно, наш долг — относиться к другому как к самому себе, и по-человечески. В этом смысле заслуга Канта есть. Но вместе с тем на примере этики дискурса, которая является продолжением этой кантовской тенденции, потому что после Канта не было ясно, где может осуществиться этот принцип.

Это примерно то же самое, что и с Нагорной проповедью. Она прекрасна, но люди не могут найти ей применение в нашей реальной жизни, где работа бывает самая разная. Вот пример, трудно нашим “бедным” бизнесменам, они не могут честно заниматься бизнесом. Они,

конечно, как бы за бортом оказываются, не могут выполнить этические принципы. Вопрос серьезный, где это может осуществляться. В парламенте мы выбираем, вроде демократия, но парламентские решения — это все-таки компромиссы, решений. Решения, которые принимают разные группы, являются конвенциональными. Мы страдаем от этого и ищем территорию. Этика дискурса находит ее в коммуникации.

Где может выполняться эта этика Канта, где я к другому отношусь, как к себе? Согласно теоретикам этики дискурса, и наиболее видными среди них являются Хабермас, психолог Кольберг, а также Роуз, — это развитие техники аналитической философии, техники анализа языка применительно к этическим проблемам, строительство рациональной этики. Мораль — это вообще очень фундаментальная форма. А этика — это наука, обособывающая те моральные нормы, которые считаются общепризнанными. То есть это наука об их обосновании, оправдании и т. д. Если это наука, то она становится более аналитической, доказывающей.

Вот эта аналитическая философия берется за проект возрождения всеобщей этики. Полем применения и реализации этики и морали является сама коммуникация, т. е. когда мы общаемся, то мы не деремся, не вступаем в какие-либо противоречия. И в процессе общения, мы можем, например, в семейной ситуации, выявить какие-либо претензии и находить компромисс. Как хорошо прожившие в семейных узах люди, мы понимаем, что этот разговор носит вторичный характер. Ошибается тот, кто считает, что по утрам и вечерам, когда мы ссоримся, то ищем истину, моральные решения где-то применяем. На самом деле все, конечно, сложнее. И в

этом смысле дискурс не исчерпывает всех проблем.

Но я бы хотел вот что сказать. Даже если бы мы сумели доказать, что именно в дискурсе реализуется кантовский императив, то это не было бы нашим спасением. Наше общество имеет мультисистемный характер, и библиотека с ее проблемами является частью этой общественной системы, но есть политики, ученые и много-много людей, разные группы людей, системы, которые функционируют по своим законам.

Мы понимаем, например, что попытка политического регулирования экономики может привести к негативным результатам, и наоборот. Давайте представим, если этика и мораль начнут вмешиваться и управлять этими системами: политикой, экономикой и библиотекой. Более того, мы, как русские люди, более морально устроены, т. е. мы верим в то, что это было бы спасением. Они идут куда-то не туда и, кажется, что моральный язык может нас примирить. Тут проблема из разряда философских парадоксов. Были попытки такие вещи абсолютизировать. Если мы примем моральный язык в качестве универсального, то тогда возникает вопрос, как оценивать саму мораль, т. е. какая мораль является хорошей, какая плохой. Но я боюсь, что окажется так, что хорошая мораль та, которая совпадает с моим разделением на плохое и хорошее, тогда остальные все сильно рискуют. Они поверят, что я от имени Бога или истины сообщаю или какие-то моральные нормы, т. е. здесь есть подвохи.

То, что произошло на наших глазах, я имею в виду процесс чисто русский, да и европейский. Я думаю, что Михаил Сергеевич Горбачев был моралистом в кантовском смысле слова. Мне кажется, что эти разговоры о том, что социали-

стическая система исчерпала себя с точки зрения экономики, во многом были все-таки основаны на американских расчетах. Они полагали, что мы очень неэффективно хозяйствуем и должны закрыть свои заводы, продавать нефть. Но мы сейчас спрашиваем: а людей куда, если все закрыто? Михаил Сергеевич, конечно, партийная элита, испытывали чувство вины. Они считали, например, вот Германия разделена, это нехорошо, надо ее объединить. И Коль также, они (немцы) ведь тоже ничего не подсчитали в потенциале. Они обменяли марку к марке, потому что это справедливо, по-человечески. Вот здесь мораль играла очень важную роль. Так и Михаил Сергеевич — надо Германию отдать ФРГ, надо справедливо жить, хватит быть Империей зла — как бы чувство вины. Я хочу сказать — разве это не моральный террор?

В данном случае, когда в результате абсолютизации мораль стала пренебрежительно относиться к экономике, к национальным связям, к сложившейся системе, она превратилась в форму террора. Я думаю, что с библиотекой может случиться то же самое. Тут Татьяна Борисовна говорила о сложной машине библиотеки. Она закончила библиотечный институт. Может, сложный библиотечный механизм тоже не трогать, потому что очень легко, исходя из моральных соображений, что-то переставить, переделать ББК и т. д. На самом деле это очень ответственные дела.

Я, конечно, понимаю ее пафос, когда библиотечный каталог отражает уже сложившиеся и устаревшие разделения дисциплин, а уже появились новые науки и надо все переставлять по-новому, переориентироваться. Но, с другой стороны, возможна переориентировка чисто гуманитарного плана, скажем, уб-

рать в запасники все книжки по физике, а выдвинуть по религии и гуманитарным дисциплинам — это тоже неправильно. В условиях мультисистемности общества ни одна система не может диктовать другой свои законы, и моральные в том числе. И морализация для библиотеки скажется самым неприятным образом.

Я советую немножко дистанцироваться от абсолютизации морали. В этом случае возникает серьезная проблема. Поздний Фуко трижды пересматривал свое отношение к тому, что он называл “дисциплинарными пространствами”. Сначала он исходил из порядка знания, где разработал понятие архива, потом он разрабатывал библиотеку по аналогии с тюрьмой и больницей как дисциплинарное пространство, как место, где формируются люди. Чтобы человек пришел в библиотеку, он должен обладать определенными качествами, он должен ориентироваться на полках и т. д. Фуко полагал, что библиотека — такое пространство, где существует процесс воспитания и образования. И, наконец, третья фаза его работы под названием “Забота о себе. Герменевтика субъекта”. Речь шла о том, что субъект уже не является марионеткой власти, как это было в его ранних работах, что человек может каким-то образом сгибать власть.

Задача гуманитарной культуры, задача библиотеки заключается в формировании человека, но речь идет не просто о его образовании в привычном смысле слова, а речь идет о культивировании того, что Фуко называет искусством жизни. То есть, по-видимому, библиотечная профессиональная этика должна заключаться в том, что все требования библиотеки как института выполняются. Я бы хотел послушать доклад “Профессиональная этика”. Это движение, о котором я пытаюсь говорить как

философ, на самом деле происходит. Вместо общей этики существуют различные профессиональные этики, т. е. можно допустить, что бизнесмен может быть все-таки честным.

Насколько я знаю философскую атмосферу, там речь идет все-таки о всеобщей морали. Я думаю, что как раз в библиотеке этическое реализуется скорее в форме совета, в форме консультации, рекомендации. И в этом смысле библиотечный работник выступает как эксперт. Это люди, которые помогают принимать решения в политике, в экономике. И мне кажется, что этическое должно быть встроено туда. Что важно еще, я говорю о совете. Это не совсем Фуко, но это близко к тому, о чем он говорит. Что значит давать совет? Это значит, что давать его сверху, исходя из общих норм и требований, как бы сообщать человеку, что он должен делать, но совет обязательно связан с ответом. Здесь этика должна быть респонзивной, как говорят немцы, т. е. ответственной. Человек отвечает не только перед бывшими моральными нормами, он отвечает и перед тем другим, которому он дает совет. В данном случае, если он заботится об этическом, о гуманитарном, то это должно быть встроено в совет.

Я хочу прочитать несколько тезисов. Этика дискурса была сформулирована довольно строго. Известный моральный философ Кольберг выделяет шесть ступеней эволюции морального сознания, т. е. моральное сознание эволюционирует. Он берет не исторический уровень, а уровень — от ребенка до взрослого.

1-й уровень — доконвенционный (как моральное сознание существует до договора). Он основан на авторитете родителей, это стадия наказания и повинения, когда мы учим ребенка. Мы здесь пытаемся добиться нормативного

поведения, чтобы ребенок не нарушал нормативы и повиновался ради повинования. Основанием для такого поведения является стремление избежать наказания и власть авторитета.

2-й уровень — конвенционный. Стадия формирования взаимных межличностных отношений и ожиданий. Нормативная правильность здесь означает играть хорошую и красивую роль. Она означает заботу о других людях, сохранение лояльности, доверия, партнерства. Нормативное здесь — исполнение своего реального долга. Это должно исполняться личностью за исключением тех крайних случаев, когда она вступает в конфликт с другими непреложными нормами и законами.

3-й уровень — постконвенционный. Речь идет о кантовских моральных нормах, т. е. здесь уже наше поведение регулируется не нормами общества, а нормами вообще, как, например, действия М. С. Горбачева. Он был на постконвенциональной стадии. Так вот, Кольберг не нашел этой стадии у детей. Это уровень твердых принципов, это осознание прав, ценностей, принципов, с которыми согласны все индивиды, которые имеют своим проектом осуществление на практике честности и справедливости и всеобщего блага. Речь идет о фундаментальных правах человека, о поддержке общественного договора, об общественной пользе. Речь идет о поддержке экономического договора, даже если этот договор противоречит той или иной социальной группе.

Хабермас продолжил эти исследования. Если здесь они остались отчасти психологические, то заслуга Хабермаса как раз заключалась в том, что он считал, что этот постконвенционный уровень, который не мог экспериментально обнаружить Кольберг в эволю-

ции морального сознания, реализуется на стадии дискурса, стадии рассуждений и переговоров, дискуссий. Этой стадии соответствует следующее: как мы, люди, вообще выступаем в жизни. С одной стороны, мы являемся активными существами, мы действуем. С другой — из охотника мужчина становится общественным существом и он должен был наблюдать за детьми, за своими рабами, как они себя ведут. Как маленький начальник он действует и наблюдает. На постконвенциональной стадии, как говорит Хабермас, мы являемся еще и рефлексивными существами, т. е. мы вступаем в интеракцию, мы являемся говорящими существами.

Почему именно в разговоре, в диалоге реализуется этический принцип? Потому что, когда мы разговариваем с другими, мы должны признать следующие нормы, которые являются условием возможности разговора. Здесь предполагается, что моральные практические вопросы могут быть решены посредством рациональных обсуждений и аргументов и что личности имеют возможность различать между правильными и неправильными суждениями. Из этого следует, что каждый участвующий в дискуссии принципиально способен прийти к одинаковому с другими суждением.

Относительно приемлемых норм действия. Здесь предполагается наличие ценностных ориентиров, которые обоснованы частными интересами. Общий постулат этих дискурсов: любая общезначимая норма должна найти одобрение у всех личностей, к которым она имеет отношение, если только они будут в состоянии принять участие в практическом дискурсе. Главная проблема, с которой Хабермас сталкивался, это проблема скептика. Если мы человека втянули в дискуссию, то мы признали его равным

самому себе, т. е. этика здесь реализовалась. И он, если он с нами разговаривает, то признает нас. Хабермас полагал, что только в дискурсе может реализоваться мораль, и всеми силами надо стараться, чтобы остаться на дискурсивной плоскости.

Заканчивая, я хочу еще раз напомнить о тех проблемах, которые связаны с универсализацией морали, и сделать вывод: тот, кто занимается профессиональной этикой должен принимать во внимание результаты и достижения, которые получены в общей этике, но все-таки учитывать в отношении мультисистемного общества соблюдение и самосохранение института, в котором ты работаешь, т. е. в библиотеке. ООН и НАТО — это тоже моральные организации, потому что они хотят, чтобы везде были сохранены права человека. На этом я заканчиваю.

Т.Б. Ловкова: Даже Аристотель называл три вида споров (суждений). Первый — это аподиктический, который идет по законам формальной логики между учеными и философами; второй — диалектический, который идет по законам логики и убеждения; третий — софистический — по законам только убеждения. Как это соотносится с этикой? С этим мы сталкиваемся в бизнесе — с чуждыми системами ценностей. Я стою на принципах гуманизма, а у него приоритеты — деньги. Он направляет свою личность ради своего интереса и использует меня как человека: я — средство для его каких-то целей. Как мы можем прийти к общему знаменателю? На основе императива Канта это очень красиво: “Звездное небо над головой и нравственные законы во мне”. Но это, в общем-то, логическая ошибка. Я прекрасно отношусь к этому, но это не значит, что люди будут любить меня, если они жи-

вут по другим законам, а не по моим. Отклоняющееся поведение, девиантное. Если человек выступает в качестве жертвы? Как здесь быть?

Б.В. Марков: Я очень рад, что Вы об этом сказали. Я рассчитывал, что библиотека — это моральное пространство, женский пол, и я очень рад, что есть здоровое начало. Отличие Аристотеля от Платона заключается в том, что у Платона всеобщие идеи выступали ориентиром морального поведения, а Аристотель более прагматичен. Он говорит о дружбе, о дружественности. Здесь некая близость к тому, что я назвал этика ответа и совета. Он старался давать наставления, не просто общие: никогда не укради, не убий, никогда не прелюбодействуй, ни при каких условиях. Человек передает свою этику другому, и здесь речь идет о совете.

И, конечно, то, что Вы сказали, очень беспокоило немцев. В Германии возлагали очень большие надежды на моральный дискурс. Хабермас, в частности, говорит: как вы относитесь к начальнику концентрационного лагеря: сдирал кожу, людей мучил, пришел домой, помыл ручки, пообедал, с детьми поиграл, помузицировал. Как это все вообще? Конечно, это серьезная вещь. Тот, другой, с которым вы общаетесь, конечно, может вас использовать, и в этом риск всегда есть, и этика, не рискующая сегодня поведением, невозможна. Это тоже мы должны учитывать. Мораль хотела бы нас оградить от риска вообще, но она реактивна, связана со страхом, или это справедливость, которая внутренне нам присуща, но она легко может стать репрессивной. Речь идет о том, что этика совета, профессиональная этика, индивидуальна, и это то, что всегда обращено к индивиду. Если я вас правильно понял, то здесь меня радуют сомнения в

наличии абсолютных моральных норм, т. е. сегодня, по-видимому, мы сильно сомневаемся в том, что такие абсолютные моральные нормы существуют, или в том, что даже если они существуют, то они где-то выполняются. Мораль является спонтанной, блуждающей, она вариативна, и это нужно учитывать.

У Хабермаса всеобщий принцип этики неформален, и в этом его недостаток, но по крайней мере это то, что скрепляет нас. Если бы он сформулировал содержательные вещи, тогда здесь можно было бы возражать, а это возражения не вызывает, так как сам принцип этики дискурса достаточно универсален, но слишком тощий по содержанию, но в этом как раз может быть его сила. А что касается содержательных, практических требований — это вытекает из профессиональной этики (профессиональная этика библиотеки отличается от этики бизнеса, очевидно, своими конкретными нормами), а во вторых, когда человек дает совет или выступает в качестве эксперта, то здесь он сам разбирается с другим. Он рискует, если он принимает его равным себе.

С чем может быть связана мораль? Вы библиотекари. Вы знаете, что перед вами тупица, и подсовываете ему хорошие книжки, а ему “все до лампочки”. А вы думаете, вот там, на страшном суде, человек разберется: ты будешь страдать, а я буду радоваться. Глупейшая функция. Лучше на месте и сразу разобраться, может быть даже довести до конфликта, во всяком случае не пытаться замазывать и думать, что там когда-нибудь кто-нибудь разберется. На самом деле он сам до справедливости не доживет. Я считаю, что конфликтного поведения мы не должны бояться ни на работе, ни дома.

И.И. Тихомирова: Любимое слово Михаила Сергеевича “консенсус”. Как

к нему относиться? Это желаемое, позитивное или к нему можно относиться с недоверием?

Б.В. Марков: Хабермас приезжал в Москву на закате горбачевской перестройки, потом Михаил Сергеевич ушел, и эту книжку Хабермаса долго не переводили. Он был разочарован, потому что даже на Западе не осознали те проблемы, которые он преподносит, хотя, конечно, они к нему серьезно относятся. Консенсус в разных смыслах, буквально, это согласие, т. е. надо достичь согласия. Но вопрос, каким образом? Моралисты спорят. Одни говорят, что основой консенсуса может быть добрая воля людей, скажем, у каждого есть свои интересы, но мы можем договориться, т. е. здесь не идет речь о ссылке на Нагорную проповедь, как у Канта. По Канту, мы должны принять всеобщие нормы. А консенсус — это дискуссия и ее результат: пришли или нет к консенсусу, т. е. сумели или нет пойти на компромисс с кем-то. Это более прагматичная вещь. Но исходя из этого, консенсус может быть конвенциональным и доконвенциональным. Там тоже консенсус, когда маленькому ребенку говоришь, что если ты будешь это делать, то будешь наказан.

И.И. Тихомирова: А дискуссия?

Б.В. Марков: С дискуссией интереснее. Сила Хабермаса в том, что он полагал, что консенсус достигается на дискурсе. Дискуссия общественности состоит в том, что, например, моральные учителя говорят, что это истина и она не обсуждается, а мы можем это обсуждать, мы можем обсуждать противника. Например, де Сад и Ницше опровергали мораль. Здесь, в ходе разговора, в ходе дискуссии консенсус становится не силовым, не принудительным, а он предполагает ответ: мы слышим возражения

другого и стараемся принять их во внимание. В этом смысле, когда я говорю о респонзивности, об ответственности этики, то не в том смысле, чтобы отвечать перед Нагорной проповедью, а отвечать перед другим и принимать его во внимание. У нас другое практикуется в духе Бахтина, как дружба, другой это как ты. Но вот это и есть ошибка — он другой.

Д.К. Равинский: Как Вы относитесь к руководству чтением?

Б.В. Марков: Это на тему позднего Фуко. Это как раз самый тонкий момент. Допустим, даже если мы знаем, что такое хорошо и что такое плохо, каждый обретает человечность по мере жизни. Мы хотим помочь молодому человеку прожить жизнь правильно, но дело в том, что мы понимаем — та система, в которой мы жили и в которой он будет жить, предполагает некоторое вполне прагматичное знание. С одной стороны, мы можем осложнить ему жизнь, что тоже опасность. С другой стороны, превратить его в функционера, если отказаться от этики. Экспертные советы — это экономно, с малыми затратами и эффективно достичь поставленной цели, допустим, получить образование или подготовиться к семинарскому занятию, обычно это студенты спрашивают, какую литературу читать — это функциональное. А этическое — это то, что касается человеческой стороны. И здесь готового ответа у меня нет, да и ни у кого нет. Речь идет о соучастии, о передаче опыта, и я не представляю, как это возможно в условиях современной массовой библиотеки. Это трудно.

О.М. Зусьман: Насколько правомерно из того, что Вы говорите, сделать вывод о том, что создание каких-то профессиональных кодексов этики дело достаточно пустое и малопродуктивное.

Б.В. Марков: Нет. К сожалению, так получилось из доклада. Я-то лично хотел скорее подвергнуть критике философскую теорию морали как всеобщую, для всех, и хотел поддержать усиление, связанное с формированием профессиональных этик и кодексов. Допустим, в праве. По-русски — чисто мораль, справедливость. Она бессильна. По Христу — мы не можем применять силу. А когда по праву — это сила. Получается так, что справедливость бессильна, а сила несправедлива. Мораль — это компромисс между силой и справедливостью. А профессиональная этика — это компромисс между всеобщей этикой и тем, как она реализуется в пространстве библиотеки.

Н.В. Могилев: Если взять кодекс, прочесть, то они могут скрывать ошибки с помощью морального кодекса. Получается круговая порука. Нужно ли создавать профессиональный кодекс?

Б.В. Марков: Я только сейчас понял и осознал трудности, с которыми Вы сталкиваетесь. Судя по всему, что получается? Они доходят до эвтаназии, это страшные вещи, когда лечат не то, от чего надо лечить, а потом скрывают. И юридический кодекс примерно такой же. Здесь мы друг друга покрываем. Это реальная опасность. Это тоже этика: ты отвечаешь за сохранность института, которому ты принадлежишь. Корпоративность, и она, видимо, входит в профессиональную этику.

А.Н. Ванев: В нашей библиотечной литературе сейчас стало повсеместно утверждаться, что библиотекарь должен ориентироваться на общечеловеческие ценности. Вот в свете того, о чем мы с вами говорили, ценностей таких нет. Что

ценно для меня, то не ценно для другого. Существуют ли вообще общечеловеческие ценности или это публицистика?

Б.В. Марков: Здесь выводы делать тяжело. Я бы хотел показать, что профессиональная этика для меня — это форма компромисса, как у Бахтина. Бахтин хочет сказать, что Достоевский, в отличие от Толстого, морализировал и это плохо. Достоевский этого не делал, он косвенно, тональностью своих произведений хочет сказать, что не делай так, как Раскольников, он нашел форму включения этического дискурса в литературу. Писатель не может быть моралистом. Вот поздний Лев Толстой раздавал эти оценки, у него получалось все не морально. Во всем разочароваться тоже нельзя, вероятно, какой-то общий моральный кодекс существует, мы все люди, и есть какие-то общие вещи. Мы сейчас все завязаны друг на друге. Вопрос только в том, как завязаны. Это тоже глобалистика. Как мы трактуем глобалистику? Что Земля — это наш общий дом. На Западе глобалистику иначе понимают. В чем суть глобального: в том, что везде знают цену доллара. Деньги. Второе — это масс-медиа. Они хоть на русском языке, но американские. Они нашу национальную идиому вымывают совершенно жестко. Хуже, чем язык газеты “Правда”. Вот это глобалистика, это американизация или европеизация. И мы имеем свои амбиции с нашей русской идеей. Здесь вместо морали этика, которая всегда индивидуальна, она направлена к индивиду, она осуществляется посредством диалога, где другой может возражать. То, что Ницше называл “свободной борьбой сил”.

(Окончание в следующем номере)

ПРОБЛЕМЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ ГРАМОТНОСТИ

(Обзор профессиональной печати США)

Наталья Владиславовна Збаровская — зав. методико-библиографическим отделом ЦБС Невского района

Проблемы информационной грамотности стали предметом дискуссий в американской библиотечной периодике с 60-х годов, когда новые технологии начали оказывать влияние на деятельность библиотек. На страницах профессиональной прессы американские ученые и библиотекари обсуждают преимущества и недостатки новых информационных технологий для пользователей и необходимость обучения читателей.

Способы поиска и использования информации в процессе ежедневной работы, представляют особый интерес для специалистов в области библиотечной и информационной науки (LIS) и являются предметом исследования в течение нескольких десятилетий. Особое внимание первоначально уделялось таким категориям пользователей информации, как ученые (теоретики и практики). Изучались каналы получения информации, способы информационного поиска и т. д. [4].

Однако в конце 70-х и в начале 80-х годов исследователи обратили внимание на использование информации другими категориями населения.

Анализ современных американских исследований показывает, что основное внимание ученые и практики уделяют формированию информационной грамотности у читателей-студентов, полагая, что главной целью высшего образования является подготовка студентов

к будущей деятельности. Если сегодняшние учащиеся будут работать в современном мире высоких технологий, они должны владеть навыками поиска информации и работы с техникой. Это значит, что информационная и технологическая грамотность должны стать частью образовательного опыта [7].

В течение последних лет особое внимание уделяется гибкому обучению студентов навыкам информационной грамотности. Однако навыки поиска информации необходимы в любой ежедневной работе и должны стать частью трудового опыта. Поэтому каждый должен иметь возможность развития таких умений и навыков [6]. Информационную грамотность и навыки поиска информации необходимо формировать и в условиях продолжающегося обучения взрослых, проводимого общедоступной библиотекой.

Что же американские исследователи понимают под информационной грамотностью?

Информационная грамотность в общем виде понимается как возможности найти, оценить, организовать и использовать информацию из различных источников для решения проблемы, принятия решения и исследования. Из этого определения видно, что информационная грамотность может объединять различные элементы библиотечной и

библиографической грамотности, а также компьютерной грамотности [6, 7]. Все эти компоненты имеют различное функциональное назначение.

Люди, имеющие достаточно высокий уровень информационной культуры, обладают определенными качествами и умениями. Прежде всего, они могут осознавать свои информационные потребности. Они знают, где они могут найти необходимую информацию и знакомы со стратегиями использования каждого источника. Личности с высоким уровнем информационной грамотности способны распознать найденную информацию, выделить лучшую, точную и адекватную.

При этом знание источников информации должно сочетаться с умением работать с ними [4, 5, 6].

Американские ученые, занимающиеся изучением феномена информационной культуры личности, исследуют ее структуру и уровни развития у разных категорий пользователей.

Различные подходы, используемые специалистами, позволяют им полнее отразить содержание понятий информационной грамотности и процесса поиска информации.

Наиболее известен среди них бихевиористский подход, кроме него можно назвать технологический, познавательный (когнитивный) и герменевтический подходы. Последний понимается не только как способ и метод интерпретации текста, но и как интерпретация любой гуманитарной системы, включая библиотеку.

Бихевиористский подход пытается раскрыть цели поиска информации пользователями (читателями) и стили общения, выявляющиеся в обмене между пользователями и библиотекой и библиотекарями. Это так называемая телецентристская теория. Одним из пред-

ставителей этого подхода к информационной грамотности является Култхау [2].

Исследователи, придерживающиеся бихевиористского подхода, рассматривают читательское поведение в процессе поиска, освоения, эмоциональной оценки и переработки информации. Раствущее количество таких работ является признанием того, что информационный поиск — феномен читательского поведения с сопутствующими познавательными, эпистемологическими и феноменологическими элементами. Это предполагает анализ, точное исследование сложности, смысла и структуры информации [2, 7].

Существующие в США стандарты информационной грамотности, разработанные департаментами образования, определяют различные уровни знаний и умений учащихся в работе с разнообразными источниками информации. Так, в штате Нью-Йорк разработаны 9 стандартов для студентов разного уровня подготовки, при этом каждый стандарт предполагает три уровня информационной грамотности — базовый, хороший и образцовый. В учебные программы многих образовательных учреждений включены специальные курсы библиотечного и информационной культуры.

Сравним два стандарта информационной грамотности: стандарт, предложенный Култхау, и другой — принятый Американской ассоциацией стандартизации грамотности — AASL (см. табл. 1).

Как видно из таблицы, в стандартах Култхау и AASL навыки работы с информацией формулируются в соответствии с читательским поведением в процессе работы с информацией [3].

При этом в стандарте Ассоциации навыки отбора и оценки информации представлены более полно.

Следует отметить, что в стандарты не включены такие важные умения работы с информацией, как умение объединения информации из различных источников,) определения связей и зависимостей между частями информации или информацией из разных источников.

Таблица 1

Стандарт Култхау (1994 г.)	Стандарт AASL
Введение. Определение потребности в информации.	Определение потребности в информации.
Отбор. Определение темы для изучения	Определение различных потенциальных источников информации; развитие и использование успешных стратегий поиска информации.
Формулировка. Определение перспектив темы	Понимание, что точная и своевременная информация является основой для принятия интеллектуального решения.
Накапливание информации Сбор информации	Оценка информации критически и ответственно: — определение точности, соответствия и современности; — характеристика фактов, точек зрения и мнений; — определение неточной или неверной информации; — отбор информации соответствующей проблеме.
Представление информации: — организация информации; — обобщение результатов	Использование информации эффективно и творчески: — организация информации для практического использования; — интеграция новой информации в имеющийся массив знаний; — использование информации в оценке ситуаций и решении проблем; — обработка и обобщение информации и идей в требуемых форматах.

Наличие стандартов информационной грамотности позволяет правильно построить процесс обучения и формировать важнейшие навыки и умения работы с информацией.

Между тем, американские исследователи отмечают, что студенты по окончании обучения недостаточно владеют базовыми навыками, необходимыми им в дальнейшем, в том числе умением логически мыслить, четкой письменной и устной речью [7]. И, ссылаясь на образовательный опыт, указывают, что формирование информационной грамотности студентов осу-

ществляется успешнее в случае контекстного информационного образования [1, 4, 6].

Важную роль в процессе формирования информационной культуры личности американские ученые отводят библиотекам, как академическим (библиотекам школ, университетов и колледжей), так и публичным библиотекам, несмотря на то, что последние с 80-х годов XX века значительно больше внимания уделяют релаксации читателей.

Американские теоретики указывают, что публичные библиотеки сегодня выполняют несколько социальных / куль-

турных ролей и наиболее важная из них — это сохранение знаний и обеспечение доступа к ним (93,9% библиотек организуют уроки библиотечно-библиографической грамотности) [6]. В то же время они указывают, что пользователи (читатели) публичных библиотек не имеют базовых информационных навыков, таких как логическое мышление, навыки устной и письменной речи. Тогда как в эпоху новых информационных технологий подобные знания становятся общественной потребностью. Давление со стороны американских образовательных учреждений как результат потребности общества в квалифицированных, грамотных специалистах постоянно возрастает, отмечают библиотековеды [5, 6, 7].

Безусловно, появление и широкое распространение новейших компьютерных технологий, в том числе информационной сети INTERNET, детерминирует структуру информационной культуры личности. В связи с этим американские исследователи указывают, что пользователи библиотек должны понимать, что информация не является простым набором цитат и фактов для написания очередной работы. Задачей библиотекарей на данном этапе становится обучение пользователей основам исследовательской методологии. Необходимо научить читателей эффективной работе независимо от формата, источника и местонахождения информации. Они должны понимать структуру и организацию информации, а также зависимость ее доступности от социальных условий [6].

Современный читатель, отмечается в статье в электронном журнале *Library Philosophy and Practice*, должен владеть комплексом знаний и умений, которые позволят ему взаимодействовать с информационно-библиотечной средой, для чего библиотека должна обеспечить:

- печатные путеводители и пособия, приспособленные для гибкого обучения;
- электронные пособия (CD-ROM, дискеты и тому подобное);

- специальные занятия по информационной грамотности на базе библиотеки или вне ее;

- проведение занятий по информационной грамотности в рамках конкретного учебного курса;

- постоянное содействие развитию навыков работы с информацией [7].

Это справедливо как для научных, так и для общедоступных (публичных) библиотек и, с точки зрения американских исследователей, открывает для публичных библиотек большие перспективы, так как в настоящее время общедоступные библиотеки не в достаточной мере включены в систему непрерывного образования. Осознание обществом ценности информационной грамотности для каждого читателя независимо от возраста, образования и социального положения позволяет библиотекарям переосмыслить свою роль в информационном образовании. Взаимодействие с образовательными учреждениями в области формирования информационной грамотности читателей на данный момент признается одним из важнейших условий качественной работы публичных библиотек США.

БИБЛИОТЕКАРИ И АРХИТЕКТОРЫ: ПЕРВЫЕ ШАГИ К ПОНИМАНИЮ ДРУГ ДРУГА

*Татьяна Ивановна Новикова — директор ЦБС
Московского района*

Когда в Венеции любишь здание библиотеки, не менее величественным и прекрасным, чем дворец дождей напротив, мысленно пытаешься отыскать в ее «северном двойнике» достойную соперницу. Но тщетно...

Нынешний век, признанный веком информации, не украсил Россию библиотекой, где бы новые информационные технологии гармонично сочетались с современной архитектурой и окружающей ландшафтом.

Наши попытки по-новому, с максимальным комфортом для читателей организовать библиотечное пространство достигают скромных результатов в силу того, что на стадий архитектурного проекта не были учтены ни культурная и социальная значимость учреждения, ни его функциональные особенности.

Именно поэтому такими значительными и яркими событиями в библиотечной жизни Санкт-Петербурга явились Международный семинар и мастер-класс «Библиотека 2000: технология и дизайн» (9-15 июля. 2000 г.), организованные Петербургским библиотечным обществом и Санкт-Петербургским государственным архитектурно-строительным университетом. В них приняли участие российские и зарубежные архитекторы и дизайнеры, студенты архитектурных и дизайнерских спе-

циальностей вузов Санкт-Петербурга, библиотекари Санкт-Петербурга, Ленинградской области, г. Вологды.

Представленный на семинаре в общении зарубежных архитекторов опыт строительства современных зданий библиотек, отвечающих культурным запросам читателей различных социальных и возрастных групп, был творчески применен при организации мастер-класса по разработке дизайн-проектов четырех библиотек Санкт-Петербурга и Ленинградской области.

Во время проведения мастер-класса под руководством зарубежных и российских мастеров студенты Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета. Государственного академического института живописи, архитектуры и скульптуры им. И.Е. Репина, Балтийского института экологии, политики и права разработали эскизные проекты для Центральной библиотеки им. Л.С. Соболева ЦБС Невского района, библиотеки-филиала № 4 ЦБС Московского района. Центральной детской библиотеки ЦБС Калининского района Санкт-Петербурга, Культурно-информационного центра им. А.С. Пушкина г. Волхова. Проекты существенно отличаются решением интерьера библиотеки, сходство в одном: оптимальное использование пространства с учетом

существующих технологических достижений библиотеки.

Участники мастер-класса получали подарки, предоставленные Немецким Культурным Центром им. Гете, а руководители библиотек уже мечтали о реализации проектов в жизнь.

К счастью, наше общение с архитекторами на этом не закончилось. По приглашению Кристины Виртанен, сотрудница Городской библиотеки г. Хельсинки, давнего партнера ЦГПБ им. В.В. Маяковского, организаторы и участники Международного семинара в сентябре с.г. посетили Финляндию и познакомились с зарубежным опытом строительства библиотечных зданий.

Программа трехдневной поездки включала в себя посещение 11 библиотек девяти городов Финляндии: Хельсинки, Лахти, Порво, Ловииза и др. Мы посетили совсем новые библиотеки и библиотеки, история которых насчитывает более сотни лет. Особый интерес вызвали здания, реконструированные под библиотеки, например, библиотека в г. Карккила, расположенная в помещении бывшей фабрики, или библиотека в г. Хейнола в помещении разорившегося банка.

Участники поездки были поражены разнообразием финских библиотек.

Библиотеки Финляндии — это современные информационные центры, расположенные в зданиях, которые представляют собой прекрасный образец современной архитектуры, сочетающей высокие технологии и функциональность. Причем, каждое здание необычайно гармонично вписывается в окружающий ландшафт.

Невольно вспоминается Алвар Аалто, который считал, что природа, а не машина — главная модель для архитектуры.

Насколько важен союз архитектора и библиотекаря прекрасно понимают в

Финляндии. Их диалог начинается с момента проектирования и продолжается после завершения строительных работ. В двух библиотеках (г. Карккила и пос. Мюллюкоски) нас встречали сотрудники библиотек и архитекторы, которые провели экскурсию по библиотекам, рассказали о своей работе над их проектами. В Финляндии считается очень почетным для архитектора получить заказ на проектирование библиотеки.

И это не прошло незамеченным: «Поездка в Финляндию была полезна тем, что вместе собрали библиотечных работников и архитекторов. Лишь в сотрудничестве представителей этих двух специальностей можно создать действительно современную библиотеку, которая будет не хранилищем книги полка, а местом общения, досуга и обучения» (из отзыва студента СПбГА-СУ И. Ханина).

Российские библиотекари и архитекторы отметили необычайно высокую оценку роли и значения библиотек в Финляндии. Правительство страны считает поддержку и развитие библиотек одной из приоритетных задач государства.

Наиболее лаконично и точно выразилось значение и ценность нашего путешествия в отзыве директора Архитектурного института СПбГАСУ В. А. Нефедова: «Посетив 11 библиотек Финляндии, участники семинара и мастер-класса имели реальную возможность убедиться в динамичном обновлении представления о современной библиотеке как центре культуры, привлекающем своей общедоступностью, универсальностью и технологичностью».

Завершая рассказ о двух интересных проектах, ставших реальностью благодаря грантам Института «Открытое об-

щество”, хочется отметить, что удалось в ходе их реализации:

— привлечь внимание архитекторов и дизайнеров к проблемам проектирования библиотек;

— установить контакты между архитектурными школами Санкт-Петербурга с библиотеками города и области;

— осуществить проектные разработки для конкретных библиотек в

Санкт-Петербурге и Ленинградской области;

— познакомить российских библиотекарей и архитекторов с особенностями архитектуры и дизайна библиотек Финляндии;

— продолжить сотрудничество с финскими библиотечными специалистами в области повышения квалификации персонала.

ВЕДУЩИЙ ИСТОРИК БИБЛИОТЕК XX ВЕКА — ПАМЕЛА СПЕНС РИЧАРДС

Борис Федорович Володин — вед. научный сотрудник научно-исследовательского отдела библиотековедения РНБ, канд. пед. наук

23 октября 2000 года в Библиотеке Конгресса в Вашингтоне открылся симпозиум, посвященный двухсотлетию юбилею крупнейшей библиотеки мира. Первая часть симпозиума была посвящена проблемам мировой библиотечной истории, а его первый день — роли и значению истории библиотек для современного общества. В этот день с докладами выступили историки библиотек из разных стран мира — Германии, России, США, Франции и других. Они размышляли о современном состоянии историко-библиотечных исследований, о проблемах и противоречиях библиотечной истории. И почти каждый из них начинал свое выступление словами, обращенными к человеку, который на протяжении многих лет возглавлял круглый стол по истории библиотек Международной Федерации библиотечных ассоциаций и учреждений (ИФЛА) — к Памеле Спенс Ричардс. Они говорили о том, что уже больше года Памелы нет с нами. Особенно сильно эти чувства выразила французская коллега Мартин Пуллен: смириться с мыслью о том, что Памелы нет с нами, не просто невозможно — она теряет Памелу снова и снова каждый день.

Для библиотечных историков мира Памела была и остается лидером, признанным всеми коллегами, которые занимаются историей библиотек. Всем, кто

стал участником работы секционных заседаний первой части юбилейного симпозиума, казалось, что нас здесь собрала именно она. Именно Памела пригласила сюда своих друзей, своих коллег — тех, с кем столько лет она работала вместе.

На этой встрече библиотечных историков стало еще раз очевидно, что с уходом по-настоящему уникального человека, уходят и многие планы и проекты, реализация которых казалась делом само собой разумеющимся, как проектов коллективных.

Памела Спенс Ричардс родилась в Нью-Йорке 2 июня 1941 года. Памела говорила, что ей нравится ритм Нью-Йорка. Говорила она и о том, что значит для нью-йоркца вечер. Он прожил еще один день в этом городе, и он выиграл этот день! По ее мнению, это чувство активно востребованной жизни можно испытывать только там. Нью-Йорк как город-космополит несомненно повлиял на нее.

Мать Памелы — Мэри Франсис Лавайн была актрисой, а отец — Гай Ричардс, происходивший из семьи голландских переселенцев в Америку, работал журналистом и был редактором известной и за пределами США газеты “Нью-Йорк геральд трибюн” (“New York Herald Tribune”). Здесь же, в Нью-Йорке, Памела закончила школу и начала изучать в колледже Рэдклайв знамени-

того Гарвардского университета немецкую литературу, где получила диплом бакалавра. В 1966 году она получила диплом магистра в области германистики Колумбийского университета. В 1971 г. она стала магистром библиотечного обслуживания (Master's degree in Library Service), и отныне ее жизнь оказалась связанной с библиотечным делом. С 1979 г. до конца жизни профессиональная библиотечная деятельность Памелы была связана с Раджерским университетом (Rutgers University), где она была профессором Школы коммуникаций, информационного и библиотечного дела (School of Communication, Information and Library Studies). В 1984 г. была опубликована ее докторская диссертация под названием "Ученые и джентльмены: библиотека Нью-Йоркского исторического общества" (Scholars and Gentlemen: The Library of the New York Historical Society. Hamden, CN: Archon Books, 1984).

Библиотечная деятельность Памелы Спенс Ричардс была чрезвычайно многогранной. В круг ее научных интересов входили справочно-информационная деятельность, проблемы коммуникации ученых, международные аспекты библиотечного дела, но особый интерес всегда вызывала история библиотек.

Памела обладала даром ощущать историю библиотек как абсолютно живой процесс. Она не воспринимала историю как перечень фактов и имен и не связывала историю лишь с аккуратным воспроизведением архивных документов, что свойственно многим историкам. Ей были абсолютно противопоказаны представления о библиотеках как об учреждениях, которые живут тихой жизнью и хранят в своей тихой "вечной" тишине знания. История библиотек в ее работах была наполнена драматизмом и даже

трагизмом. Ее интересовало то, что чаще всего обходят историки библиотеки в нашей стране. И не случайно она так часто обращалась к судьбам библиотек в годы первой и второй мировых войн. Этой теме посвящен целый ряд публикаций, в том числе монография "Научная информация в военное время" (Scientific Information in Wartime. Westport: Greenwood Press, 1994). Интересовали ее и судьбы библиотек в странах с тоталитарным режимом.

Российской истории библиотек посвящена не одна публикация Памелы Спенс Ричардс, например, статьи "Образование и обучение информатике в Советском Союзе" (Education and Training for Information Science in the Soviet Union // Annual Review of Information Science and Technology. 1992. P. 267-290) и "Советско-американские библиотечные связи в 1920-е и 1930-е гг." (Soviet-American Library relations in the 1920s and '30s // Library Quarterly. 1998. Vol.68. P.390-405).

О том, насколько глубоко исследовала Памела историю библиотек России, ее российские коллеги могли судить по ее блестящим выступлениям в нашей стране, например, на Второй конференции по истории библиотек в России, которая состоялась в РНБ в 1996 г. (См.: Библиотечные связи США и Советского Союза в 1920-30-х гг.: анализ взаимного интереса и недоверия // Судьбы библиотек дореволюционной России: 20-30-е гг. XX в. Конференция. 1-3 октября 1996 года. Тез. сообщ. СПб, 1996. С. 7-9).

В России Памела была много раз. А в июне 1996 г. она организовала и провела вместе с ее близким другом Валерией Дмитриевной Стельмах интереснейшую конференцию в Вологде. Там она выступила с докладом о библиотечном обслуживании афро-американской интеллигенции до 60-х гг., который вызвал

огромный интерес со стороны российских коллег. Позднее материалы были подготовлены Памелой к изданию на английском языке и опубликованы в журнале "Libraries & Culture" (на русском языке сборник материалов конференции был подготовлен к изданию В.Д.Стельмах: Библиотека и чтение в ситуации культурных изменений. Вологда, 1998).

Памела много и активно путешествовала, выступая в самых разных странах мира с лекциями и докладами. Она подолгу работала за рубежом и как исследователь. У нее было множество разнообразных обязанностей. Например, она на протяжении многих лет была членом редколлегий как американских, так и зарубежных периодических изданий. Среди них — американские журналы "International Library Review" и "Library Quarterly", британский "Library History", литовский "Bibliografija". За огромные и очевидные заслуги она была удостоена в 1999 г. награды Раджерского университета за выдающиеся исследования. В том же, последнем году ее жизни, ей была присуждена и Премия Джесси Ширы Американской библиотечной ассоциации. Но наиболее полно свой талант выдающегося ученого и прекрасного организатора Памела раскрыла как многолетний председатель круглого стола по истории библиотек ИФЛА. При этом Памела стала реальным, общепризнанным лидером в сфере истории библиотек не по занимаемой ею должности, а в силу того признания, которое она в действительности получила в самых разных странах мира.

Едва ли кому-либо из коллег удавалось ощущать как живой процесс всемирную историю библиотек — историю всех эпох и всех континентов. Каждое из заседаний круглого стола по библио-

точной истории в зависимости от того, где проходила та или иная сессия ИФЛА, благодаря ей было идеально связано с историей той или иной страны. Если встреча проходила в Копенгагене, то акцент делался на уникальность Скандинавии и Балтийского региона. На сессии в Бангкоке основное внимание было уделено странам Юго-Восточной Азии, и особый интерес был проявлен к "пальмовым книгам". На этой сессии было проведено и совместное заседание круглого стола по библиотечной истории с секцией сохранности библиотечных фондов. Памела была инициатором уникального проекта по созданию всемирной истории библиотек, в котором многоаспектно рассматривается библиотечная история всех стран мира, всех его континентов. Уже была разработана структура каждого тома, определены ответственные за подготовку каждого из них, но с уходом Памелы стало очевидным, что без нее, без ее знаний, без ее уникального опыта реализовать этот проект, по крайней мере сейчас, едва ли будет возможно.

Памела жила и работала в Америке, и она была американкой. Но при этом она была так не похожа на своих соотечественников, которые нередко, приезжая в Россию, да и в другие страны, с искренним убеждением в необходимости просвещать своих коллег и помогать им, дают готовые, и, как они убеждены, лучшие рецепты организации и ведения библиотечной работы, считая, что именно американские рецепты идеальные, лучшие и единственно возможные и их надо просто использовать в готовом виде. Памела, напротив, исходила в первую очередь, из специфики той страны, в которую она приехала. Она обладала поразительным даром ощущать страну изнутри. Это относилось и к России, ибо

в этом множество раз могли убедиться ее российские коллеги. На первом месте для нее была специфика российской истории, особенности развития страны и жизни ее людей.

Уникальный дар Памелы ощущать другие страны изнутри был определен не в последнюю очередь ее убеждением, что познать другую страну можно, только познав ее язык. Она могла свободно говорить на многих языках, в том числе и на русском. Свободно говорила и по-немецки и Германию также чувствовала идеально, и именно поэтому ей после объединения Германии в 1991 г. предложили стать ректором Института библиотековедения Университета имени Гумбольдта в Берлине. Немецкие коллеги очень сожалели о том, что она не приняла этого предложения. Прекрасно говорила Памела и на французском, и на других европейских языках. Европу она ощущала как свой второй дом.

Но особой любовью Памелы была Голландия. Когда она начинала говорить об этой стране, она преображалась. Ее влюбленность в эту страну не могла не передаваться собеседнику. Именно сюда, в Голландию, в свой дом, расположенный неподалеку от Арнема, она ежегодно возвращалась не менее, чем на два месяца. С Голландией ее связывали предки. Голландцем был ее муж — историк Вильгельмус Смит, которого друзья Памелы звали Вим. На голландском языке говорят свободно и ее дети — дочь Марийка, ставшая градостроителем, и сын — художник Гай. Не случайно среди книг, написанных Памелой, есть работы, посвященные этой стране. Вместе со своим мужем она подготовила книги “Голландцы в Америке” (Dutch in America. Dobbs Ferry, NY: Oceana Publications, 1972) и “Нидерланды: хронология и факты” (The Netherlands:

A chronology and factbook” (Dobbs Ferry, NY: Oceana Publications, 1973).

Осень и начало зимы 1997 г. Памела провела в Петербурге, где она не только читала лекции студентам Академии культуры, но и собирала материал для своей новой книги, которая должна была быть посвящена России. В течение этого времени она активно посещала различные мероприятия и выступала (см. например, материалы круглого стола “Профессиональное сознание библиотекарей как предмет философских, культурологических и социологических исследований”, опубликованные в № 2 журнала “Петербургская библиотечная школа” за 1998 г.). В Петербурге она часто встречалась с коллегами. Ей был интересен и сам город, его культурная жизнь. Она посещала и петербургские театры. Так, мы вместе с нею смотрели в Александринском театре спектакль о русской истории, которая так интересовала Памелу, — “Сказание о царе Петре и убиенном сыне его Алексее” по пьесе Фридриха Горенштейна. В особый восторг ее привел Театр балета Бориса Эйфмана, его спектакль “Красная Жизель”. Она была убеждена в том, что в Нью-Йорке эта постановка и сам театр будут иметь огромный успех, и ее прогноз оказался абсолютно точным.

В Петербурге она обсуждала и планы на будущее. В частности, она планировала принять участие в очередной конференции по истории библиотек осенью 1998 г., но она уже не смогла приехать из-за болезни. Не была она и на конференции, посвященной широкому кругу проблем библиотечного дела в годы холодной войны, которая по ее инициативе как председателя круглого стола по истории библиотек ИФЛА прошла в июне 1998 г. в Париже. Ее доклад, который, как всегда, был чрезвычайно со-

держательным и интересным, на этот раз прочитал за нее ее коллега из Библиотеки конгресса Джон Коул (русский перевод доклада “Библиотечное дело времен холодной войны: деятельность советских и американских библиотек в поддержку национальной внешней политики, 1946-1991” опубликован в 3-м выпуске сборника научных трудов РНБ “История библиотек. Исследования. материалы, документы” (СПб., 2000. С. 220-230)).

Известие о смерти Памелы потрясло всех, кто ее знал, кто ее видел и слышал, прежде всего потому, что трудно представить себе более жизнерадостного, более энергичного и жизнелюбивого человека. Она любила активную жизнь не только как исследователь и педагог. Одним из ее самых больших и страстных увлечений были танцы. Увлекалась она и бегом и даже принимала участие в марафонах нью-йоркских спринтеров.

Памела Спенс Ричардс скончалась в Нью-Йорке 20 сентября 1999 г. Ей было всего 58 лет.

Семья Памелы и ее друзья учредили в память о ней стипендию Фонда Раджерского университета для поддержки студентов из России и стран бывшего СССР.

При библиотеке Арчибальда Стивенса Александра при Раджерском универ-

ситете в Нью-Брунсвике создан специальный фонд архивных и печатных материалов Памелы Спенс Ричардс.

Статья Памелы Спенс Ричардс, публикуемая в данном номере журнала “Петербургская библиотечная школа” с любезного разрешения немецкого издательства Saur Verlag и редакции журнала “Bibliothek. Forschung und Praxis”, является, на мой взгляд, одной из самых ярких работ выдающегося американского ученого. Именно эта работа позволяет представить масштаб ее таланта как ученого, демонстрирует ее умение смотреть на события библиотечной истории так, как до нее не смотрел никто. Небольшая по объему работа меняет привычные представления о том, что такое библиотечная история, что она изучает, на что должна быть и может быть нацелена активность библиотечного историка. Читая эту статью, можно ощутить тот импульс, который давала Памела коллегам, встречавшимся с нею. Каждый раз после разговора с нею ломались устоявшиеся стереотипы и представления о реальном мире, о реальной — и не только библиотечной — истории, и о роли библиотек в жизни не только всего человечества, но в жизни конкретных групп и слоев населения той или иной страны, и просто в жизни конкретного человека.

Памела Спенс Ричардс

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОПЕРНИЧЕСТВО И РАЗВИТИЕ НАУЧНЫХ БИБЛИОТЕК В XX ВЕКЕ

Тема моего доклада — “Международное соперничество и развитие научных библиотек в XX веке” (1). Я выбрала эту тему, поскольку мне представилась возможность разъяснить мою позицию относительно методического характера такой науки как библиотековедение. Само собой разумеется, развитие библиотек — это лишь часть общей политической, социальной и культурной жизни. Как таковая она может рассматриваться только во взаимосвязи с общими историческими событиями. Особым пунктом моего доклада можно считать предположение, что историю научных библиотек нельзя рассматривать как ряд изолированных друг от друга феноменов национального характера. В силу интернационального характера всех наук и их значения в международной жизни, интернациональный аспект является решающим для объяснения их развития.

Слово “объяснение” ведет ко второму утверждению методического характера. История библиотек, если она хочет быть научной, не может довольствоваться лишь описанием. Ее цель — “объяснение” конкретных вопросов: почему строились библиотеки, почему в них были определенные книги, почему определенные люди пользовались ими и каковы же, собственно, следствия пользования ими.

Если мы ставим такие вопросы, мы обнаруживаем, что они уведут нас далеко от самих библиотек. Что касается

моего собственного исследования, то эти вопросы привели меня в сферу мировой политики, массовой идеологии и, в конце концов, войны. Непосредственный аспект истории библиотек, который я пытаюсь разработать, и есть именно эффект войны, или в чем заключается угроза войны для американских и европейских научных библиотек в XX веке. Международное соперничество мы ощущаем здесь особенно остро. Это очень драматическая история, в том числе история шпионажа, контрабанды и грабежей, а также история разработки предельно точных планов для их осуществления, и все четыре аспекта — шпионаж, контрабанда, грабежи и их планирование — часто имели прямое отношение к профессиональным библиотекарям.

Прежде всего, я считаю необходимым представить вам, каким образом стратегические информационные потребности периода второй мировой войны и периода холодной войны привели к тому, что правительства Америки, Англии, Германии и Советского Союза обратили внимание на необходимость оказывать поддержку научным библиотекам. У меня не так много времени и поэтому рассмотрение, должно быть, будет беглым. Если вы захотите узнать об этом больше, читайте, пожалуйста, мою книгу, которая выйдет в свет зимой 1994 года (2).

Прежде всего, приведу некоторые сведения об историческом фоне: в 1939 г.

Америка была единственной из четырех вышеназванных стран, где правительство не оказывало поддержки универсальным научным библиотекам в деле комплектования зарубежной литературой. В правительстве Англии, напротив, уже в 1916 г. — хотя она тогда неожиданно оказалась в изоляции от немецкой науки — и в условиях отсутствия импорта оптических аппаратов и химических материалов из Германии был создан отдел научных и промышленных исследований, при котором была библиотека и службы документации для различных отраслей индустрии (3).

В Германии после первой мировой войны сделали такие же выводы. Веймарское правительство, серьезно озабоченное необходимостью сохранить научную конкурентоспособность Германии, субсидировало в начале двадцатых годов создание двух новых учреждений, необходимых для того, чтобы обеспечивать библиотеки дорогой зарубежной научной литературой. Это было, во-первых, Общество экстренной помощи немецкой науке *Notgemeinschaft der Deutschen Wissenschaft* (предшественник нынешнего Немецкого исследовательского общества). Общество экстренной помощи немецкой науке финансировало Бюро комплектования (*Beschaffungsamt*), функционировавшее в Прусской государственной библиотеке, которое должно было координировать и субсидировать комплектование зарубежной научной литературой научных библиотек Германии. И во-вторых, правительство создало Государственный центр научных отчетов *Reichszentrale für wissenschaftliche Berichterstattung* — службу фотокопирования зарубежных научных журналов, которая под руководством известного библиотекаря Альберта Предека работала в тридцатые годы в Выс-

шей Технической школе в Берлине (*Technische Hochschule Berlin*) (4).

В России, как и в Германии, плачевная экономическая ситуация, сложившаяся после первой мировой войны, вынудила правительство оказывать поддержку научным библиотекам. Вера Ленина в то, что индустриальное превосходство Советского Союза должно быть основано на результатах буржуазной науки, стала важным фактором для создания в 1920 г. Бюро иностранной науки и технологии. Позднее, в тридцатые годы, в Институте иностранных языков были созданы первые советские курсы документации — доказательство того, что целью советской службы документации, по крайней мере сначала, было привлечение результатов зарубежных научных исследований (5).

Только правительство Соединенных Штатов в конце тридцатых годов еще не принимало к сведению факт существования связи между научными библиотеками и национальными интересами. Правительство Америки поддерживало только медицинскую и сельскохозяйственную научные библиотеки, эти две национальные библиотеки берут свое начало еще со времен американской гражданской войны. По моему мнению, американское правительство тогда еще не осознавало стратегического потенциала научных библиотек общего профиля, поскольку, собственно, со времен гражданской войны Америка не чувствовала, что ей что-то может угрожать. Осложнение ситуации в Америке во время первой мировой войны было очень кратким и очень безболезненным. Но в период с 1941 по 1945 г. положение стало совсем иным.

Когда разразилась вторая мировая война, немецкое правительство уже имело необходимые инструменты для цент-

рализованного и не столь дорогостоящего комплектования зарубежной научной литературой: Общество экстренной помощи немецкой науке и Государственный центр научных отчетов. Во время войны эта система расширилась. В 1941 г. при поддержке нацистского правительства было основано Немецкое общество документации (*Deutsche Gesellschaft für Dokumentation*). Его задача состояла в том, чтобы усовершенствовать распределение зарубежной научной и технической информации. Все правительственные службы и все научные библиотеки Германии должны были сообщать обо всех текущих абонементных подписках иностранных журналов в это Общество, которое в 1943 г. издало сводный каталог всех иностранных журналов, полученных библиотеками (6). С 1942. это Общество вместе с Информационной службой Высшей Технической школы в Берлине (*Technische Hochschule Berlin*) и Гамбургским Институтом мировой экономики (*Hamburgisches Welt-Wirtschaft-Institut*) работало над подготовкой к публикации ежемесячного выходившего Реферативного листка (*Referatenblatt*) с аннотациями на иностранные издания. Копии и оригиналы статей из журналов можно было заказать в Берлине.

Таким образом, мобилизация в определенном отношении способствовала развитию служб документации в немецких научно-технических библиотеках. Совсем иным было положение в универсальных научных библиотеках Германии, не имевших стратегического значения, которые с 1936 г. должны были для каждого случая приобретения любой зарубежной литературы иметь разрешение гестапо, а получать такое разрешение становилось все труднее (7). Но в конце концов и для научно-технических библиотек война обернулась катастрофой:

в 1943 г. библиотека Высшей технической школы в Берлине (Шарлоттенбург), обладавшая четвертью миллиона томов, была полностью разрушена, и после июня 1944 г., когда для Германии был отрезан выход на сухопутный путь к Португалии, приобретать зарубежную литературу стало чрезвычайно трудно. Примером тому может служить такой случай. Однажды, в ноябре 1944 г., к побережью американского штата Мэн причалила подводная лодка с двумя немецкими агентами, вооруженными камерой для микрофильмирования, которым было дано задание проникнуть в Нью-Йоркскую публичную библиотеку и переснять там журналы по технике, однако агенты с камерой были задержаны (8). Я упоминаю об этом случае, потому что он является, может быть, самым ярким примером факта международного соперничества в библиотечном деле.

Обратимся теперь к союзнической странице войны. Первопроходцами здесь были английские библиотеки с их комплектованием зарубежной литературой, поддерживаемым правительством. Спустя несколько недель после нападения на Пирл Харбор, британская Ассоциация специализированных библиотек (*Association for special libraries — ASLIB*) предложила субсидировать создание службы микрофильмирования, чтобы переснимать и распространять те немецкие научные и технические журналы, приобрести которые было очень трудно. В 1942 г. в работу Ассоциации специализированных библиотек (*ASLIB*) начала вносить свой вклад американская тайная служба (*OSS*): американские агенты, работавшие в филиалах американской тайной службы (*OSS*), располагавшихся на периферии вражеской территории, подписывались на сотни немецких научных журналов и посылали их

для фотокопирования в Англию. С 1943 г. эти немецкие журналы не только фотографировались в Англии, но и перепечатывались в США. К концу войны благодаря деятельности *OSS* в американских и британских библиотеках были в обороте семь списков, в которых числилось в целом 116 европейских (преимущественно немецких) естественнонаучных и технических журналов (9).

В конце войны Америка была уже сильнейшей страной мира, но соперник появился очень скоро. И необходимость продолжения реализации многих программ, нацеленных на развитие научных библиотек — что было начато во время второй мировой войны — была мотивирована угрозой, исходящей уже не от Германии, а от Советского Союза. В 1946 г. активность в деле комплектования стало проявлять новое учреждение *OSS*, и это новое учреждение переросло в известную сегодня гигантскую Национальную службу технической информации (*National Technical Information Service — NTIS*).

Конечно, во время холодной войны были реализованы и новые инициативы, направленные на укрепление американской науки. В 1950 г. был создан Фонд национальной науки (*National Science Foundation — NSF*), целью которого было “поддерживать обмен естественнонаучной информацией между учеными Соединенных Штатов и других стран” (10). В соответствии с этим, одним из первых отделов Фонда национальной науки, который был образован в 1951 г., стал Офис научной информации (*Office of Science*), задачей которого было усовершенствование распространения научной информации. Это бюро уже в течение первого года своего существования способствовало тому, чтобы была переведена первая русская книга о сим-

позиуме советских ученых, работающих в области естественных наук. Из-за того, что произошел “шок спутника”, американское правительство приняло дальнейшие меры. Одним из важнейших законов, касающихся научных библиотек, был Публичный закон 480 (*Public Law*) 1962 г. Этот закон дал американскому правительству возможность использовать в ряде стран валюту из американских зарубежных средств на приобретение публикаций этих стран. Библиотека конгресса распределяла эти новые приобретения между американскими библиотеками.

В Англии также прослеживается прямая связь между угрозой, возникшей вследствие холодной войны, и основанием в 1962 г. Национальной научной и технической библиотеки *National Lending Library for Science and Technology* (ныне Центр документации *Document Supply Centre of the British Library*). Отстаивая необходимость создания этого центра при библиотеке, в Отделе научных и промышленных исследований делали акцент на то, что в британских библиотеках постоянно ощущается недостаток русских научных журналов. Наконец, местом нахождения новой библиотеки был выбран Йоркшир, поскольку он находился вне досягаемости в случае, если Лондон подвергнется атомной бомбардировке (11).

Для Советского Союза холодная война была лишь интенсификацией его прежнего соперничества с капиталистическими странами. В 1945 г. состояние библиотек в России было особенно плачевным. В Белоруссии, например, 95% книжных фондов были либо вывезены немцами, либо уничтожены (12). Такое убогое состояние библиотек стало причиной осуществления актов возмездия, направленных на то, чтобы вывести российские библиотеки

на международный уровень состояния фондов. Год назад стало точно известно, что в период между 1945 и 1948 годами русские комиссии по трофейным фондам при помощи известного русского библиотекаря Маргариты Рудомино вывезли в Россию примерно 5 млн. томов, из них один миллион книг только для Библиотеки им. Ленина (13).

Но военная добыча не была средством для того, чтобы постоянно решать проблему приобретения дорогих иностранных изданий. Первым важным шагом на пути организации эффективного централизованного обеспечения документацией было создание в начале пятидесятых годов Института научной и технической информации. ВИНТИ, который с его четырьмя тысячами сотрудников в 1971 г. был самой большой в мире службой фотокопирования и переводов, распространял в библиотеках России дорогостоящие копии одобренных цензурой иностранных журналов. Позднее была создана подобная же служба документации и для социальных (общественных) наук. Американская тайная служба (CIA) проявляла сильное беспокойство по поводу активности ВИНТИ, и в шестидесятые годы в Вашингтоне появились различные правительственные органы, которые должны были обсудить возможность создания американского учреждения, подобного ВИНТИ. Но решение же, наконец, пришло из частного сектора, когда Е. Гартфильд создал в 1962 г. свое издательство, Институт научной информации. Это издательство, известное ныне как Издательство Указателя научных цитат (Science Citation Index), Гартфильд называл "Американским ВИНТИ".

Влияние холодной войны на научные библиотеки Германии — в силу того, что

страна была разделена на две части, — явление особенно сложное, которое требует длительного изучения. Политика великих держав, Соединенных Штатов и Советского Союза, конечно играла роль в развитии библиотек обеих сторон, например в том, что на Востоке была сильная централизация, а на Западе — децентрализация. Ситуация, сложившаяся в Германии в первые годы холодной войны, дает в этом отношении интересную возможность изучить влияние коммунистической и демократической культурной политики на два немецких государства. Изучение влияния этой культурной политики на библиотечное дело, к сожалению, продвинулось еще не настолько, чтобы было возможно дать окончательную оценку.

Я подхожу к концу: мы увидели, что означали для научных библиотек в странах с различной культурой международное соперничество в целом и вторая мировая война и холодная война в особенности. Здесь в мою задачу не входило изучение негативных и позитивных сторон этого влияния, я стремилась лишь сделать очевидным, что такое влияние существовало. В результате такого влияния, которое распространялось вне наших библиотек, они в течение последних пятидесяти лет преобразались — из памятников культуры они отчасти превратились в ответственные приоритету страны стратегические оборонные учреждения. Конечно, сейчас, в период вакуума, создавшегося после так называемого "окончания холодной войны", мы, пожалуй, должны обратить особое внимание на наше новое политическое окружение и его новые требования, поскольку именно от этого зависит будущее наших библиотек.

Примечания

1. Данный доклад был прочитан на немецком языке в Университете им. Гумбольдта в Берлине 14 июля 1993 г. Текст доклада был опубликован в 1994 г.: Richards P. S. Die internationale Rivalität und die Entwicklung wissenschaftlicher Bibliotheken im 20. Jahrhundert // Bibliothek. Forschung und Praxis. 1994. Bd. 18. № 1. S. 89–91. Перевод доклада выполнен по этому изданию с любезного разрешения редакции (прим. редактора).

2. Richards P. S. Scientific information in Wartime: The Allied-German Rivalry 1939–1945. Westport, 1994.

3. Это отделение было отделом научных и промышленных исследований. См.: Richards P. S. Great Britain and Allied scientific information 1939–1945 // Minerva. 1988. V. 26. P. 178.

4. Richards P. S. German libraries and scientific and technical information in Nazi Germany // Library quarterly, 1985, V. 55, P. 162.

5. Richards P. S. Education and training for information science in the Soviet Union // Annual review of information science and Technology. 1992. V. 27. P. 270–271.

6. См. прим. 3. С. 167.

7. См. прим. 3. С. 159.

8. Kahn D. Hitler's spies: German military intelligence in World war II. New York, 1978. P. 3–26.

9. Richards P. S. Gathering enemy scientific information in wartime: The OSS and the Periodical republication program // Journal of Library History. 1981. V. 16. P. 253–264.

10. United States National science foundation act. Washington, 1950. P. 1.

11. См. прим. 2. P. 197.

12. Lehmann K.-D. Die Heimkehr der Bücher: Kriegsbeutekonsens in Moskau // Dialog mit Bibliotheken. 1993. Bd. 5. № 1. S. 3.

13. Rückkehr aus Gefangenschaft / круглый стол" Московского библиотечного общества, посвященный судьбе похищенных книг. Обработка В. Крахотиной. Перевод Х. Клингнер // Bibliotheksdienst. 1991. Bd. 25. S. 849.

Перевод Н.Л. Володиной

ИНФОРМАЦИЯ О ФОНДЕ ПАМЯТИ ПАМЕЛЫ СПЕНС РИЧАРДС

Фонд памяти Памелы Ричардс — это организация, основанная на добровольных взносах. Большой вклад в этот Фонд внесла семья Памелы Ричардс. Целью Фонда является предоставление финансовой помощи аспирантам в области библиотечных и информационных наук. Определенные преимущества будут предоставляться студентам из стран бывшего Советского Союза.

Администратором Фонда является Бэтти Турок, профессор в области коммуникационных, информационных и библиотечных технологий Раджерского университета. Связаться с Бэтти Турок можно по электронной почте:

bturock@scil.rutgers.edu;
по телефону: (732)932-8824
или по факсу: (732) 932-2644.

КНИГОВЕДЕНИЕ НА ВЫСШИХ БИБЛИОТЕЧНЫХ КУРСАХ

Елена Валерьевна Тихонова — зав. Центром правовой информации РНБ

Высшие библиотечные курсы при ГПБ были основаны в 1919 году и явились первой высшей библиотечной школой постоянного характера. С первого дня основания преподавание книговедческих дисциплин вошло в учебный план Курсов. С первого года образования этого учебного заведения был выработан устойчивый учебный план. В начале века уже прочно укрепился взгляд на библиотечную профессию как самостоятельную, требующую не только практических и технологических знаний, но и серьезной теоретической подготовки. Теоретическую основу подготовки профессионалов-библиотекарей составлял цикл книговедческих дисциплин, посылку в то время библиотекведение рассматривалось, скорее, как совокупность необходимых практических навыков. В разделе книговедения были установлены четыре дисциплины — библиография, история книги с палеографией, техники книги, издательство и книжный рынок, включающий историю книгоиздательства и книготорговли в России и историю русской периодической печати. В учебном плане Курсов на изучение книговедения приходилось около 30% учебного времени. Преподавание всего цикла книговедения связано с известнейшими именами деятелей науки, литературы, искусства, техники.

Одним из первых преподавателей истории книги на ВКБ был профессор Александр Иустиневич Маленин, член-

корреспондент Академии Наук, доктор римской словесности. Видный специалист по классической филологии, Маленин являлся также одним из крупнейших книговедов и библиографов. Александр Иустиневич разработал и читал курс, охватывающий весь период истории русской и иностранной книги от ее возникновения до 20-х годов нашего века. Его курс характеризуется строгой научностью, логичным изложением, богатым фактическим историко-книжным материалом. В 1926 году курс разделился на два самостоятельных, состоящих из истории русской книги и истории рукописной и западноевропейской книги в связи с историей библиотек античного мира и средневековья. Впоследствии этот курс дал толчок развитию библиотекведческой дисциплины — «История библиотек».

Блестящий знаток инкунабул, Александр Иустиневич с 1926 года организует семинарий по инкунабулам. В 1929 году на ВКБ историю русской книги с 1855 г. до начала 20 века пригласили читать Павла Наумовича Беркова — члена-корреспондента Академии Наук, профессора Университета, библиографа, литературоведа, одного из создателей русской школы книговедения.

С открытия ВБК уделялось большое внимание курсу по палеографии. Этот курс читался с 1920 по 1930 годы видными учеными филологами В. Г. Гейманом, Щегловой, В. В. Майковым. Курс палеографии состоял из двух частей —

теоретической и практической. Теоретическая состояла из краткой истории предмета, цели его изучения. На практических занятиях слушатели знакомились с рукописями непосредственно, разбирали тексты, определяли время их написания, стиль письма и украшения. В связи с этим остро встал вопрос об усилении подготовки по латинскому языку. Задачей этого курса являлось обучение слушателей навыкам инвентарного описания рукописей и умение приблизительного определения времени создания.

Одной из основных дисциплин являлся курс члена-корреспондента Академии Наук, филолога и книговеда Павла Константиновича Симоны «История книгораспространения, книгоиздательства и книжной торговли». В основу чтения курса лег самый большой его труд «Книга, книжное дело и просвещение на Руси с древнейших времен и доньше», проспект предполагаемого 3-томного издания был напечатан еще в 1905 году, но так и не увидел света. Только ряд глав из этой работы были изданы. В 1930 году П. К. Симоны в письме от 26/ХІІ к В. Э. Банку просит поддержать его ходатайство о продолжении пособия. Он писал: «Я читал на ВКБ курс и вел практические занятия и семинарии с 1919 года по январь 1930. ...Я был пионером в этой области». Тщательно собранный и скрупулезно систематизированный фактический материал курса подробно знакомил слушателей не только с историей становления и развития книгоиздательства в России и частично за рубежом, но и с историей книгораспространения и книжной торговли. Курс П. К. Симоны предполагал не только знакомство с историей вопроса, но и теоретическое осмысление предмета, понятие видов и родов книжной торговли и книгоиздательства, изучение работ теоретиков издательского дела.

С первых лет существования ВБК слушателей знакомили с основами печатного дела и организацией работы типографий. Курс «История и современное состояние техники печатного дела» с 1919 года читал Иван Дмитриевич Галактионов — известный еще в начале века не только как крупный специалист типографского дела и полиграфии, но и как Председатель правления общества служащих в печатных заведениях, один из первых российских представителей на Лейпцигской книжной ярмарке 1914 года и член оргкомитета Международной книжной ярмарки во Флоренции 1922 года, руководитель одного из крупнейших издательств.

Близко по содержанию примыкает и курс, читаемый Георгием Александровичем Дюпеером, известным нам зав. отделением Россики, библиографом, спортивным журналистом. На это раз сфера его интересов лежит в области организации типографского хозяйства. Впоследствии чтение этого предмета продолжил талантливый инженер, действительный член научно-исследовательского института книговедения Алексей Карлович Шульц, автор многих работ и монографий по технике книгопечатания. Эти курсы знакомили с процессами оформления книги, различными типами печати, с технологией наборного дела. Для этих курсов характерна насыщенность сугубо технической спецификой, трудность восприятия для неподготовленных слушателей, ориентированных более на гуманитарные предметы. Преподавание этих дисциплин предполагало не только лекционный курс, но и, по замыслу преподавателей, практические занятия и экскурсии в типографии, что в тех условиях было чрезвычайно трудно осуществимо.

Составной частью цикла книговедческих дисциплин является история журналистики. Первый год эту дисциплину

читал Семен Афанасьевич Венгеров, затем Александр Александрович Шилов — историк, архивист, библиограф, сотрудник группы Венгерова, за ним — Леонид Константинович Ильинский — профессор Университета. В 1930 году чтение курса завершал Александр Григорьевич Фомин. Леонид Константинович Ильинский периодической печатью занимался всю жизнь. Он считал, что периодической печати, как составной части библиотечных фондов, не уделяется должного внимания. Поэтому разработанный Ильинским курс по истории русской журналистики предполагал изучение предмета не только в историко-хронологическом изложении, но и в социологическом и краеведческом аспектах. Его курс включал лекции о задачах библиографирования периодики, о методах расписывания журнальных статей, об использовании зарубежного опыта. Полученные знания слушатели курсов применяли на практических занятиях по библиографированию периодики начала XIX века. Так же как и другой преподаватель ВКБ Фомин, Ильинский был одним из активных сторонников продолжения указателя Неустроева. Слушатели курсов под руководством Ильинского составляли указатели содержания отдельных изданий, таких как “Библиографический листок” (1825–1826), “Литературный листок” (1823–1824) и др.

В 1929 году этот курс читал профессор Александр Григорьевич Фомин, хотя в первую очередь он известен как крупнейший русский библиограф и основным предметом его преподавания на ВКБ был курс русской библиографии. В качестве пособия к своему курсу им была подготовлена известная работа “Библиография. Программа”, одна из немногих, которую удалось выпустить администрации Курсов. При рассмотрении учебного плана

1927–1928 годов на расширенном заседании Правления ВКБ возник оживленный обмен мнениями по поднятому Банком вопросу, стоит ли сохранить термин “книговедение”, включая в него библиографию. В результате обсуждения принятая ранее терминология сохранилась. Как уже упоминалось, под руководством А. Г. Фомина слушателями были расписаны содержания многих журналов начала XIX века (“Аглая”, “Аврора”).

Одной из первых книговедческих дисциплин, преподававшихся в ВКБ, была “История книжных украшений”, который читал Евгений Григорьевич Лисенков — искусствовед, специалист по истории нового западноевропейского искусства, действительный член Государственного института истории искусств. В курсе подробно рассматривалась история западной иллюстрации, характеристики художественных стилей и школ, развитие иллюстрационной техники.

Сейчас, спустя 80 лет, конечно, можно обратить внимание на первоначальную разобщенность читаемых книговедческих курсов, излишнюю многопредметность, отсутствие последовательности в продолжении одного курса другим. Например, произошло дублирование части курса истории книги Александра Иустиновича Малеева и Павла Наумовича Беркова. В ходе работы ВКБ встал вопрос о разграничении курса истории книги и истории периодической печати. Если историю книги XVIII века можно связать с журналистикой, то в XIX веке неизбежно расхождение этих предметов. Таким образом, на ВКБ был представлен широчайший спектр читаемых книговедческих дисциплин.

Совместными усилиями разрабатывая теорию науки о книге, исследуя новые материалы и факты, проверяя теоретические положения на практике в книж-

ном и библиотечном деле, заложили основу для создания единого предмета с новым содержанием, с определением границ и методов изучения. Этому способствовало многообразие исследовательских интересов преподавателей, концентрация научного потенциала, использование лекторами своих глубочайших знаний.

В 1926 году были закрыты курсы книговедения при научно-исследовательском институте книговедения, что, конечно, оказало влияние на деятельность ВКБ. В этом году создаются предметные комиссии, в том числе и по книговедению, активно обсуждаются программы преподаваемых курсов, привлекаются новые сотрудники. Курсам поручают разработку типовых программ для библиотечных вузов, что является несомненным признанием их авторитета и научной значимости. В 1930 году происходит резкое сокращение преподавания всего цикла книговедческих наук. Но это уже другая страница истории.

Литература

- Арх. РНБ. Ф. 3.
 Аблов Н. Павел Константинович Симони: Некролог // Сов. библиогр. 1940. 1 (18). С. 219–221.

Банк В. Э. Подготовка научных библиотекарей // Тр. Первой конференции научных библиотек РСФСР. М., 1926.

Берков П. Н. Избранное: Труды по книговедению и библиографоведению. М., 1978. 264 с.

Боднарский Б. С. Александр Григорьевич Фомин (1887–1939): Некролог // Сов. библиогр. 1940. 1 (18). С. 215–219.

Булгакова Л. В. Научно-исследовательский институт книговедения за два года (1926–1928). Л., 1929. 74 с.

Везирова Л. А. Леонид Константинович Ильинский // Сов. библиогр. 1977. № 6. С. 47–55.

Зазерский Е. Я. Книговедение в Ленинградском государственном институте культуры им. Н. К. Крупской / Книга. Исследования и материалы: Сб. XXXVII. М.: Книга, 1978. С. 167–172.

Симоновский В. А. Становление и развитие советского книговедения 1920–1930 гг.: (В связи с подгот. книговед. кадров): АКД. Л., 1983. 15 с.

Топкова Р., Новосадский И. Александр Иустинович Малеев (1869–1938): Некролог // Сов. библиогр. 1940. 1 (18). С. 221–222.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ШКОЛА КНИГОВЕДЕНИЯ

Инга Александровна Шомракова — зав. кафедрой общей библиографии и книговедения СПб. ГУКИ, профессор, д-р. филолог. наук.

О проблемах книговедческой науки историками книги и теоретиками книговедения написано много. Достаточно назвать труды И. Е. Баренбаума, А. И. Барсука, А. А. Беловицкой, К. Мигоня из Польши и других. Определены и объект, и предмет, и состав науки, рассмотрены различные дискуссионные проблемы периодизации, терминологии, связи с другими дисциплинами и место книговедения в системе наук. Не будем повторяться.

Предлагаем взглянуть на книговедение с точки зрения формирования научных школ. Под научной школой, как известно, понимается научное направление, связанное единством основных взглядов, методологии, общностью или преемственностью принципов и методов, продолжением и развитием традиций и уважением к работам предшественников. Ни в коей мере не желая встать на позиции традиционного противопоставления Москвы и Петербурга (Ленинграда), все-таки можно с большой долей уверенности утверждать, что московские и петербургские (ленинградские) исследователи шли своими путями, и что в конечном счете сложились близкие, но разные научные школы, каждая из которых поставила для себя и решила различные задачи.

Книговедение — комплексная наука о книге, книжном деле и читателе — формироваться начала именно в Петербурге. Общепринято считать первым книговедом петербургского библиографа А. И. Богданова, предпринявшего

первые попытки составления репертуара русской книги и первые штудии по истории книгопечатания. В. С. Сопилов и И. Г. Анастасевич, первыми сформулировавшие и определение, и состав науки, также были петербуржцами.

Известно, что книговедение в своем развитии прошло как бы два этапа: интеграционный, когда в его состав включались и библиографоведение, и библиотековедение (употребим современную терминологию), и дифференционный, когда под книговедением понималась только наука о производстве и распространении книги. В определении сути и смысла современного книговедения основополагающую роль сыграли петербуржцы Н. М. Лисовский и А. М. Ловягин.

Основными центрами изучения книговедения в конце XIX — первой четверти XX века стали петербургские (ленинградские) научные учреждения: Институт книги, документа и письма (1918–1936) и Петроградский (1920–1933; с 1924 года Ленинградский) институт книговедения. Именно в них работали крупнейшие ученые-книговеды, в трудах которых и сформировались основные направления книговедения, основные проблемы и основы петербургской школы.

Петербургская научная школа в книговедении формировалась в дискуссиях и далеко не однозначном подходе к основополагающим проблемам. По отношению к составу науки, ее предмету, объекту, терминологии, целям и задачам у ее основоположников — Н. М. Лисов-

ского, А. М. Ловягина, М. Н. Куфаева и других — абсолютно единого мнения не было, тем не менее общие черты вырабатывались именно ими.

Функциональный подход (в определенные периоды и вульгарно-социологический) объединял разных ученых. В их трудах основное внимание уделялось исследованию книги и книжного дела в зависимости, говоря современным языком, от социо-культурных условий возникновения, функционирования и влияния книги и книжного дела на все стороны развития социума. Это направление в дальнейшем и стало основным в книговедении в Ленинграде-Петербурге.

Функциональное направление начало интенсивно развиваться с середины XX века, и здесь важную роль сыграли П. Н. Берков, И. Е. Баренбаум, Т. Е. Давыдова и их ученики.

Другой составляющей петербургской книговедческой школы, как и петербургской научной школы в целом, является строгое следование принципа историзма, предполагающее обязательное накопление разностороннего и репрезентативного фактического материала и его скрупулезную проверку по возможно большему кругу столь же репрезентативных источников.

Для основателей петербургской школы было свойственно разнообразие научного поиска, исследования различных направлений книговедения: история книги (отечественная и зарубежная), книжные связи, читатель. Исследовались и теоретические проблемы и, в первую очередь, состав науки, ее предмет, объект, основные специальные методы и т. п. Широта и разносторонность интересов были восприняты и развиты последователями. Основные принципы основоположников прослеживаются в трудах ведущих книговедов Петербурга: И. Е. Ба-

ренбаума, А. В. Блюма, В. Е. Кельнера, С. П. Луппова, Н. Н. Розова, И. И. Фроловой, И. А. Шомраковой и их учеников — Е. А. Голлербах, И. Зверевой, М. А. Лотт (Эстония), И. Г. Матвеевой, М. Свичинской, А. В. Шевцова и др.

Центром изучения книговедения с начала 50-х годов стала кафедра общей библиографии и книговедения С.-Петербургского государственного университета культуры и искусств (ранее Ленинградский институт культуры им. Н. К. Крупской). На этой кафедре сформировался коллектив ведущих книговедов России и, по существу, научная школа книговедения. Именно здесь продолжились практически все заложенные петербургскими (ленинградскими) учеными первой половины XX века направления, отсюда через многочисленных учеников, прошедших через аспирантуру, новые темы книжной науки распространились и получили развитие в научных и учебных заведениях России и за ее пределами, как в государствах бывшего СССР, так и в странах Европы, Азии, Африки и Америки.

Из новых направлений отметим историю читателя (И. Е. Баренбаум, А. В. Блюм, И. А. Шомракова); историю национально-го (М. Лотт, М. Мирзаахметова, Т. Курбаналиева, Д. А. Эльяшевич и многие другие) и зарубежного книжного дела (И. Е. Баренбаум, И. Зверева, И. А. Шомракова); историю издательской и книгораспространительской деятельности различных политических партий в России в начале XX века (А. В. Шевцов).

Вторым крупным центром книговедения в Петербурге является сектор книговедения Российской национальной библиотеки, в котором ведутся исследования по истории книги в России. Достаточно назвать трехтомник “Книга о России в пореформенный период” и мо-

нографию В. Е. Кельнера, посвященную истории деятельности крупнейшего русского издателя М. М. Стасюлевича.

Третий центр — библиотека Российской Академии наук. Интересы книговедов БАН связаны с историей книги в России до середины XIX века и проблемами книжных связей.

Функциональный подход и особенное внимание к исторической проблематике и книжным связям — характерная особенность петербургской школы книговедения — до известной степени обусловили и ее воздействие на развитие книжной науки в России и за ее пределами. Дело даже не только в том, что в странах СНГ, Балтии работают преимущественно ученые, получившие образование в С.-Петербургском университете культуры и искусств. К последователям петербургской школы относятся и крупные европейские книговеды, как учившиеся здесь, так и окончившие учебные заведения в других странах, например, один из известных польских книговедов К. Мигонь.

Если для петербургской школы характерны вышеперечисленные особенности, то для московских книговедов, объединившихся в Московском государственном университете печати (в прошлом Московский государственный полиграфический институт), и их не менее многочисленных учеников основные исследования связаны

с системно-типологическим направлением, нашедшим наиболее яркое воплощение в трудах А. А. Беловицкой, А. А. Гречихина и их последователей.

Это направление также возникло в недрах функциональной концепции, но его разработка велась не в рамках изучения истории книги во всех ее аспектах, а исходя из проблем и практических потребностей теории редактирования и обоснования типологических особенностей книжных изданий различных видов литературы, а также из стремления соединить книговедение с “осознанием системности как одного из свойств объективной действительности” (Беловицкая А. А. *Общее книговедение*. М., 1987. С. 114).

Московской школе присущи в большей степени теоретические исследования и в меньшей — широта научного поиска и историко-книжные аспекты, что составляет специфику петербургской школы.

Тем не менее, в последние годы московские книговеды стали больше заниматься исследованиями широкого спектра книговедческих проблем, а петербургские все большее внимание сосредотачивают на теоретических разработках. Все более обнаруживающаяся близость интересов и позиций московской и петербургской научных школ свидетельствует о целостности науки и необходимости дальнейшей интеграции.

ВЕСОМЫЙ ВКЛАД В ОТЕЧЕСТВЕННОЕ БИБЛИОТЕКОВЕДЕНИЕ ПРАКТИК. ТЕОРЕТИК. ЛИЧНОСТЬ (К 75-летию профессора А. Н. Ванеева)

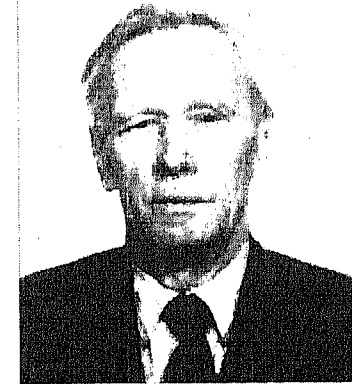
Дмитрий Игоревич Ступин — научный сотрудник НМО РНБ, канд. пед. наук

30 января 2000 года вся библиотечная общественность отметила один из самых знаменательных юбилеев... Исполнилось 75 лет со дня рождения заслуженного деятеля культуры России, профессора, доктора педагогических наук Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусства, действительного члена Международной академии информатизации, академика Анатолия Николаевича Ванеева.

Академическая среда и университетская аура навсегда отметила этого прекрасного человека особым неповторимым своеобразием: редким демократизмом в истинном значении этого слова, широкой эрудицией, глубиной научных познаний, тщательностью проработки любой проблемы, подлинной петербургской интеллигентностью.

В биографии А. Н. Ванеева, как в зеркале, отразились основные события сложной и трудной эпохи, свидетелем и активным участником которой он был.

А. Н. Ванеев родился 30 января 1925 года в городе Вятке. После окончания школы поступил на исторический факультет Кировского педагогического

института (1941 г.) В 18-летнем возрасте он уходит на фронт. Участник освобождения Белоруссии, Литвы, Кенигсберга, А. Н. Ванеев награжден орденом Отечественной войны I степени, медалями “За отвагу”, “За взятие Кенигсберга”, “За победу в Великой Отечественной войне” и др. Пройдя все тяжкие доро-

ги войны, когда каждый новый день мог оказаться последним в жизни, в 1945 г. по ранению он был уволен в запас в звании младшего лейтенанта.

Наконец долгожданная мирная жизнь...

Позади тысячи километров боевых дорог с их страданиями, кровью, лишениями, потерями.

Впереди мирное время.

В течение почти двух десятилетий, начиная с 1946 г. его профессиональная деятельность прочными узами связана с Кировской областной библиотекой им. А. И. Герцена — одной из старейших в стране. Он работал библиотекарем, библиографом, зав. научно-методическим отделом и с 1957 г. — заместителем директора по научной работе.

Одновременно А. Н. Ванеев учился заочно на библиографическом факуль-

тете Московского государственного института культуры, который окончил в 1951 году.

В 1954 г. в журнале “Библиотекарь” и сборнике “Библиотеки СССР. Опыт работы” часто публикуются статьи Ванеева по вопросам совершенствования методической деятельности областных и районных библиотек. Особое внимание библиотекарей привлекла его проблемная статья “Устранить формализм в проведении читательских конференций” (1955 г.).

В 1956 г. в г. Кирове открывается учебно-консультационный пункт Ленинградского государственного библиотечного института, куда А. Н. Ванеев был приглашен внештатным преподавателем библиотечных дисциплин.

С 1962 года его деятельность полностью связана с Ленинградским государственным институтом культуры, где он прошел путь от ассистента до заведующего кафедрой библиотечного дела, которой заведовал 19 лет. В 1966 г. он защитил кандидатскую диссертацию “Изучение и распространение передового библиотечного опыта в РСФСР”.

Крупный специалист в области методического руководства библиотечным делом, А. Н. Ванеев создал учебные пособия “Основные направления методического руководства библиотечным делом в СССР” и “Система методического руководства библиотечным делом”, которые активно используются не только в учебном процессе, но и в практике библиотек, методических центров.

Свыше 100 работ принадлежит А. Н. Ванееву, значительная часть их раскрывает общетеоретические, методологические и исторические проблемы библиотечного дела. Известны его дискуссионные публикации об объекте и предмете, структуре библиотечного дела,

об основных закономерностях и итогах развития библиотечной науки.

Высокую оценку в советской и зарубежной профессиональной печати получило его учебное пособие “Развитие библиотечной мысли в СССР (1917–1959 гг.)”, удостоенное премии на Всероссийском конкурсе научных работ по библиотечному и библиографоведению.

Итогом исследования явилась одноименная монография.

В 1980 году А. Н. Ванеев защитил по этой теме докторскую диссертацию “Развитие библиотечной мысли в СССР”.

Значителен вклад Анатолия Николаевича и в разработку теории руководства чтением.

Он один из авторов 3-го издания учебника “Работа с читателями” в качестве научного редактора готовил учебник “Теория и методика руководства чтением”.

Исследовательские интересы А. Н. Ванеева охватывают широкий круг теоретических и методических проблем библиотечного дела: управление библиотечным делом, научно-методическое обеспечение деятельности библиотек, планирование библиотечной работы, проблемы библиотечной технологии, руководство чтением и библиотечного обслуживания, методика библиотечных исследований и др.

В поле зрения ученого находятся проблемы НОТ и управления централизованными библиотечными системами. Им написано учебное пособие: “Планирование рабочего времени массовой библиотеки” (1969 г.), положено начало научному обоснованию планирования библиотечной работы.

Деятельное участие принимал Ванеев в составлении и редактировании прак-

тического пособия “Научная организация труда в библиотеках”, выход которого вызвал одобрительные отклики в специальной печати, в работе всех трех всесоюзных конференций по НОТ в библиотечном деле.

Большие теоретические знания и практический опыт работы в библиотеках позволяют Ванееву успешно сочетать научную и педагогическую деятельность.

Научный и педагогический вклад в библиотечное дело А. Н. Ванеева представлен в 195 опубликованных работах. Его публикации в отечественных и зарубежных изданиях (Германия, Болгария, Чехословакия, Китай) известны научной общественности и широко используются в библиотечной практике, учебной и научной работе. Много лет А. Н. Ванеев собирает коллекцию почтовых открыток с изображениями библиотек мира, которая насчитывает 1,5 тысячи экземпляров.

На посту зав. кафедрой А. Н. Ванеев показал себя энергичным и инициативным руководителем, умеющим оперативно и со знанием дела решать сложные и различные по своему характеру вопросы. На кафедре он создал особую духовную ауру: не только внимательно и доброжелательно выслушивать другого, но и показать готовность помочь тому, кто в ней нуждался, облегчить быт и жизнь, решительно выступать за справедливость! Эти качества прекрасно проявляются и теперь.

Анатолий Николаевич Ванеев достойно пополняет когорту наиболее квалифицированных руководящих сотрудников Санкт-Петербургского государственного университета культуры за все время ее существования. Нельзя не выразить глубокую признательность и благодарность талантливому ученому, муд-

рому учителю и просто прекрасному человеку, вписавшему немало замечательных страниц в развитие университета культуры. Без подобных людей у университета нет будущего.

Сегодня, по прошествии времени, можно сказать, что самое главное достоинство Анатолия Николаевича состоит в том, что он своим внешним и внутренним обликом, поведением, отношением к работе, к друзьям, к коллегам сумел создать некий Кодекс чести руководителя. определенные моральные нормы.

Наряду с талантом организатора, высоким профессионализмом, широтой кругозора, эрудированностью, принципиальностью, честностью, железной волей, порядочностью, руководитель должен уметь работать с людьми, не иметь двойной морали, быть тактичным, воспитанным, никогда никаких дел не откладывать “в долгий ящик” и уж, конечно, не забывать о своих обещаниях. Иными словами — быть человеком истинной культуры. Таким человеком является Анатолий Николаевич.

Являясь ведущим специалистом в области библиотечного дела, А. Н. Ванеев много внимания уделяет подготовке научных кадров.

Под его руководством успешно защищены 22 кандидатских диссертаций. Он признанный глава сформировавшейся научной школы А. Н. Ванеева.

Будучи исключительно скромным, лишенным честолюбия и тщеславия человеком, Анатолий Николаевич старается никогда не подчеркивать своей главенствующей роли и решительно протестует, когда его называют главой школы и научным лидером.

А. Н. Ванеев является членом специализированных советов по защите докторских диссертаций при С.-Петербург-

ской академии культуры и Московском институте культуры, членом Ученого совета Российской национальной библиотеки. С 1977 по 1991 г. он был членом редколлегии научного журнала "Советское библиотековедение".

Сейчас Анатолий Николаевич находится в зените своей творческой самореализации. И тем не менее, юбиляр как никогда далек от чувства самоуспокоенности и самолюбования. Чрезвычайно критически оценивая свои прошлые работы, он полон новых творческих замыслов.

Кажется, что многотрудные, не всегда безопасно прожитые годы только прибавляют сил и энергии ветерану войны и научно-педагогического труда.

Планы, планы, планы... На многие годы вперед. Как хочется, как нужно, чтобы эти планы воплотились в жизнь: в учебники, учебные пособия, монографии, лекции, учебные планы и другие большие и малые дела!

Нынешний юбилей А. Н. Ванеева — особенный. Исполняется не только 75 лет со дня его рождения, но и 55 лет со дня великой Победы над фашизмом, Победы, ради которой он воевал с первого до последнего дня Великой Отечественной войны.

Пожелаем Анатолию Николаевичу будущих творческих успехов, здоровья, неугасимой бодрости духа, многих радостей жизни.

Так держать, Анатолий Николаевич!

БИБЛИОТЕЧНЫЙ УЧИТЕЛЬ

(к 70-летию со дня рождения профессора
В.С. Крейденко)

Валентина Александровна Бородина — канд. пед. наук, доцент кафедры социологии и психологии чтения СПб.ГУКИ

Владимир Семенович Крейденко — видный российский библиотековед, доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент МАН ВШ, зав. кафедрой социологии и психологии чтения Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств.

В.С. Крейденко родился 3 сентября 1930 г. в г. Батуми в семье потомственного полиграфиста. Окончив Батумскую среднюю школу рабочей молодежи в 1950 г., стал студентом Ленинградского государственного библиотечного института. В 1954 г. по распределению выехал на работу в Северную Осетию. В этой республике заведовал Беслановской районной библиотекой, а затем был переведен на должность зав. научно-методическим и библиографическим отделом Северо-Осетинской республиканской библиотеки им. С.М. Кирова.

В 1963 г. окончил аспирантуру по кафедре библиотековедения ЛГИК им. Н.К. Крупской и выехал на работу в Восточно-Сибирский государственный институт культуры, где занимал должность декана заочного факультета (единый для подготовки библиотекарей и культурно-просветительных работников), а затем возглавил кафедру библиотековедения.

С 1968 г. трудится в Санкт-Петербургском государственном университете культуры и искусств, где преподает дисциплины: "Методика НИР", "Библиотечное обслуживание", "Библиотечное обслуживание в полиэтнических регионах", "Библиотечное краеведение" и др. В настоящее время руководит

кафедрой социологии и психологии чтения.

В поле научной, научно-методической и практической деятельности В.С. Крейденко находятся три проблемы библиотечной отрасли:

— библиотечно-библиографическое и информационное обслуживание, в том числе и в условиях полиэтнических регионов (с 1951 г.);

— методология и методика изучения библиотечной отрасли (с 1957 г.);

— преподавание дисциплин цикла "Библиотечно-библиографическое и информационное обслуживание" (с 1964 г.).

В.С. Крейденко — автор более 150 опубликованных научных, научно-методических и практических работ по проблемам библиотечной отрасли.

Ряд работ опубликован на китайском (основы НИР), болгарском и других языках.

В 1963 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему: "Комплектование библиотек в многонациональных республиках и областях на языках народов СССР"

В 1988 г. им защищена докторская диссертация "Исследовательские методы в библиотековедении: современное состояние и пути повышения эффективности".

В.С. Крейденко за время работы в университете проявил себя как опытный педагог, талантливый ученый, активный член преподавательского коллектива, чрезвычайно чуткий, отзывчивый человек. Постоянно участвует в общественной жизни университета.

Под руководством В.С. Крейденко 23 аспиранта защитили кандидатские диссертации.

Американским биографическим институтом (American Biographical Institute, Inc.) Владимир Семенович включен в списки "Человек 1997 г." и "Человек 1998 г."

В.С. Крейденко обладает широким кругом не только научных интересов. Представление о его личности было бы слишком схематичным, если не упомя-

нуть хотя бы некоторые его домашние увлечения. С 1952 г. он собирает коллекцию издательских знаков, насчитывающую около двух тысяч, в числе которых имеются очень редкие знаки. Около пяти тысяч карикатур включает его коллекция "Библиотека, книга, чтение в карикатуре". Любимые писатели В.С. Крейденко — М.Е. Салтыков-Щедрин, А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, В.В. Маяковский. Ученым собрана коллекция всех прижизненных изданий В.В. Маяковского. В домашней библиотеке Владимира Семеновича наряду с другими изданиями очень много справочной литературы.

В настоящее время В.С. Крейденко ведет на библиотечно-информационном факультете дисциплины, в которых рассматриваются проблемы библиотечного обслуживания в контексте реалий современной культуры — "Библиотечно-библиографическое и информационное обслуживание пользователем библиотек", "Библиотечное краеведение", "Основы НИР" и др., а аспирантам с 1975 г. преподает курс "Диссертационные исследования: методология и методика".

БИБЛИОТЕКОВЕД, ПРИЗНАННЫЙ КЛАССИКОМ К 100 — ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Б.В. БАНКА

Елена Ивановна Борисова — научный сотрудник научно-методического отдела РНБ, канд. пед. наук

Мне посчастливилось работать под руководством Бориса Владимировича Банка. Когда я, обучаясь на последнем курсе Ленинградского государственного института культуры им. Н.К. Крупской, проходила практику по специализации "Преподаватель среднего специального учебного заведения" в Ленинградском библиотечном техникуме, по окончании которой писала дипломную работу.

Первое наше знакомство состоялось дома у Бориса Владимировича. Помню, что я и мои сокурсницы перед первой встречей страшно волновались. В деканате нас предупредили, что научный руководитель темы — человек очень требовательный, строгий и скрупулезный, поэтому нам предстоит работа, справиться с которой смогут не все.

Гостеприимная атмосфера, в которую мы попали, перешагнув порог дома Бориса Владимировича, рассеяла все сомнения. На меня он произвел сильнейшее впечатление своей эрудицией и интеллигентностью, особым — петербургским стилем общения. Безусловно, Борис Владимирович с первой встречи настроил нас на серьезную и кропотливую работу на дипломном проекте, но вместе с

тем сразу же стало ясно, что наш руководитель — заинтересованный участник совместной творческой деятельности, душой болеющий за результаты общей работы. Такое отношение к студентам просто обязывало работать ответственно и с полной отдачей. Под его руководством писать дипломную работу

было необыкновенно легко и интересно. Спустя годы я понимаю, что это заслуга исключительно Бориса Владимировича, который умело организовывал работу, продумывал все до мелочей, причем для каждого студента индивидуально.

Особенно уютным казался мне его дом, куда всегда очень хотелось приходить. В нем царствовала Ее Величество — Книга, которая признавалась высочайшей ценностью. Всегда поражалась, как такое огромное книжное богатство разместилось в небольшой гостиной комнате, где за старинным круглым столом проходило наше общение с Борисом Владимировичем Банком. Каждая встреча проходила в неформальной обстановке — разговор за чашкой чая со всевозможными угощениями, которые заботливо готовила его дочь — На-

талья Борисовна. Темы бесед с Борисом Владимировичем всегда выходили за рамки дипломной работы.

Особенно мне запомнились его размышления о роли русского языка, знатоком которого он был. Борис Владимирович любил задавать “провокационные вопросы”, проверяя, как студент умеет излагать свои мысли. Он был необыкновенно интересным собеседником. Бывая в их доме, я всегда забывала о времени и зачастую засиживалась до полуночи, едва успевая до закрытия метро.

После благополучной защиты диплома наши теплые взаимоотношения сохранились. Когда я уехала в Забайкалье и начала работать в библиотеке, мы начали переписку. Борис Владимирович сразу почувствовал, что я, как молодой специалист, нуждаюсь в опеке и постоянно в письмах делился со мной опытом по организации библиотечного дела, за что я ему в ответах выражала большую признательность. К сожалению, наше общение продолжалось недолго. Спустя полгода Борис Владимирович ушел из жизни.

Незадолго до этого печального события мне представилась возможность приехать в Петербург и повидаться с ним. Запомнились — большая радость встречи и ощущение тягостного расставания надолго. Борис Владимирович

строил планы совместной работы, рассказывал о студентах-дипломниках, с которыми начал работу в 1984 году. Однако их выпуск под его руководством не состоялся. Мне и моим сокурсницам суждено было стать его последними дипломниками.

После смерти Бориса Владимировича неожиданно для меня дружеские отношения сложились с Натальей Борисовной. Приходя к ней в гости, я по-прежнему засиживалась допоздна, вспоминая Бориса Владимировича, студенческие годы, все то, что нас связывало. В тот период я преподавала в Ленинградском библиотечном техникуме. Наталья Борисовна всегда проявляла большой интерес к моей работе и однажды отдала рукописи Бориса Владимировича, которые, по ее мнению, могли бы пригодиться мне в дальнейшей профессиональной деятельности.

Сегодня, когда библиотечная общественность отмечает 100-летний юбилей со дня рождения выдающегося русского библиотековеда Бориса Владимировича Банка, новое звучание приобретает его размышления о сути библиотечной профессии, о роли средней и высшей школы в становлении библиотечных специалистов из его рукописного наследия, небольшая часть которого представлена в “Беседе о библиотечной профессии”.

О БОРИСЕ ВЛАДИМИРОВИЧЕ БАНКЕ

Евгения Казтановна Высоцкая — старший научный сотрудник научно-методического отдела РНБ, канд. пед. наук

Я не училась у Бориса Владимировича Банка, и до 1964 г. фамилия эта была мне известна по учебнику “Работа с читателями” (изданному в 1961 г.), да по паре статей об изучении читательского спроса в массовых библиотеках, которые были прочитаны при подготовке курсовой работы.

А лично с Б. В. Банком я познакомилась на защите последней курсовой, перед сдачей государственных экзаменов, в самом конце 1964 г., когда Борис Владимирович был назначен рецензентом. Эту защиту я запомнила навсегда — и не столько потому, что Борис Владимирович рекомендовал мне с темой курсовой поступать в аспирантуру, сколько потому, что он хранил эту работу у себя многие годы и отдал мне ее незадолго до смерти...

Эта первая личная встреча, как показало время, не закончилась на защите курсовой, хотя я после выпуска уехала по направлению в Ташкент. В феврале 1965 г. в ЛГИКе проходила XII научная конференция, где Борис Владимирович выступал с докладом о читательских интересах молодежи. А так как тема моей курсовой перекликалась с проблематикой его доклада, Борис Владимирович с присущей ему пунктуальностью написал мне

письмо с рассказом о том, как прошла конференция, и с вопросами о том, как я устроилась с работой, и есть ли у меня возможность заниматься означенной темой.

К сожалению, письма Бориса Владимировича (как и многих других) не сохранились: Ташкентское землетрясение 1966 г., переезд в Ленинград, несколько переездов внутри Ленинграда — повлияли на сохранность писем и

других семейных архивов.

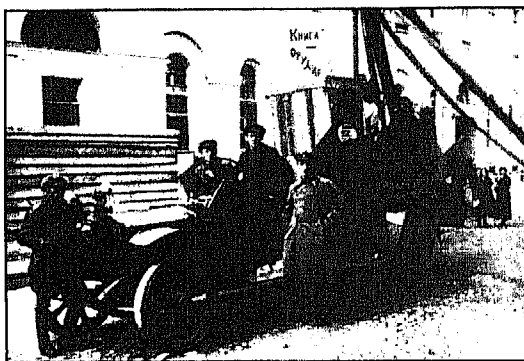
Совершенно естественно, что основной темой переписки в 1966 г. было землетрясение. Помню, как тревожно прозвучал вопрос Бориса Владимировича о том, куда же адресовать письма: ведь, по слухам, как писал Борис Владимирович, — от Ташкента ничего не осталось, а у меня на конвертах все тот же адрес? Помню также, как я тогда ответила, что от города осталось не так мало, как кажется издали, — и что наша сторона улицы не разрушена, и что наш дом (а 4-этажных домов в центре города в те годы было очень мало) по-прежнему стоит на том же месте...

Переписка наша продолжалась до 1967 г. — до тех пор, пока я не переехала в Ленинград и не познакомилась с семьей Бориса Владимировича лично. С тех

Б. В. Банк

пор я бывала в этом доме до последних дней жизни Наташи Банк. Сначала — одна. Потом — с однокурсницей Олей Гудковой, а потом — уже в начале 80-х — с маленьким сыном. Посещения этой квартиры в доме в центре Ленинграда, где все дышало старым Петербургом, всегда были приятны, полны удивительного уюта, гостеприимства; разговоры были интересны и разнообразны. Несмотря на разницу лет (!), положения, самой географии жизни (Банки — старинные петербуржцы, я — коренная “азиатка”), у нас было много общего: мой родной дед — почти ровесник Бориса Владимировича, и многое в их воспитании, взглядах, интересах было общим; в семье мамы есть и петербуржцы; и, наконец, — у нас был общий интерес: институт, общебиблиотечные проблемы, работа конкретных библиотек. Я по роду своей работы много ездила, часто встречалась со своими однокурсниками и с теми, кто учился у Бориса Владимировича, что естественно всегда являлось самой животрепещущей темой.

Конечно, передать всего, о чем говорилось, что вспоминалось и обсуждалось, — невозможно. Вспоминается, что Бориса Владимировича отличали широта и многообразие интересов, доказательность аргументации, четкость мыс-

Б.В. Банк в годы революции
(в центре на переднем плане)

ли. При всей своей внешней суховатости, Борис Владимирович трогательно заботился о своих бывших студентах, писал в библиотеки — хлопотал об их жизненных условиях, профессиональной карьере, отвечал на все письма — и всякое прекращение переписки (со стороны адресата) его всегда огорчало. Со временем число адресатов сократилось до минимума, и все важнее становились для Бориса Владимировича встречи с теми, кто его помнил: мы с Олей Гудковой были среди них.

Несколько раз мы ездили в гости на ул. Восстания, 7 с сыном. Мальчика поражало все: величина квартиры (он как-то не воспринимал, что она коммунальная), высота потолков, натертый блестящий паркет (по которому ему разрешали кататься, сколько хочется!), обилие в комнате книг и цветов. А еще его поражала интеллигентность Бориса Владимировича. Так, не однажды он шептал мне: “Мама, какой Борис Владимирович вежливый!”. И, помолчав, добавлял: “И как он много знает!”.

Чем дальше уходит время, тем больше стираются детали, забываются даты, темы разговоров, — но не тускнеет образ Бориса Владимировича, так же, как образ его дочери, Натальи Борисовны Банк. И остается благодарность судьбе за все те нечастые светлые встречи.

БЕСЕДА О БИБЛИОТЕЧНОЙ ПРОФЕССИИ

Всякая профессия, специальность хороша, когда ее любишь — и наоборот. Любить можно то, что знаешь.

Знаете ли вы? Часть — нет, часть — в течение некоторого, обычно недолгого времени, а это значит — немного, отчасти.

В чем особенности библиотечной профессии? Обязательно связь работы с книгой и в подавляющем большинстве случаев — общение с людьми, с читателями — там или иная работа с ними. Это значит, что содержание библиотечной профессии — очень богатое, многогранное, ибо очень разнообразны книги, люди и их запросы, цели чтения, обращения к печатному слову (работа, учебные занятия, общественная деятельность, различные “любительские”, непрофессиональные занятия, отдых, развлечения, бытовые запросы и нужды и т. д.) — и во всем этом так или иначе нужна помощь библиотекаря.

В этом разнообразии и богатстве — и интересность, и сложность одновременно. Библиотекаря нужно много знать, нужно быть и культурным (а это много дает и ему самому!), нужно уметь подойти к людям (читателям), уметь завоевать их доверие и авторитет у них, уметь быть в известной мере педагогом (не шкрабом!) и вместе с тем пропагандистом и агитатором (*хорошим* пропагандистом и агитатором).

В корне неверно представление о библиотекаре как о “выдатчике” книг, как о делопроизводителе “библиотечной канцелярии”, как о “регистраторе исходящих и входящих библиотечных книг”. Но... такие работники, такие чиновники в библиотеках еще встречаются, и не

так уж редко. Еще чаще встречаются ремесленники.

Еще раз повторяю: главное, самая суть нашей профессии — это живая, активная работа с книгой и с читателем — работа, требующая творческого подхода, широкого знания орудия работы — книг и людей-читателей.

Но есть в ней и *большая вспомогательная область* — трудоемкая, требующая большого внимания, вспомогательная, но необходимая, не допускающая пренебрежения: это “введение библиотечного хозяйства”; организация книжных фондов и каталогов, то, что Крупская называла: “котел”. Увлекательна ли она? Это другой — и отнюдь не главный вопрос (тут во многом — дело вкуса). Она необходима: *этот* момент — основной. В каждой профессии своя необходимая “внутренняя”, часто невидимая и незнакомая посторонним работа — вспомогательная, подготовительная, без которой нет главной, основной (артист — певец, пианист, скрипач, драматический актер, учитель, писатель, научный работник-исследователь и т. д.).

Часто библиотекаря называют “скромный труженик”, “скромный работник”. Удачно ли это выражение — не знаю. Каждый должен быть скромным. В каком смысле нас называют “скромными” тружениками? Может быть, в том смысле, что в нашей деятельности нет внешнего

эффекта. О каком внешнем эффекте мы говорим? Некоторые категории специалистов “глаголом жгут сердца людей”. Другие “властвуют” своей игрой — мимикой, жестом и опять-таки глаголом. Третьи создают вещи, которые вызывают восторг, наслаждение, радость — и все это заставляет *сразу же* думать о творцах этих дел, вещей. *Такого* эффекта в нашей работе действительно нет. Она протекает главным образом незаметно для глаза посторонних, неосведомленных. Она протекает в процессе, так сказать, внутреннего общения двух людей — библиотекаря и читателя — через посредство книги, печатного слова, и эффект она дает очень часто (пожалуй, чаще всего) далеко не сразу, по большей части — не скоро. Но эффект, результаты она *дает*. И есть в ней — в работе, которую библиотекарь ведет с читателем, и своя романтика, волнения, удачи и неудачи, и нравственное удовлетворение она дает. Особенно — в массовой библиотеке, в детской библиотеке, по-моему.

Еще один, так сказать, деликатный вопрос: можно ли любить и выбирать профессию, основываясь на материальном расчете? — То, мол, выберу и буду любить, что лучше оплачивается. Никто, разумеется, не может вовсе сбросить со счета материальный фактор. Но выбирать и любить *что-то* — профессию — за деньги, то же, что жениться или выходить замуж по расчету, за деньги. Какая тут “любовь”, какое тут нравственное удовлетворение, счастье? Тут — торг, и притом торг нечестный, и тут по большей части — причины неудач, несчастья, постоянной тягости.

Пути к нашей профессии ведут различные. Самые верные — от практики или от примера близких людей.

А теперь — немного из области автобиографической, связанной с профессией.

Работаю 39 лет по специальности. По-видимому, имею право назвать себя профессионалом, сказать, что библиотечная работа (и преподавание библиотечного дела) — моя специальность. С ней связаны интересы, труд.

Но... Круг жизненных интересов ею не исчерпывается. И это, считаю, не минус и не слабость.

Очень люблю, например, литературу — художественную, по-настоящему художественную, независимо от жанра.

И люблю музыку — хорошую, тоже независимо от жанра.

И природу — живую, подлинную, не городскую, не искусственно созданную.

И — очень интересуюсь железными дорогами, транспортом, локомотивами.

И — фотографией.

А больше всего интересуюсь людьми — их духовной жизнью. В этом — связь с библиотечной и педагогической работой, тут очень много от того, что Горький называл “человековедением” (говоря о литературе).

Как я пришел на библиотечную работу?

Сыграл роль отец (ему посоветовал стать библиотекарем в ГПБ Стасов). Оказывается, и дед имел некоторое отношение к библиотечной работе.

Начало — в ГПБ, в отделе общественно-научном: тут — только книги были (не было читателей), и тут большая внутренняя, организационно-техническая работа — первые, нужные для будущего навыки (учили на практике Яковкин, Бычков, В. Э. Банк и др.).

Потом — вскоре — РККА. Красноармеец и ротный; а потом полковой библиотекарь, позже — начальник библиотеки армии. Книг в то время было мало, очень мало, и бумаги не было. А читатель тогдашний — красноармеец — малограмотный, а то и неграмотный (мы

его учили, в том числе и библиотекари!). Работа с книгой сочеталась и переплеталась с чисто военной: бои под Пулковом, под Кронштадтом, Лугой, в Карелии. Кто тут учителя? Военные — Дыбенко, Позерн, Ян Гамарник, Тухачевский, библиотечные работники — Вольценбург (ныне директор библиотеки Государственного Эрмитажа) и др. В это же время несколько встреч с Горьким — на почве изучения читателей красноармейцев (он во многом определил мой интерес к этому).

Что дала эта работа? Опыт практической работы, выработка наблюдений, определенные преподавательские навыки, методический опыт, огромный запас наблюдений над людьми, связь — на почве работы библиотеки — с целым рядом людей (читателей), которая сохранилась на долгие годы, с некоторыми — на четверть века и больше. Тут, в Армии, было и такое, что определило личную связь.

Параллельно — урывками — теоретическая подготовка на ВКБ. Тогда же определилось тяготение к массовой библиотеке. Еще позже — *гражданская работа*: массовые библиотеки — работа в них, руководство ими.

В связи с этой работой — знакомство и связь с людьми, которых смею назвать своими учителями: Крупской — она во многом укрепила интерес к изучению читателей, отчасти Луначарский, Зеленко, Я. Нетупкая, Троповский. С другой стороны — Хавкина, Виноградов. Поэты — в то время работали Прокофьев, Луговской. Тут и знакомство со старыми внешкольниками: О. В. Кайдановой, Е. Ф. Проскуряковой, А. В. Пешехоновой, А. В. Мезьер, А. М. Калмыковой и др.

Все они, все, столь разные по роду деятельности и по взглядам, любили свое дело, жили им (это не значит, что не

было у них личной жизни!). И именно *это* (общее) нужно подчеркнуть, имея в виду их влияние. А сущность их влияния можно выразить в следующих нескольких словах: удовлетворение личное дает не приобретение (вещей), не умение “устроиться в жизни”, но желание устроить жизнь общую (а значит и свою), бороться за это, работать творчески, — работать для людей (и с людьми, которые по-новому устраивают, строят жизнь человечества; работать с помощью книг, которые очень и очень могут помочь нашим людям в этом трудном деле).

Свой опыт, практику с 1925–1926 учебного года начал передавать другим — курс, семинар (начиная с армии), средние специальные учебные заведения, институт. Так началась и пошла педагогическая работа.

А несколько позже — *литературная деятельность*: статьи, книги. Многие из них обсуждались с теми, о ком упомянул; особенно важны были советы Крупской.

В этой работе — практической библиотечной, а особенно — в педагогической и литературной *далеко не все шло легко, не все шло гладко*. Было много ошибок, промахов, неудач. В некоторые периоды бывало, что *творческая деятельность* ограничивалась, тормозилась разными привходящими обстоятельствами и на время уступала место такой работе, которая — объективно — была гораздо менее полезной, чем могла бы быть. Но времена эти проходили (конечно, не без следов для нас, для меня в частности). Я имею в виду отражение на здоровье, иногда на настроении, но никак не на вере в нужность нашей специальности.

Что именно пришлось мне (как и многим другим) делать, участвуя в библиотечной работе (точнее — в работе библиотеки)? — Все то, что делали и дела-

ют библиотекари (правда, не все они сами делают сейчас!).

В области так называемой *технической* (и, пожалуй, хозяйственной) — все, начиная от прорезания книг, подклейки выпавших листков и кустарного переплета — до создания каталогов;

все, начиная с подметания, мытья и натирки пола — до проектирования библиотечного оборудования и здания.

В области пропаганды книг и работы с читателями:

все, начиная с изготовления аншлага “Вход в библиотеку” по готовому трафарету — до разработки проекта оформления помещения большой библиотеки — для художников; до проведения бесед-лекций о Шекспире и символистах; начиная с “анкетного” опроса нового читателя при записи его в библиотеку — до направления чтения на протяжении целого ряда лет работы с читателем (в том числе и заочно, путем переписки);

и все, начиная с наведения простейшей библиотечной справки по библиографическому указателю — до составления программ чтения.

Что в этом самое интересное? Помогите, все то, в чем было общение с живы-

ми людьми — с читателями. И если бы только знали, сколько жизней было узнано, сколько человеческих судеб, сколько тайн доверено!

Сейчас заканчиваю большую работу по истории изучения читателей.

А потом хочется выполнить еще одну работу: написать книгу, в которой будут показаны судьбы ряда людей в связи с книгами, которые повлияли на их жизнь и которые связали этих людей между собой на долгие годы — связали в плане общественном и личном. Там должны быть *реальные* люди — не выдуманные, но тем не менее замечательные. Идея этой книги подсказана мне Крупской. Сумею ли это сделать — не знаю. Нужно для этого и литературное мастерство. А кроме того нужно суметь преодолеть большое волнение, которое вызывает материал — факты, события (люди-то близкие). Если это выйдет хоть сколько-нибудь, — значит, удастся показать и фактическое значение труда библиотекаря, и романтику (да, романтику!) его работы.

1958

(Публикацию подготовила к печати Е.И. Борисова).

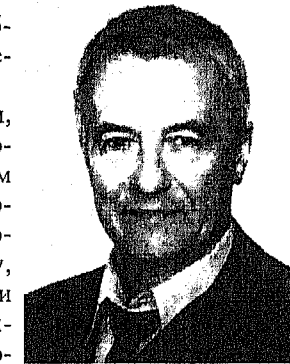
НАМ ДОРОГО ПРИЗНАНИЕ ЕДИНОМЫШЛЕННИКОВ

Интервью с *Леонидом Петровичем Романковым*, депутатом Законодательного Собрания С.-Петербурга, председателем Комиссии по культуре, лауреатом премии имени Е. Р. Дашковой в номинации “Попечитель”

• Как изменились библиотеки города за последние годы?

— Мне кажется, что они, хоть и с большими сложностями, но входят в режим нового экономического состояния. Те, у кого есть способности к менеджменту, энергия, инициатива — они ощутили ту свободу действий, тот простор, которого раньше не было. Да, приходилось выживать. Но зато жизнь подвинула их к освоению нетрадиционных для библиотек областей, которые, на мой взгляд, должны быть освоены: это и компьютерная обработка, и коммуникация, т. е. Интернет; это и расширение функций: т. е., не только книга, но и аудио кассеты, и компакт диски, и компьютерная литература. Не вижу ничего плохого, чтобы предоставлялись смежные услуги — и ксерокопирование, и услуги оргтехники и т. п.

Эта работа успешно ведется в библиотеке имени В. В. Маяковского. Видно, как грамотно и умело были установлены контакты с Британским Советом, с Институтом Гете, с княгиней Голицыной, с различными фондами, обеспечен доступ молодых посетителей к Интернету. Библиотека организует различные обучающие курсы, в ее фонды поступа-

ет большое количество литературы на иностранных языках. Именно в этой деятельности я вижу перспективы развития библиотек. Библиотека как центр культуры, центр пропаганды книги, обучающий центр, обладающий определенным влиянием на молодежь. Или, например, библиотека имени Серафимовича. Я был там несколько раз на концертах, на представлениях, когда школьники разыгрывали пьесы. Библиотеки были зажаты в рамках абонементного обслуживания. Они могут и должны становиться очагами культуры.

• Леонид Петрович, в связи с этим вопрос. Как изменился с Вашей точки зрения имидж библиотек в глазах читателей?

— Мне кажется, что их значение повысилось по нескольким мотивам. Во-первых, стало меньше денег у населения на покупку книг. Хотя книжные магазины предлагают всевозможную литературу, библиотеки стали более значимой частью культуры для студентов, пенсионеров — там они могут получить новую книгу, то, что стало для них трудно доступно. Во-вторых, учебная, справочная книга всегда была важной частью общеобразовательного процесса. Поэтому, я думаю, что в глазах населения роль

библиотек становится просветительской. Можно сказать, что в спальных районах это своеобразный очаг культуры, где недостаточно таких учреждений. В библиотеке уютно, горит зеленая лампа, можно провести спокойный вечер, почитать какой-нибудь бестселлер, полистать новые журналы.

• Леонид Петрович, давайте вспомним юбилейный Форум Петербургского Библиотечного общества, подведение итогов конкурса имени Екатерины Дашковой.

— Это означает институциональное становление. Ведь общество — это не просто люди, которые собираются и о чем-то беседуют. Оно приобретает некую социальную значимость, поскольку оно награждает людей, стимулирует, побуждает их к процессу оказания определенной помощи библиотекам, призывает обратить внимание на их нужды. Так что это очень важный и нужный процесс. Библиотека находится на стыке культуры и образования. Поэтому, я думаю, что торжественная церемония награждения победителей конкурса имени Екатерины Дашковой — это не только радостное событие для номинантов, но и важная веха в становлении Общества и усилении его роли. У нас существовали творческие союзы в традиционном смысле: Союз художников. Союз композиторов. А теперь о себе заявляет новое общество. И в профессиональном плане, в плане повышения статуса библиотечных работников можно приветствовать, что они придумали такой замечательный конкурс.

• В чем для вас престижность той награды, которую Вы получили на Библиотечном Форуме в 1999 году?

— Теперь я могу в автобиографию написать строку, что я — Лауреат премии имени Е. Дашковой Петербургско-

го библиотечного общества. Это было очень неожиданно и лестно для меня, так как любому человеку приятно, когда его вклад окажется замеченным.

• Я помню, что к вам подходили люди, поздравляли, говорили о том, что они ценят Ваш вклад в культуру города. Вы помните этот момент?

— Да, я помню, что был смущен, потому что подходили и совершенно не знакомые мне люди. Приятно, что то, что ты сделал, получило доброе развитие, дало свои результаты. Обычно, если помогаешь человеку, и что-то не получилось, — он пишет тебе вновь, а если добился положительного результата, он уже не пишет, и это нормально. Я рад, что удалось провести Закон, который способствовал поддержке культуры, библиотек (Закон о возможности использовать часть средств...) Мне говорили, что библиотекам благодаря этому удалось получить компьютеры, необходимое оборудование, осуществить ремонт и т. д. К сожалению, у меня нет полной статистики, а мне давно хотелось собрать данные, установить организационную связь. Мне было приятно, что эти действия принесли реальную пользу.

• Что Вы думаете о значении этого события (вручения премий) в жизни города?

— Премия — всегда стимул, и, если при этом есть хорошая пресса, которая создает общественный резонанс, то такого рода премия могла бы заставлять людей стремиться помочь библиотекам, акцентировать внимание на проблемах библиотек как очагов культуры. Это было бы полезным элементом для продвижения и поддержки библиотек, повышения их роли в сегодняшней жизни. Хотелось бы, чтобы премии были весомыми, чтобы было много претендентов. Сейчас должно

быть не просто спонсорство, но сотрудничество, партнерство.

• Кто Вас поздравил дома? У Вас читающая семья?

— Абсолютно все! У меня дома хорошая библиотека, несколько тысяч книг.

• У Вас есть какой-то свой принцип комплектования личной библиотеки?

— Принцип? Наверное, есть. Когда-то я был восхищен серией “Литературные памятники”. Мне было интересно понять, изменился ли человек за то время, когда от каменных надписей мы перешли к спутникам и компьютерам. Когда я стал собирать и читать эту серию, я увидел, что на самом деле ничего не изменилось. Цивилизация. Технология изменились, а мотивы остаются те же самые: любовь, ненависть, честь, достоин-

ство. Глупость, зависть. Меняется этика эпохи, но остаются те же мотивы и чувства. У меня много книг по Востоку, потому что я считал, что Запад слишком материалистичен, меркантилен. Восток мне был интересен.

• А Ваши последние приобретения?

— “Архитектор об архитекторах”, “Ленинград–Петербург. XX век”. Толя Найман подарил свою последнюю книгу.

• Выражение одного из наших современников: “Библиотека дает ощущение духовного комфорта”. Вы с ним согласны?

— Безусловно! Вообще эта тема неисчерпаемая.

*Беседу вела В. К. Амбросенко
журналист, член жюри премии
имени Е. Дашковой ПБО*

НАША ОБЩАЯ МИССИЯ — ПОМОГАТЬ БИБЛИОТЕКЕ

Интервью с **Вилем Александровичем Петрицким**, д-р. философ. наук, профессором С.-Петербургской гос. лесотехнической академии, библиофилом, лауреатом премии им. Е. Р. Дашковой в номинации "Меценат"

• Какую роль в Вашей жизни сыграла библиотека?

— Мне думается, самую-самую важную. Потому что как только научился читать — я стал посетителем библиотеки. Это произошло во время ссылки мамы, меня и брата в город Рыбинск. Это были 1938–1939 гг., тяжелые годы в истории нашей страны. Книга меня спасла, потому что все, с кем я начал учиться в военные годы, пошли по плохой дорожке — многие погибли, кто-то попал в тюрьмы. А я дружил с книгой, отошел от тех опасных путей и стал тем, кем стал. Уже в те годы я начал комплектовать свою библиотеку. Мне в этом очень помогал мой дед, который жил в Ленинграде и присылал мне книги. Я также очень благодарен маме, которая покупала нам книги на последние деньги. Уезжая в ссылку, мы взяли только самое необходимое. И главным были книги.

Я думаю, что без этой дружбы с книгой я не состоялся бы ни как ученый, ни как библиофил, ибо всю свою жизнь я любил книги, собирал книги.

• Вилли Александрович, каковы роль и место библиотеки в жизни современного общества?

— Вопрос непростой. Мне думается, что, с одной стороны, значение книги

несколько падает в связи с тем, что развивается компьютеризация. Но с другой стороны, роль книги постоянно возрастает. Книги стали дороже, и читатель вновь приходит в библиотеку. Он не может покупать книги и комплектовать личную библиотеку. Мы сталкиваемся с этим постоянно. Я вижу, что сейчас не могут покупать дорогие редкие книги и мои коллеги-

библиофилы. Без книги невозможно представить культуру будущего. И в прошлые времена одну книжную форму сменила другая, — рукописные книги сменила печатная книга. Какие-то виды литературы будут переведены в компьютерную редакцию, а какие-то, например, уникальные издания художественной литературы, останутся в той форме, к которой мы привыкли, и сохранятся для потомков.

• А как Вы пришли к идее коллекционирования?

— Об этом я рассказал во вступлении к моей книге "Врезанные в память письмена". Эту мысль коротко можно сформулировать так: "Я понял, что без книги, без документа не может быть истинной истории. Подлинную историю надо искать и в документе, и в

книге". И в 60-е годы я перешел к собирательству рукописей. Это один из самых сложных видов собирательства, потому что надо обладать определенными качествами, знаниями, интуицией, наконец, чтобы понимать, где найти, что найти и как оценить найденное.

• Вилли Александрович, а почему Вы решили большую часть коллекции передать в Российскую Национальную библиотеку?

— Я считал, что подобная коллекция представляет ценность не только для собирателя, но и для общества, для специалистов. Я знаю, что не успела она поступить в отдел рукописей, как начали звонить из Москвы и из других городов, из Челябинска, например, приехал ученый знакомиться с рукописями Клюева. Т. е. коллекция используется научным и читательским сообществом. Это важно для меня. А с другой стороны, ведь с собой ничего не унесешь! И отдать обществу — это отдать то, что будет служить долго и после тебя тем, кому это нужно и важно. Конечно, я продолжаю собирать рукописи. Коллекция пополняется. Недавно я приобрел очень интересные письма русского философа Николая Лосского. Приобрел также большую подборку писем одного морского офицера конца прошлого века, представителя очень интересной семьи. Сейчас я сам занимаюсь исследованием истории этой семьи и, конечно, все, что соберу, если Бог даст мне здоровья, я снова передам в РНБ, думаю, что все должно храниться в одном месте.

• Вы уже много лет являетесь членом правления Общества друзей РНБ. В чем Вы видите свою миссию?

— Я думаю, что наша общая миссия — помогать библиотеке в это нелегкое для всех нас время. Свою конкретную задачу вижу в том, чтобы убеждать

моих коллег-библиофилов наиболее интересную, наиболее общественно значимую часть своих собраний передавать библиотекам. Я знаю, что такой процесс идет. Например, профессор Вениамин Худoley передал в прошлый юбилейный год свою коллекцию "Экслибрис на пушкинскую тему" музею-квартире А. С. Пушкина.

Все крупнейшие и российские, и мировые книгохранилища строились на основе частных библиотек и библиографических собраний. Даже в наше время не всегда поступает обязательный экземпляр. Есть такие издания, которые долгое время числятся как "ненаходимые", как лакуны, и в крупнейшие книгохранилища нашей страны они часто попадают из собраний библиофилов.

• Вы активно поддерживаете дружеские связи с представителями библиотечного сообщества. Кто они?

— Это такой большой круг, что всех трудно перечислить. Конечно, это большинство моих дорогих коллег из Российской Национальной библиотеки, — Владимир Николаевич Зайцев, Елена Владимировна Небогатикова, Татьяна Михайловна Некрасова, зав. отделом рукописей, Людмила Игоревна Бучина и Татьяна Богданова, которые мне много помогали, — словом всех не перечислить. Это самый широкий круг людей, с которыми я всегда рад встречаться и общаться. Это, конечно, Зоя Васильевна Чалова, Президент ПБО, с которой мы встречаемся на заседаниях Петербургского общества любителей книги, членом Правления которого я являюсь; это Агнесса Александровна Гурина, директор Ленинградской Областной библиотеки, — т. е. это самый широкий круг людей, и они сегодня в моей жизни значат очень много, потому что я могу просить оказать содействие и помощь в ра-

боте секции книги и графики, могу проконсультроваться. Например, Владимир Руфинович Фирсов, зам. директора РНБ по науке, всегда помогает нам с организацией научных конференций в Доме ученых, с изданием сборников трудов этих конференций. Мы стараемся быть полезными друг другу, и это очень важно.

• А Вы вспоминаете тот день Библиотечного Форума, когда проходило награждение? Что для Вас значит эта награда?

— Конечно, такое не забывается. Я даже помню эту дату — 19 мая. День был теплый, по-настоящему весенний. Знаете, это приятное чувство, когда награждают твоих коллег, потом называют твою фамилию, и ты идешь получать награду, и волнуешься, и не знаешь еще, что сказать. Признание твоих коллег, профессиональное признание, признание единомышленников — это очень дорого и радостно.

*Беседу вела В. К. Амбросенкова,
журналист, член жюри премии
имени Е. Дашковой ПБО*

ПЕССИМИСТ, ОПИРАЮЩИЙСЯ НА ОПТИМИЗМ

*(Наброски к портрету петербургского дирижера
Василия Зварийчука)*

*Елена Викторовна Смолина — и.о. зав. научно-исследовательским отделом
библиотековедения РНБ, канд. пед. наук*

Активная культурная деятельность относится к лучшим традициям Российской национальной библиотеки. В настоящее время в ситуации социокультурных перемен важным в поиске своего нового лица становится и новое осмысление роли Библиотеки как культурного центра. Деятельность Библиотеки в этом направлении определяется не столько типом библиотеки, сколько той системой ценностей, на которой строится обслуживание читателей и которая помогает реализовать миссию Библиотеки — способствовать духовному развитию общества, в том числе и на основе культурного просветительства, раскрывающего культурное наследие, хранимое в РНБ.

Сегодня культурная программа Библиотеки в связи с недостатком бюджетных средств во многом строится на энтузиазме сотрудников, настоящих подвижников своего дела, чья личная высокопрофессиональная позиция во многом определяет и направление деятельности. Одним из таких людей является Василий Степанович Зварийчук, сотрудник

Отдела нотных изданий и звукозаписей РНБ.

В. С. Зварийчук родился в 1952 году на Украине, в прикарпатском селе, недалеко от румынской границы. Музыкальные способности проявились очень рано и с детства он стал мечтать о профессиональной карьере музыканта. Освоив самостоятельно несколько музыкальных инструментов, он вместе с отцом начал играть в духовом оркестре на свадьбах, знакомясь с украинскими фольклорными традициями и обрядами, бытовавшими в окрестных селах, куда приглашали их оркестр. Порой отправляясь в далекое село пешком в составе оркестра, он участвовал в распевании украинских и русских народных песен в многоголосном мужском хоре, которым в таких странствиях был оркестр. Пели для себя с большим упоением. Огромное влияние на выбор профессии оказали также и передачи по радио, а позже и телевидения Румынии, благодаря которым он впитывал не только зажигательные румынские народные мелодии, но и оперную и симфоническую музыку в записях выдающихся исполнителей. Надо

заметить, что тот период в жизни Румынии отличался небывалым подъемом в области оперной и вокально-симфонической культуры.

Мечта стать дирижером сбылась, когда в 1988 году он закончил Ленинградскую консерваторию по классу оперно-симфонического дирижирования профессора Ильи Александровича Мусина.

И. А. Мусин один из известнейших «делателей дирижеров» в нашей стране, который отмечен в книге Гиннеса за то, что, создав свою дирижерскую школу и оставив после себя целую плеяду известных дирижеров, он и в 95 лет продолжал дирижировать концерты, давать мастер-классы и преподавать в Петербургской (Ленинградской) консерватории.

Став одним из учеников И. А. Мусина, Василий Степанович учился с большим увлечением. За время учебы в консерватории, практически в ежедневном общении с учебными оркестрами, был накоплен огромный симфонический и концертный репертуар. Много и плодотворно работал с певцами в оперной студии, где дирижировал оперы: «Le pozze di Figaro» («Свадьба Фигаро») В. А. Моцарта и «Русалка» А. С. Даргомыжского, а также принимал участие в постановке оперы «Царская невеста» Н. А. Римского-Корсакова. За подготовку и ввод молодых певцов в спектакль «Свадьба Фигаро» Василий Степанович получил благодарность художественного совета оперной студии, поскольку именно это спасло спектакль от снятия с репертуара, кстати, сохранившегося до настоящего времени.

На одной из книг, подаренных И. А. Мусиным Василию Степановичу, есть такая надпись — «Васе Зварийчуку, самому ревностному моему последователю, «летописцу» занятий класса, отлично освоившему тайны моей педагогики».

Совмещая учебу в консерватории с работой в Новгородском музыкальном училище (1984-1988), Василий Степанович преподавал там дирижирование, чтение симфонических партитур, инструментоведение, оркестровку, гармонию и оркестровый класс, на основе которого создал Новгородский камерный оркестр, сразу же завоевавший признание новгородской публики.

Дирижирование преподавал также и на кафедре духовых инструментов в Петербургской Академии культуры (1992-1994), и на кафедре оперно-симфонического дирижирования в Петербургской консерватории (1993-1995).

Концертировал с симфоническими и камерными оркестрами Запорожской, Алтайской, Черниговской филармоний (1986-1989), и с петербургскими оркестрами (1990-2000), аккомпанировал таким известным солистам, как: Виталий Буяновский (валторна), Владимир Кафельников (труба), Наталия Шаховская (виолончель), Екатерина Фролова (скрипка) и другим.

С 1975 года Василий Степанович является читателем, а с 1991 года — сотрудником Российской национальной библиотеки.

Собираясь участвовать в одном из конкурсов, где было необходимо продирижировать оперу Джакомо Пуччини «Чио-чио-сан», Василий Степанович пришел в библиотеку, чтобы ознакомиться с партитурой. До конкурса оставалось два месяца. Узнав, что он временно нигде не работает, Ирина Федотовна Безуглова (заведующая ОНИИЗ) и Ольга Валериановна Родокова (главный библиотекарь отдела) предложили ему поработать до конкурса в библиотеке, и он с радостью согласился. Конкурс, к сожалению, не состоялся, а Василий Степанович постепенно, все с боль-

шим увлечением вникал в специфику библиотечного дела. Выяснилось, что его естественная тяга к упорядочиванию реализовалась в его новых обязанностях. Через некоторое время к нему перешло руководство работой фонотеки, а в дальнейшем и работой Концертного зала. Архитектура зала, в помещении библиотеки на Фонтанке, 36 (в бывшем Екатерининском институте), решена в строгом стиле раннего классицизма (Дж. Кваренги), колонны коринфского ордена украшают вход, гладкие стены дополнены пилястрами, теплый свет падает через полуциркульные окна. Зал имеет замечательную акустику, обеспечивающую ясное звучание. Атмосфера зала у всех входящих вызывает чувства радости и умиротворения.

Репертуар Концертного зала Российской национальной библиотеки обширный и разнообразный. Проводятся регулярные концерты звукозаписи и живые концерты с участием как молодых артистов, так и уже титулованных, отдельные концерты и абонементные циклы, вот некоторые из них:

- «Вечера в фонотеке РНБ» (концерты звукозаписи);
- Опера, симфония, концерт;
- Квартетные вечера;
- Концерты-встречи гитаристов в РНБ;
- «Малоизвестные страницы музыкальной культуры»;
- «Беляевские пятницы»;
- Концерты к памятным датам композиторов и исполнителей;
- Вокальные классы Петербургской консерватории;
- «Дебюты молодых музыкантов» и многие другие.

Особенность концертных программ в том, что большинство из них раскрывают уникальный фонд Нотного отдела в

глубокой связи с музыкальной культурой Петербурга и реализуют идеологию «Музыкального просветительства», во многом утраченную в городе.

Большим достижением Василия Степановича является и создание Симфонического оркестра РНБ. Создание симфонических оркестров в Национальных библиотеках имеет мало прецедентов, мне известен только один — в Британской Библиотеке. Стремясь воплотить в жизнь идею создания идеального ансамбля, Василий Степанович собрал универсальный творческий коллектив, способный решать сложные исполнительские задачи. Оркестр состоит из молодых талантливых музыкантов, великолепно владеющих своими инструментами. Гибко преобразуясь в различного рода камерные ансамбли, он обеспечивает публику Концертного зала РНБ разнообразными программами оперной, симфонической и камерной музыки. Каждый артист оркестра имеет возможность проявить свой талант в сильном амплуа, играя концерты и концертные пьесы с оркестром в рамках планируемого многолетнего абонементного образовательно-просветительского цикла «Антология концертного жанра».

В 1996 году В. С. Зварийчук осуществил постановку оперы Джоаккино Россини «La cambiale di matrimonio» («Брачный вексель») в концертном исполнении (на итальянском языке). В постановке участвовали солисты Мариинского театра — Анна Нетребко и Юрий Шкляр, артист Малого оперного театра — Карен Акопов, артист Оперной студии при Консерватории — Сергей Алещенко и другие, а также Камерный оркестр студентов Петербургской консерватории (художественный руководитель Лев Шиндер), оркестр, с которым Василий Степанович сотрудничал с 1996 по 1999

годы. Любовь к Россини объединила всех музыкантов и солистов.

Муза Кадлиц в радиопередаче о премьерере оперы “Брачный вексель” назвала это событие “музыкальным подвигом, чудом” в стенах Публичной библиотеки. Действительно, организовать такое представление было чрезвычайно трудно одному человеку, практически без средств, и тем не менее это произошло. В этом грандиозном деле Василию Степановичу помогали его друзья музыканты, коллеги по работе и даже меценаты — Нина и Борис Блотнеры (первые и пока что единственные), а также постоянные посетители концертов в Библиотеке.

Наверное, лучше всего о Василии Степановиче могут сказать именно постоянные посетители концертов и вечеров в фонотеке. Вот что говорит о мастре один из зрителей — Вячеслав Максимович Крюков: “В. С. Зварийчук был мне известен только как сотрудник Нотного отдела и фонотеки, но не как музыкант, поэтому я был заинтригован: неужели человек, столь занятый библиотечным обслуживанием, к тому же не имея практических никаких средств для такого серьезного предприятия, которое под силу разве что только большим театральным коллективам, в одиночку сможет проделать такую огромную работу? Опера Россини нам неизвестна и пикогда не ставилась у нас в Петербурге. Василий Степанович разрешил мне посещать его репетиции, и я стал свидетелем непрерывного творческого праздника, который продолжался вплоть до премьеры. Все это время он излучал вдохновение, которое передавал музыкантам и певцам через свои поющие, как они сами отмечали, руки. Для многих из них это было открытием. Василий Степанович оказался большим мастером дирижерского искусства с почти магическим влия-

нием, которое возвышает и облагораживает каждого музыканта и вокалиста. Выражалось это в свежести и теплоте звучания, которое разливалось по залу, высвобождая и раскрепощая всех участников постановки. Искусство начинается там, где заканчивается забота о технике, но не в одной технике дело. Качество звучания оркестра меня потрясло! Оркестр звучал очень проникновенно, чисто, мощно, тембристо, ярко, живое белькантиссимо, что редко услышишь даже в нашем городе, где много именитых музыкантов. Звучание оркестра приобретало человеческие тембры, каждый звук был одухотворен, насыщен душевным теплом. В тиши библиотеки происходило таинство, откровение, которое преображало и вдохновляло души слушателей. Качество личности Василия Степановича воплощалось в музыке, это невозможно объяснить, аурическое божественное звучание. Нам трудно осознать это таинство, когда “искра Божья” исходит от личности музыканта-дирижера, проникая в души музыкантов-исполнителей, заставляя их без усилия, легко сливаться в ансамбле и удивлять качеством и чистотой звучания. Многие зрители премьеры, удивляясь качеству звучания оркестра, секрету льющегося звука, думали, что в зале после ремонта улучшилась акустика. Но дело было не в этом, а в таланте и мастерстве дирижирования Василия Степановича. Я сам могу это объяснить только мистически, как дар Свыше.

Необходимо отметить и работу с вокалистами. Василий Степанович чувствует и любит вокалиста. Он бережно несет голос певца на волнах оркестра и голос начинает звучать легко, наполняется жизнью и чувством. Все вокалисты отмечали, как легко с ним петь. Иногда музыканты в трудных местах партиту-

ры заранее договариваются, как будут играть, но с Василием Степановичем этого не надо делать, с ним все трудности преодолимы. Его магические руки творят чудеса, объединяют всех — и музыкантов, и слушателей. Я совершенно убежден, что Василий Степанович — уникальная личность, способная раскрыть способности музыкантов и певцов. Благодаря ему создаются очень теплые отношения между сценой и залом. Он соединяет в себе, казалось бы, несоединимое — возможность продумать и воплотить музыкальную идею и организаторские способности — собрать людей, которые могут реализовать идею. Один мой друг после концерта сказал мне, что если бы на каждые 100 тысяч человек была такая личность, как Василий Степанович, то наша жизнь была бы совсем другой, мы не жили бы в этом мире несправедливостей, жестокости и непонимания. Я без всякого сомнения назвал бы его Почетным Гражданином Петербурга, в буквальном смысле этого слова; он служит библиотеке, искусству, городу бескорыстно, имея практически очень мало средств к существованию”.

Работая в фонотеке Нотного отдела, занимаясь комплектованием фондов и обслуживая посетителей во время дежурств, Василий Степанович заметил, что интересы многих читателей слишком узкие, что они иногда даже не подозревают о существовании тех богатств музыкальной культуры, которые хранятся в библиотеке. Желая познакомить читателей с музыкальными сокровищами, он начал проводить концерты звукозаписи, которые впоследствии приобрели три основных направления: новинки фонотеки, монографии композиторов и исполнителей, анализ исполнительских интерпретаций. Последнее стало самым популярным, поскольку позволяет изучать

психологические аспекты исполнительства, особенности музыкального взаимодействия исполнителей и публики.

О “Вечерах в фонотеке” рассказывает Ольга Александровна Касперович, одна из постоянных посетительниц этих концертов. “Аналитическое прослушивание произведений — одна из самых интересных форм музыкального просветительства. Удивительные впечатления. Ни с чем подобным я не сталкивалась. Одно и то же произведение можно прослушать в исполнении разных оркестров, разных дирижеров. Для всех слушающих открылся мир Музыки и мир Личностей исполнителей. При этом максимально использовался фонд фонотеки. Так, при аналитическом прослушивании 2-й симфонии Й. Брамса было представлено 8 вариантов — интерпретации таких дирижеров, как Герберт фон Караян, Евгений Мравинский, Курт Зандерлинг, Карл Бем, Людовит Ройтер, Кирилл Кондрашин, Герман Абендрот, Курт Мазур. То, что я сейчас получаю удовольствие от слушания музыки — заслуга Василия Степановича, он научил слушать и слышать, как звучит оркестр в целом, как звучат отдельные инструменты, как по-разному сама идея композитора воплощается в интерпретации дирижера, оценивать уровень мастерства музыкантов. Этот цикл включал лекции-концерты о певческих голосах, об инструментах симфонического оркестра, о творчестве И. С. Баха, К. М. фон Вебера и других.

Василий Степанович также содействовал проведению интересных концертов молодых исполнителей, учеников Петербургской консерватории различных классов. Очень интересным был цикл концертов-встреч с ведущими педагогами кафедры сольного пения консерватории и их воспитанниками. За-

помнились концерты скрипачей класса Народной артистки России, профессора Петербургской консерватории А. М. Казариной. Всех покорила юная скрипачка Катя Фролова, лауреат фестиваля “Виртуозы 2000 года”. Концерт Кати Фроловой (Чайковский и Сибелиус) состоялся в ноябре. Молодым исполнителям нужна площадка, аудитория, где они могли бы учиться работать на сцене, справляться с волнением перед залом. Для них — это прекрасная школа, а для слушателей — прекрасные концерты.

Василий Степанович организовал и выступления струнных квартетов. В таком объеме квартетных концертов нет больше нигде у нас городе. Запомнилось яркое исполнение “Любовных страстей” Джованни Боттезини — для двух контрабасов и фортепиано. Исполнители Алексей Лавров и Григорий Воскобойник. Василий Степанович сделал оркестровку и сам дирижировал оркестром “Санкт-Петербургский Моцартеум”. Два контрабаса исполняли нежнейшую музыку. Трудно было себе представить, на какой тонкий лиризм способен такой неуклюжий инструмент, как контрабас. Для меня это было открытие. Мир музыки стал для меня более понятным и в то же время более загадочным и бескрайним.

Очень жаль, что концертная программа на Фонтанке, 36, имеет мало рекламы, практически только читатели, посещающие Библиотеку, знают о ней. Несомненно, она была бы интересна многим в городе, тем более, что концерты проходят бесплатно или за символическую плату. Для продолжения концертной деятельности Василию Степановичу необходима как финансо-

вая, так и организационная поддержка. Хотелось бы надеяться, что Симфонический оркестр РНБ получит официальный статус.

После бесед с постоянными слушателями и уже поклонниками творчества Василия Степановича кажется невероятным, что один человек может совмещать работу в Нотном отделе по обслуживанию читателей, репетиции с оркестром и организацию разнообразных концертных программ. И все это при отсутствии стабильного финансирования концертной деятельности (необходимость каждый раз заново добывать средства для новых проектов), значительной неустроенности Концертного зала (холл, с которым не удается справиться в течение уже нескольких лет, неосвещенность сцены и многие другие). Василий Степанович мечтает о том, что удастся решить проблему постоянного и стабильного финансирования Симфонического оркестра РНБ, который поднимет планку “Музыкального просветительства” на качественно новую высоту; что изменится название Актового зала на Концертный и его статус; что можно будет нанять необходимый штат обслуживающего персонала для КЗ РНБ; что все замечательные идеи удастся воплотить в жизнь и в итоге престижность Концертного зала РНБ поднимется на достойную его высоту (уже сейчас многие музыканты считают за честь выступить в нем!).

Как-то в разговоре с Василием Степановичем о тех трудностях, которые приходится ему преодолевать, он привел мне слова А. П. Бородин о том, что его “оптимизм основан на глубочайшем пессимизме”.

РАДИ ОБЩЕГО БЛАГА

Наталья Ивановна Англичанина — гл. библиотекарь НМО ЦГПБ им. В.В. Маяковского

Проведение конкурса премии имени Е.Р. Дашковой становится ежегодной традицией Петербургского библиотечного общества. Общественный резонанс конкурса во многом зависит от состава жюри. Работа жюри по итогам прошлого года заслужила высокую оценку библиотечной общественности, и поэтому правление ПБО стремилось сохранить его состав. В составе жюри В. Т. Орлова — председатель *жюри*, исполнительный директор Всемирного клуба петербуржцев, В.К. Амбросенкова, член Союза журналистов, А.В. Соколов, профессор, первый президент ПБО, Е.П. Сударикова, декан информационно-библиотечного факультета СПбГУКИ, И.Г. Уралов, главный художник С.-Петербурга.

Для участия в конкурсе 2000 года в жюри поступило 16 заявок от ЦГПБ им. В.В. Маяковского, Государственной Театральной библиотеки, вузовских библиотек, публичных библиотек С.-Петербурга и Ленинградской области.

Наибольшее число претендентов было заявлено в номинации “*Попечитель*”. Среди них ректор Санкт-Петербургского Государственного университета экономики и финансов, представители законодательной, исполнительной и муниципальной власти С.-Петербурга и Ленинградской области. Жюри было очень сложно определить победителя и поэтому оно сочло необходимым назвать двух лауреатов в этой номинации, ко-

торые, занимая совершенно разные должности, одинаково эффективно помогают библиотекам.

Бронзовый горельеф и диплом 1-й степени были вручены мэру города Волхова *Нонне Михайловне Волчковой*. Ее называют “мэром западного образца”. Одержимость этого человека, ее подвижность, неукротимая энергия позволили реализовать многие радикальные проекты. Не часто можно встретить руководителя, который бы проявлял заботу, внимание и заинтересованность в развитии библиотечного обслуживания населения своего города. Это подтверждают конкретные дела мэра: строительство нового здания библиотеки, инициатива которого принадлежит полностью Н.М. Волчковой, открытие библиотеки семейного чтения, достойное финансирование библиотек, материальная поддержка библиотечных работников.

Лауреатом премии имени Е.Р. Дашковой в номинации “*Попечитель*” также был признан ректор Санкт-Петербургского Университета экономики и финансов *Леонид Степанович Тарасович*. Почему ректор? Ведь ему по статусу положено быть попечителем.

Чтобы ответить на этот вопрос, следует отметить, что, в отличие от большинства вузовских библиотек, научная библиотека СПбГУЭиФ имеет неизменную поддержку со стороны Л. С. Тарасовича. Библиотека коренным образом

обновила фонд учебной и научной литературы. Л.С. Тарасович инициировал внедрение в практику библиотечной работы многие современные формы и методы. По его инициативе в библиотеке была создана локальная сеть из 50 компьютеров, открыт Интернет-класс, проведен ряд методических семинаров ведущими кафедрами Университета. Возглавляемый Леонидом Степановичем Союз выпускников СПбГУЭФ содействовал развитию спонсорства, что дало возможность библиотеке получить ряд крупных книжных даров и финансовых пожертвований. Принимая во внимание эти факты, жюри решило, что ректор С.-Петербургского государственного университета экономики и финансов Л.С. Тарасович достоин самой высшей награды конкурса имени Е.Р. Дашковой.

В чем проявилось меценатство Юрия Юрьевича Кадиновского, генерального директора ООО "World Chartering Ltd" — лауреата премии в номинации "Меценат"? Предприниматель, знаток искусства, коллекционер современной живописи, Ю.Ю. Калиновский является инициатором, издателем и директором журнала "Новый мир искусства". Его существование оказалось возможным только благодаря постоянной щедрой финансовой поддержке Калиновского. В условиях преобладания коммерческой и бульварной прессы журнал "Новый мир искусства" продолжает лучшие эстетические традиции Петербурга и является одним из редких исключений, необходимых для сохранения и развития культуры. Ю.Ю. Калиновский передал в дар Петербургскому библиотечному обществу 25 полных комплектов журнала с 1998 года по первое полугодие 2000 г. общей стоимостью 15 тыс. руб. Комплект из двенадцати номеров получила каждая крупная

библиотека С.-Петербурга и Ленинградской области, что позволило сделать журнал доступным для самой широкой публики.

В номинации "Издатель" жюри единогласно признало победителем издательство и книготорговую фирму "Бизнес-пресса", которая не только издает актуальные книги по экономике и праву, но и продает их библиотекам по льготной цене, на 20-25% ниже розничной, что дает возможность большинству централизованных библиотечных систем расширить репертуар столь нужной сегодня литературы. При скудном и неравномерном финансировании библиотек, когда их средства ограничены и должны быть использованы рационально и экономно, "Бизнес-пресса всегда внимательно относится к запросам библиотек и никогда не отказывает им, даже если у них нет денег для расчета — фирма откладывает книги и ожидает поступления средств. Издательство "Бизнес-пресса" является очень надежным партнером библиотек.

В номинации "Журналист" награда досталась ведущему специалисту Комитета по культуре С.-Петербурга Сергею Николаевичу Ильченко. Как журналист, он активно занимался освещением деятельности библиотек города, писал об организуемых в них мероприятиях в газетах и журналах, рассказывал о них на радио и телевидении. С.Н. Ильченко принимал практическое участие в проведении информационных кампаний, в поддержке ряда международных акций, организуемых Петербургским библиотечным обществом. Так, например, неоценимую помощь в информационном обеспечении С.Н. Ильченко оказал в подготовке Петербургского библиотечного форума, посвященного 10-летию ПБО.

Награждение лауреатов проходило 29 мая в Большом зале ЦГПБ им. В.В. Маяковского в присутствии многочисленных представителей средств массовой информации и широкого круга общественности. Призы вручали З.В. Чалова, Президент Петербургского библиотечного общества и члены жюри конкурса. Победителей поздравил Л.П. Романков¹, председатель Комиссии по культуре, депутат Законодательного собрания С.-Петербурга. Леонид Петрович Романков говорил о важности общественной поддержки библиотек. Он высоко оценил художественные достоинства бронзо-

вого горельефа Е.Р. Дашковой работы скульптора А.К. Фумелли. Л.П. Романков сказал, что, идя на эту встречу, он боялся, что приз окажется переходящим. В этой шутке, хорошо принятой залом, отразилась общая теплая атмосфера церемонии, которую великолепно провела председатель жюри В.Т. Орлова.

Публикации в прессе, передача по телевидению, которые отразили торжественное награждение победителей конкурса имени Е.Р. Дашковой, подтверждают, что конкурс, девизом которого являются слова "Humanitatis Gratia" — "ради общего блага", должен продолжаться.

¹Л.П. Романков — лауреат Премии Е.Р. Дашковой 1999 года, интервью с ним опубликовано в данном номере на стр. 76.

ЦЕНТР ДЕЛОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ЗЕРКАЛЕ СТАТИСТИКИ

ТАБЛИЦА 1

Сегодня практически все библиотеки Санкт-Петербурга знают об организованном агентством “Бизнес-пресса” Центре деловой литературы (ЦДЛ). При этом популярность ЦДЛ в библиотечных кругах объясняется не только тем, что ЦДЛ в течение семи лет обращает большое внимание на комплектование библиотек, но скорее другими, чисто прагматическими факторами, основными из которых являются:

- широкий специализированный ассортимент экономической, юридической, гуманитарной, технической и медицинской литературы;
- реализация книг по оптовым (издательским) ценам, без применения наценок, а наоборот, с использованием гибкой системы скидок;
- бесплатная доставка книг в пределах Санкт-Петербурга;
- бесплатное информационное обеспечение;
- автоматизация процесса приемки и обработки заказов;
- приобретение необходимой библиотечной техники.

Таким образом, ЦДЛ стал для библиотек своеобразным современным библиотечным коллектором, где на одних площадях сконцентрирован весомый и постоянно обновляющийся ассортимент специализированной литературы.

Давайте же посмотрим, что из себя представляет ЦДЛ как бы изнутри, а именно в зеркале некоторых статистических выкладок.

Итак, Центр деловой литературы обслуживает на данный момент 181 библиотеку (с учетом городских, федеральных библиотек, библиотек учебных заведений и предприятий).

Средняя цена книги в переплете составляет 82 руб. 27 коп., в обложке – 38 руб. 31 коп.

Общий ассортимент предлагаемых изданий составляет 7918 наименования, которые распределяются тематически (см. табл. 1).

Хочется отметить определенное расширение ассортимента, которое произошло за счет появления раздела ТЕХНИКА – 146 наименований и МЕДИЦИНА.ЗДРАВООХРАНЕНИЕ – 124 наименования, а также электронных изданий – 15 наименований. При этом электронные издания и справочники выделены в отдельное подразделение под названием “Бизнес-справка”.

Представленный ассортимент книг выпущен 476 издательствами, 85% из которых — московские.

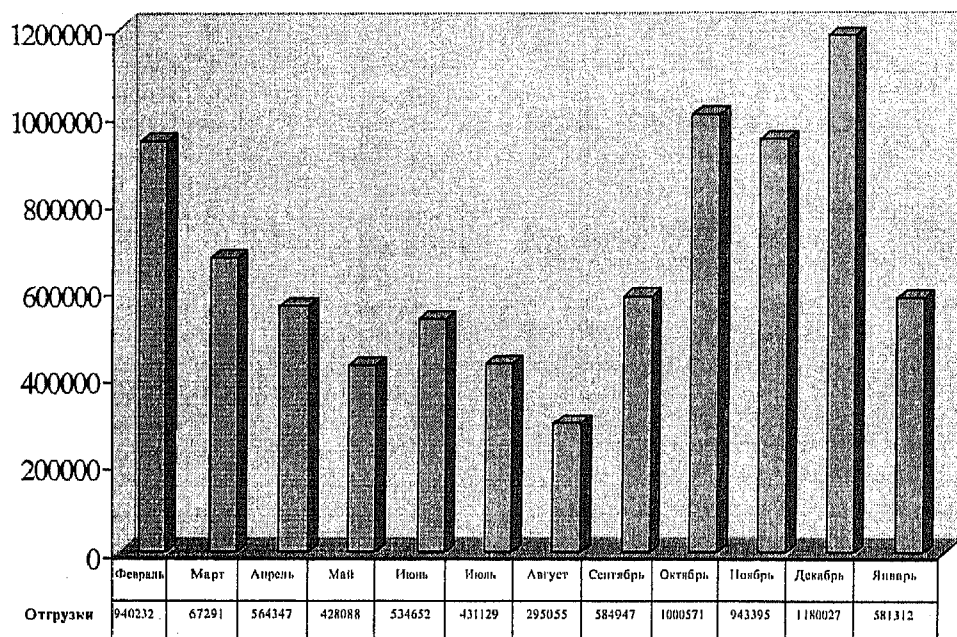
Если рассмотреть данные реализации книг за 2000 г.(табл.№2) за 2000 год, то явно прослеживаются сезонные колебания продаж, которые повторяются из года в год. При этом происходит постоянный рост объемов продаж, который, однако, связан не столько с увеличением количества приобретаемых изданий, сколько с увеличением цен на книги.

В таблице 2 приведены реальные суммы продаж за 2000год с учетом скидок от оптовых цен. Данные учитывают поступления денег только от библиотек города.

Таким образом, можно рассчитать, что средний объем закупок одной библиотекой книг в месяц, например, в декабре, составил $1270075\% \cdot 181 = 7016$ руб. Хотя

Позиций	Группа	Всего	%
Право		584	9,7
Экономика		551	9,2
Менеджмент		440	7,3
Бухгалтерский учет. Налогообложение		418	7,0
Криминалистика. Судостроительство		338	5,6
Информатика		332	5,5
Психология		328	5,5
Финансы. Ценные бумаги		297	5,0
Маркетинг. Реклама		295	4,9
Иностранные языки. Языкознание		273	4,6
Законы. Кодексы. Комментарии		259	4,3
Гуманитарные науки		227	3,8
Техника		219	3,7
Нормативные акты		140	2,3
Медицина. Здравоохранение		134	2,2
Естественные науки		130	2,2
Философия		113	1,9
История		113	1,9
Политология		111	1,9
Делопроизводство		85	1,4
Туризм		77	1,3
Социология		72	1,2
Внешнеэкономическая деятельность		70	1,2
Разное		61	1,0
Банковское дело		59	1,0
Недвижимость		53	0,9
Культурология		51	0,9
Аудит		43	0,7
Страховое дело		38	0,6
Статистика		38	0,6
Экология		37	0,6
Энциклопедии. Справочники		8	0,1
Изопродукция		1	0,0
Стандарты		1	0,0
Общий итог		7 918	100,0

ТАБЛИЦА 2

в действительности основной объем комплектования ложится примерно на 20% от общего количества комплектуемых в ЦДЛ библиотек.

Как видите, приведенная статистика показывает, что ЦДЛ достаточно успешно развивается и становится все более привлекателен для библиотек.

Однако мы никогда не говорим, что мы лучше всех. Есть и другие достаточно успешные книоторговые фирмы.

Мы предлагаем вам самостоятельно сравнить предлагаемые разными фирмами условия, прочитав следующий материал "Памятка для тех, кто умеет считать".

ПАМЯТКА

Как Вы знаете, агентство "Бизнес-пресса" девять лет работает на книжном рынке Санкт-Петербурга и специализируется на реализации экономической, юридической, гуманитарной литературы. Наш ассортимент — более 8000 наименований книг.

В 2000 г. Петербургское библиотечное общество отметило успешную работу агентства и наградило премией имени Екатерины Романовны Дашковой.

Сегодня, имея за плечами опыт работы, мы берем на себя смелость дать Вам несколько полезных советов, которые помогут сэкономить средства и время при покупке необходимых книг.

Итак, Вы собрались заключить договор на комплектование...

Совет первый: обратите внимание на ассортимент предлагаемых изделий. Согласитесь, что вы сэкономите время (а значит, и деньги), если в одном месте купите максимум интересующих вас книг.

Совет второй: не радуйтесь раньше времени большим скидкам. Сегодня во всех крупных книоторгах оптовая (издательская) цена примерно одинаковая и именно от нее действует система скидок. Возьмите в руки калькулятор и посчитайте (решите задачу).

Совет третий: обратите внимание на дополнительный сервис:

- осуществляет ли фирма бесплатную доставку книг;
- предлагает ли бесплатное информационное обслуживание (информация о новых поступлениях по факсу или электронной почте, возможность приобретения библиотечной техники и др.).

Совет четвертый: обратите внимание, как давно работает фирма на книжном рынке, насколько профессиональны сотрудники данной фирмы, открыта ли фирма для контактов, где находится офис фирмы и как он выглядит.

Совет пятый: воспользуйтесь данными советами, они помогут вам сделать правильный выбор.

РЕШИТЕ ЗАДАЧУ

Когда вы пришли в книоторговую фирму N, вам сразу предлагают большую скидку — 20% — при покупке на сумму от 10 000 рублей. Однако, сравнив цену, от которой предлагается скидка 20% , с оптовыми (издательскими) ценами, установленными в крупных книоторгах, вы увидели, что фирма N делает наценку на оптовые цены 25%.

ВОПРОС:

Какую реальную скидку от оптовых (издательских) цен вы получите в фирме N?

Тел. /факс:
(812) 164-5069, 164-7482, 164-5601, 164-5700, 315-7780
E-mail: bp@bizpressa.spb.ru